

Павел Щербинин

«Пустите детей ко мне...»:
«дети беды» и попечительство
до и после 1917 года

Монография



Тамбов 2018

УДК 93/94+376.6
ББК 63.3(2)+74.04
Щ64

*Исследование проведено в рамках гранта DFG
(Deutsche Forschungsgemeinschaft)
KU 1348/2 “Kinderfürsorge im Gouvernement Tambov. Zu den Anfängen
von Sozialstaatlichkeit im Russischen Reich und in Sowjetrussland”*

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор **С.Ю. Мальшева**
(Казанский государственный университет);

доктор исторических наук, профессор **В.Б. Безгин**
(Тамбовский государственный технический университет);

искусствовед **М.А. Климова** (Тамбов)

Щербинин, П.П.

Щ64

«Пустите детей ко мне...»: «дети беды» и попечительство до и после 1917 года : монография / Павел Щербинин. – Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2018. – 370 с.

ISBN 978-5-00078-230-9

В монографии на основе архивных документов, материалов периодической печати, опубликованных источников рассматриваются особенности становления и развития системы социального попечения и призрения «детей беды» (детей-сирот, подкидышей, детей-инвалидов, малолетних преступников, беспризорников и пр.). В центре внимания проявления механизмов попечения, опеки, благотворительных инициатив частных лиц, общественных организаций, сословных объединений, структур местного самоуправления и государственных институтов по спасению нуждающихся детей в императорской и Советской России. Изучены общероссийские и региональные особенности «социального государства», этноконфессиональные, социально-экономические, сословно-бытовые, повседневные реалии содержания, воспитания и обучения детей в социальных учреждениях (приютах, детских домах, яслях, убежищах и колониях).

Книга рассчитана на преподавателей и студентов, аспирантов и научных сотрудников, всех, кого интересуют проблемы социальной работы, истории благотворительности, повседневной жизни детей в переломные эпохи Отечественной истории.

**УДК 93/94+376.6
ББК 63.3(2)+74.04**

ISBN 978-5-00078-230-9

© Щербинин П.П., 2018

© Оформление. Издательский дом «Державинский», 2018

Pavel Shcherbinin

«Suffer the children to come unto me...»:
«children of misfortune» and patronage
before and after 1917

Monograph



Tambov 2018

UDC 93/94+376.6

*Research is done within the DFG grant
(Deutsche Forschungsgemeinschaft)
KU 1348/2 “Kinderfürsorge im Gouvernement Tambov. Zu den Anfängen
von Sozialstaatlichkeit im Russischen Reich und in Sowjetrußland”*

Reviewers:

Doctor of History, Professor **S.Yu. Malysheva** (Kazan State University);
Doctor of History, Professor **V.B. Bezgin** (Tambov State Technical University);
Fine Art Expert **M.A. Klimkova** (Tambov)

Shcherbinin, P.P.

«Suffer the children to come unto me...»: «children of misfortune» and patronage before and after 1917 : Monograph / Pavel Shcherbinin. – Tambov : Derzhavinsky Publishing House, 2018. – 370 pp.

ISBN 978-5-00078-230-9

Monograph considers features of formation and development of the system of social welfare and maintenance of «children of misfortune» (orphans, foundlings, handicapped children, juvenile offenders, homeless children, etc) based on archive documents, periodicals and publications. Special attention is paid to mechanisms of custody, patronage, private charitable efforts, public organisations, class associations, local government and national institutes on rescuing children in need in Imperial and Soviet Russia. All-Russian and regional features of «social state», communal, socio-economic, class and everyday realities of bringing-up and education of children in different social institutions (shelters, orphanages, nursery, asylum and colonies) are covered.

The issue is intended to professors and students, post-graduate students and research workers, as well as to everyone interested in problems of social work, history of charity, everyday life of children at the crucial moments of National history.

UDC 93/94+376.6

ISBN 978-5-00078-230-9

© Shcherbinin P.P., 2018

© Design. Derzhavinsky Publishing House, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	10
---------------	----

Глава I

Социальная защита и призрение детей-сирот в Тамбовской губернии во второй половине XIX – начале XX века	31
I.1. Земское самоуправление Тамбовской губернии и дети-сироты.....	31
I.2. Городское самоуправление и забота о детях-сиротах ..	60
I.3. Церковное и монастырское призрение детей в Тамбовской епархии	79
I.4. Институт опеки и дети-сироты во второй половине XIX – начале XX века.....	113
I.5. Ясли-приюты в Тамбовской губернии в начале XX века.....	123
I.6. Призрение детей-сирот в период Русско-японской 1904–1905 гг. и Первой мировой войны 1914–1918 гг.	136

Глава II

Социальная политика и дети-сироты в Советской России (1918–1930 гг.): региональные аспекты	197
II.1. Революционные события в Тамбовской губернии и трансформации благотворительных учреждений и системы социальной защиты (1917–1918 гг.).....	197
II.2. Кадры решают все?! Кто и как занимался воспитанием и обучением в детских социальных учреждениях.....	215
II.3. Жизнь и судьба детей-сирот в годы Гражданской войны	237
II.4. Детские дома: организация управления, повседневная жизнь воспитанников (1919–1929 гг.)	261

II.5. Власть народа и «дефективные» и «аморальные» дети	280
II.6. Охрана материнства и младенчества в 20-е гг. XX века на Тамбовщине	310
II.7. Нацмен и организация детских домов для детей представителей национальных меньшинств.....	329
Вместо заключения	338
Список использованных источников и литературы	347
Список сокращений	368

CONTENTS

Introduction.....	10
-------------------	----

Chapter I

Social protection and maintenance of orphans in the Tambov province in the latter half of the XIX – the early XX centuries	31
I.1. County (Zemsky) government of the Tambov province and orphans.....	31
I.2. City government and care of orphans	60
I.3. Church and monastery maintenance of orphans in Diocese of Tambov	79
I.4. Custody institute and orphans in the latter half of the XIX – the early XX centuries.....	113
I.5. Nursery-shelter in the Tambov province in the early XX century.....	123
I.6. Maintenance of orphans during the Russian-Japanese (1904–1905) and the First World Wars (1914–1918)	136

Chapter II

Social policy and orphans in Soviet Russia (1918–1930): local aspects	197
II.1. Revolutionary events in the Tambov province and change of charities and the system of social protection (1917–1918)	197
II.2. It's all about the people?! Who and how brought up and taught children in children's social institutions	215
II.3. Life and destiny of orphans during the Civil War	237
II.4. Orphan homes: management and everyday life of foster children (1919–1929)	261
II.5. Power of people and «defective» and «amoral» children	280
II.6. Maternal and child welfare in 20-ss of the XX century in the Tambov region	310

II.7. National minority and orphan homes for children of persons belonging to national minorities	329
Instead of conclusion.....	338
References and literature	347
List of abbreviations	368

*Посвящаю мою
работу профессору
Дитриху Байрау*

ВВЕДЕНИЕ

Но Иисус сказал: пустите детей
и не препятствуйте им приходить ко Мне,
ибо таковых есть Царство Небесное.

Евангелие от Матфея, 19:14

Считаю важным предварить историографический курс и источниковедческие находки, анализ целей и задач, методологические подходы по проблеме изучения системы попечительства, призрения детей и подростков Тамбовской губернии до и после 1917 года выражением признательности за поддержку, критику и замечания, которые позволили успешно реализовать научный проект и финишировать текстом данной монографии.

Прежде всего, хотел бы поблагодарить всех, кто помог в работе над проектом, позволил избегать неточностей и исправлял изъяны в представляемом исследовании. Благодаря финансовой поддержке DFG (Deutsche Forschungsgemeinschaft, DFG-GZ: KU 1348/2 “Kinderfürsorge im Gouvernement Tambov. Zu den Anfängen von Sozialstaatlichkeit im Russischen Reich und in Sowjetrußland”) я смог работать с источниками и литературой в библиотеках Тюбингенского университета, а также в архивах и библиотеках Москвы, Санкт-Петербурга и Тамбова. В июле 2018 года состоялось мое выступление с докладом на коллоквиуме в Институте Восточной Европы и страноведения Тюбингенского университета (ФРГ), на котором были заданы вопросы, высказаны замечания и прошла широкая дискуссия по теме проекта, что значительно ускорило и уточнило постановку проблем и выработку методологии, структуру и сюжетные линии отдельных разделов рукописи. Личная поддержка и

критика директора Института профессора Клауса Гествы, моей научной «мамы» по проекту Катарины Кухер, профессора Дитриха Байрау и других коллег были очень полезными, ценными и своевременными. Я благодарю директора библиотеки Института Катрин Вагнер, оказавшую мне большое содействие в библиотечных поисках и работе с фондами.

Искренней признательности заслуживают также сотрудники редкого фонда библиотеки Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, Тамбовской областной универсальной научной библиотеки имени А.С. Пушкина, фондов Тамбовского областного краеведческого музея, которые оказывали максимальное содействие в работе над опубликованными источниками, литературой и периодической печатью.

Особые слова благодарности необходимо сказать тем, кто сохраняет и обеспечивает полный доступ к архивным материалам и коллекциям: директору Государственного архива Тамбовской области Н.М. Бородулину, сотрудникам архива Е.В. Замогильной, О.А. Расстегаевой, Т.А. Кротовой. Те же добрые слова можно отнести и работникам Государственного архива социально-политической истории Тамбовской области.

Очень ценными были обсуждения отдельных разделов работы с коллегами, изучающими детские и молодежные организации, повседневную жизнь населения Тамбовщины в 20-е гг. XX века, А.А. Слезиним, А.А. Диком, И.В. Двухжиловой, а также специалистом-краеведом М.А. Климковой.

Собственно выбор научной проблемы для изучения истории «несчастливого детства» сквозь призму детского сиротства, беспризорности, малолетней преступности и девиантного поведения в конце XIX – начале XX века был не случаен. Более 15 лет предметом моего научного интереса

являлись солдатские семьи, сами солдатки и их дети¹. Различные аспекты военного сиротства, влияние «военного фактора» на повседневную жизнь российской провинции позволяло увидеть то, о чем обычно «молчали» классические исследования по истории войны и военных последствий для населения Российской империи. Анализ изучения практики призрения и опеки над «военным потомством» в XIX веке и заботой государства и общества о солдатских детях-сиротах выявил недосказанность о «не военных» детях и подростках, которые были по-своему несчастны, нередко лишены родительского тепла и внимания общества и государства. В данном контексте обращение к судьбам всех без исключения «обиженных и оскорбленных», по сути лишенных «традиционного детства» юных россиян и россиянок в российской провинции представляется вполне понятным и обоснованным.

Исключение «столичных» сирот, петербургских и московских детей и подростков, является не случайным явлением или «ошибкой», так как повседневная жизнь, социальные возможности, финансовое обеспечение и положение таких представителей «детской кагорты» во все времена серьезно и принципиально отличались от того, что происходило в провинциальной России. «Столичность» определяла направления социальной работы в отношении социальной помощи детям, показывало «пример» и вектор раз-

¹ *Щербинин П.П.* Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в.: монография. Тамбов, 2004; *Он же.* Повседневная жизнь девочек в России в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: сб. ст. / сост. Н.Л. Пушкарева. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 117-154; *Его же.* Дети-сироты и их призрение в период войн России начала XX в. // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. Тамбов, 2013. Вып. 9 (125). С. 334-341; *Его же.* Повседневная жизнь детей и подростков в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг.: монография. Тамбов, 2016.

вития благотворительных инициатив и начинаний, которые затем с различной успешностью и систематичностью проявлялись в отдаленных регионах, «медвежьих» углах, просто в провинциальной России. Примечательно, что этот принцип разделения страны на особый столичный мир и «другую» Россию сохранялся и в период императорской власти и при советском режиме. О различных проявлениях этой «разницы» и этого «особого» состояния и противостояния центра и периферии в контексте благотворительной деятельности и практики призрения, опеки и проявлений элементов социального государства будет идти речь практически во всех разделах монографического исследования.

Очень важно учитывать и еще одно чрезвычайно важное региональное «обстоятельство» жизни населения типично аграрной Тамбовской губернии в начале XX века в условиях нарастающей модернизации и урбанизации. В сельской местности жило более 80 % населения региона, а рост рождаемости и снижение в результате развития медицины и повышения санитарно-гигиенической культуры жителей приводили к «взрывному» росту доли детей и молодежи, которая к началу Первой мировой войны 1914–1918 гг. составляла до 40 % населения. Города и села были очень плотно и широко «заселены» детьми, которые составляли активную часть демографического ландшафта.

Понятно, что в силу самых разных обстоятельств (смерти родителей, потери кормильца, эпидемий и т. п.) значительное число детей оказывались без семейной поддержки, нуждались в опеке и призрении, которое начали обеспечивать различные социальные и благотворительные учреждения. В книге предпринята попытка оценки результативности попечения о «детях беды» в до и послереволюционный периоды. Важно оценить проявления и тактику, особенности «социального государства» и частной, обще-

ственной инициативы. Сосредоточение внимания на Тамбовской губернии позволяет соединить общие вопросы с микро-историческими исследованиями отдельных учреждений и их практик призрения детей и подростков.

Другими постановочными проблемами является выяснение историко-социального, культурно-идеологического, этноконфессионального и экономико-политического наполнения призрения и благотворительности в отношении детей и подростков до и после 1917 года. При изучении уровней и результативности призрения и социальной опеки детей-сирот и иных детей, нуждающихся в поддержке, реконструкции благотворительных инициатив в региональном контексте необходимо ответить на следующие вопросы:

1) Какова была нуждаемость «детей беды» в общественном попечении и насколько эффективны были сословные, групповые, профессиональные и иные механизмы их социальной защиты и поддержки?

2) Как регламентировались правовые механизмы организации призрения детей на региональном уровне?

3) Как влияло реформирование системы социального призрения и практик «социального государства» в Российской империи и Советской России на положение детей, оставшихся в силу разных причин без поддержки и попечения родителей?

4) Учитывались ли этноконфессиональные особенности при организации призрения детей, которым была необходима «срочная и немедленная» помощь? Насколько развитым было воздействие религиозных объединений и групп на милосердную помощь «страждущих» и «молящих» о помощи детей и подростков?

5) Как относилось к детям-сиротам, детям-инвалидам, детям-преступникам, просто беспризорным подросткам их социальное окружение, власти и общество?

6) Насколько эффективной при разных политических режимах была социальная поддержка и существовали ли для детей-сирот возможности использования «социальных лифтов» и «социальных трамплинов»?

7) Влияли ли гендерные стратификации на перспективы социальной защиты для детей, нуждающихся в поддержке детей? Важны были гендерные роли, традиции и нормы для самих благотворителей или эти же «водоразделы» и ограничения касались и самих призреваемых детей и подростков?

8) Насколько сопоставимы были государственная, общественная и частная социальные поддержки «детей беды»?

Кто же являлся «объектом» или «субъектом» опеки, попечения, благотворительной поддержки и заботы различных государственных, частных, общественных и иных структур?

1) «Подкидыши» (найденныши, «отказники», «подброшенные» дети и т. п.) – это младенцы, которых матери подбрасывали, приносили или оставляли у частных домов, учреждений и т. п. Такие дети должны были передаваться в полицию (милицию) для дальнейшего помещения в приюты, богоугодные заведения, сиротские (детские) дома и др.

2) «Обычные» дети-сироты, остававшиеся часто без всякой поддержки и попечения родителей, родственников и социального окружения.

3) Дети-инвалиды по зрению, глухонемые, имевшие различные тяжелые физические или психические недостатки (физически- и психически «дефективные» дети).

4) Беспризорники (потерявшие родителей, связь с родными и домом). Одна из самых распространенных групп детей и подростков, резко увеличивавшаяся в период Первой мировой войны 1914–1918 гг., но достигшая апогея в годы Гражданской войны и голодовок 20-х гг. XX века.

5) Дети-беженцы, в особенности представители национальных групп (евреи, поляки, литовцы, мордвины, татары и пр.), испытавшие многие трудности и беды в военные и революционные годы (1914–1924 гг.). В советский период относились к категориям «национальных меньшинств».

6) Дети-сироты дворянского, купеческого и духовных сословий, которые до 1917 года могли призреваться «особыми» опеками и учреждениями, а в годы советской власти «выпадали» из когорты «правильных» и «политически» надежных «потомков» рабочих, крестьян, красноармейцев и коммунистов.

7) «Дети-преступники» (малолетние преступники), те, кто с детских лет занимался криминальной деятельностью, попадал под надзор полиции (милиции), содержался и воспитывался в спецучреждениях.

Некоторые историографические размышления. Историография научной проблемы, заявленной в книге, с одной стороны, очень обширна и многогранна, но с другой – отражает достаточно стереотипные подходы и оценки в отношении развития системы социального призрения и попечения о «детях беды» в царской и Советской России. Прежде всего, это касается региональных историков, которые стремятся воссоздавать картину на местном материале, пользуясь столичными «лекалами». Представляется важным выделить наиболее существенные подходы и методологические решения по реконструкции системы социальной защиты детей в российской провинции, а также уточнению роли социального государства, взаимоотношений общества, государственных органов, личной инициативы в контексте «особенности» региональных аспектов проявлений заботы о нуждающихся в поддержке и защите детях.

Классические исследования о формах и типах социального государства проведены Г. Риттером и Ф. Кауфманом². Наиболее существенные методологические решения и выводы по изучению детства в дореволюционной, советской и постсоветской историографии содержатся в работах К. Келли³, А.А. Сальниковой⁴, Т.М. Смирновой⁵, С.В. Журавлева и А.К. Соколова⁶.

Вызывала большой интерес история социальной работы в России⁷, организация призрения в благотворительных учреждениях⁸, в том числе на региональном уровне⁹ в контексте социальной работы¹⁰.

² *Ritter G.A. Der Sozialstaat, Entstehung und Entwicklung im internationalen Vergleich. München, 2010. (3. Aufl.); Kaufmann F.-X. Varianten des Wohlfahrtsstaates. Der deutsche Sozialstaat im internationalen Vergleich. Frankfurt a/M., 2003.*

³ *Келли К. Об изучении истории детства в России XIX–XX вв. // Какоея. Из истории детства в России и других странах: сб. ст. и материалов / сост. Г.В. Макаревич. Москва; Тверь: Научная книга, 2008. С. 8-46; Kelly C. Children's World: Growing Up in Russia 1890–1991. New Haven; London: Yale UP, 2007; Seine. Riding the Magic Carpet: Children and Leader Cult in the Stalin Era // Slavic and East European Journal. Vol. 49. № 2.*

⁴ *Сальникова А.А. Российское детство в XX веке: история, теория и практика исследования. Казань, 2007.*

⁵ *Смирнова Т.М. Дети Советской России (по материалам Деткомиссии ВЦИК. 1921–1924 гг.) // Социальная история. Ежегодник. 2001–2002. М.: РОССПЭН, 2004. С. 486-528; Она же. Дети страны Советов: От государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1940 гг. Москва; Санкт-Петербург: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015.*

⁶ *Журавлев С.В., Соколов А.К. Счастливое детство // Социальная история: Ежегодник 1997. М.: РОССПЭН, 1998. С. 159-203.*

⁷ *Исторический опыт социальной работы в России / под общ. ред. Л.В. Бадя. М., 1994; Фирсов М.В. Социальная работа в России: теория, история, общественная практика. М., 1996; Охрана детей-сирот в России. М., 1994 и др.*

⁸ *Апарина И.И. Государственное и частное призрение детей в дореволюционной России. М., 2000; Синова И.В. Дети в городском рос-*

Проблему кормиличного промысла в Российской империи и роли столичных воспитательных домов в призрении детей наиболее тщательно изучил в своей монографии Д. Рансел¹¹. Особенности организации яслей в российской деревне затронуты в работе Н. Фрайден¹². Отдельные аспекты охраны материнства и детства в России рассмотрены в статье А. Линденмайер¹³, которая указывала, что наиболее существенные шаги в области охраны материнства и детства в России были связаны с деятельностью правительства. О раннем советском периоде социальной политики и трансформациях в сфере образования и воспитания

сийском социуме во второй половине XIX – начале XX в. СПб., 2014; Юстус И.В., Яшина М.А. Система и деятельность учреждений по призрению детей в конце XIX – начале XX веков: отечественный и зарубежный опыт. Ульяновск, 2006 и др.

⁹ Горбунова И.А. Становление общественного призрения на Дальнем Востоке России (1884 – февраль 1917 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2003; Задворнова Е.Е. Государственно-общественное призрение на Урале (последняя треть XVIII – начало XX века): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курган, 2001; Голикова С.В., Дашкевич Л.А. Призрение детей на Урале в XVIII – начале XX в.: институциональный и социокультурный аспекты. Екатеринбург, 2013 и др.

¹⁰ Елфимова Н.В. Становление и развитие социальной работы с несовершеннолетними в пореформенной России, 60-е гг. XIX – начало XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003; Ануфриева О.В. Становление системы социальной защиты детства в России в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Елец, 2009 и др.

¹¹ Ransel D.L. Mothers of Misery. Child Abandonment in Russia. Princeton: Princeton University Press, 1988.

¹² Frieden N.M. Child Care: Medical Reform in a Traditionalist Culture // The family in Imperial Russia. New lines of historical research / ed. by D.L. Ransel. University of Illinois Press, 1978; Ransel D. Russia and the USSR // N.R. Hiner, J.M. Hawes (eds.). Children in Historical and Comparative Perspective: An International Handbook and Research Guide. New York: Greenwood Press, 1991.

¹³ Lindenmeyr A. Maternalism and Child Welfare in Late Imperial Russia // Journal of Women's History. 1993. Vol. 5. № 2.

детей активно писали зарубежные и отечественные историки¹⁴.

Наиболее популярный и активно разрабатываемый сюжет социального призрения и возможностей опеки и попечительства детей в дореволюционной России отражен в работах по истории благотворительности. Прежде всего, отметим фундированные исследования Г.Н. Ульяновой, посвященные благотворительности в Российской империи в XIX – начале XX века¹⁵. Очень добротню проблемы взаимоотношений власти и общества сквозь призму благотворительной деятельности рассмотрел А.Р. Соколов¹⁶. История социальной работы и ее особенности изучены М. Фирсовым и другими авторами сборника «Нужда и порядок»¹⁷.

¹⁴ *Fitzpatrick Sh.* The Commissariat of Enlightenment: Soviet Organization of Education and the Arts under Lunacharsky (October 1917 – 1921). Cambridge: Cambridge University Press, 1970. P. 162-203; *Ball A.* And Now My Soul is Hardened: Abandoned Children in Soviet Russia, 1918–1930. Berkeley: University of California Press, 1994; *Goldman W.Z.* Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936. Cambridge: Cambridge University Press, 1993; *Kirschenbaum L.A.* Small Comrades: Revolutionizing Childhood in Soviet Russia, 1917–1932. L.: Routledge, 2003; *Балаиов Э.М.* Школа в российском обществе 1917–1927 гг. Становление «Нового человека». СПб.: Изд. Дмитрий Буланин, 2003; *Clementine G.K.* Creuziger. Childhood in Russia: Representation and Reality. Lanham, Maryland: University Press of America, 1996.

¹⁵ *Ульянова Г.Н.* Благотворительность в Российской империи, XIX – начало XX века. М., 2005; *Она же.* Законодательство о благотворительности в России (конец XVIII – начало XX в.) // Отечественная история. 2005. № 6. С. 17-32; *Она же.* Изучение истории благотворительности в России: тенденции и приоритеты (1989–2002 гг.) // Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования. СПб., 2003. С. 16-29.

¹⁶ *Соколов А.Р.* Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII – конец XIX в.). СПб.: Лики России, 2006.

¹⁷ *Фирсов М.* История социальной работы в России: тенденции становления // Нужда и порядок. История социальной работы в России,

Оценки возможностей государственной поддержки слабо защищенных слоев в Российской империи рассмотрены в фундаментальных работах Б.Н. Миронова¹⁸. Традиционные практики изучения частной жизни ребенка в XIX веке исследованы в работах К. Кухер¹⁹.

На особенности и перспективы изучения истории благотворительности и социальной помощи, различия по глубине исследования и степени концептуализации обратила внимание А. Линденмайер²⁰. Среди обобщающих работ о деятельности общественных объединений и организаций в контексте благотворительности следует выделить работы А.С. Тумановой²¹, И.П. Павловой²², Н.Л. Матвеевой²³, ста-

XX в.: сб. науч. статей / под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. Саратов, 2005. С. 65-128.

¹⁸ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. СПб.: Изд. Дмитрий Буланин, 2003; *Он же.* Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. 2-е изд., испр., доп. М.: Изд-во «Весь мир», 2012; *Его же.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015.

¹⁹ *Kucher K.* Die visualisierte Kindheit im Russland des 19. Jahrhunderts. Stilisierte Welten zwischen Kanonen, Birken und Schulbänken // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* 2012. Vol. 60. H. 4. S. 510-532; *Kucher K., von Winning A.* Privates Leben und öffentliche Interessen. Adlige Familie und Kindheit in Russlands langem 19. Jahrhundert // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* 2015. Vol. 63. H. 2. S. 233-255; *Кухер К.* Размышления о подходах к изучению истории детства // *Малолетние подданные большой империи: Филипп Ариес и история детства в России (XVIII – начало XX века): сб. ст. М.: РГГУ, 2013. С. 76-88.*

²⁰ *Линденмайер А.* Открывая Атлантиду: тенденции и перспективы изучения истории российской благотворительности // *Благотворительность в истории России: Новые документы и исследования.* СПб.: Нестор-История, 2008. С. 95-107; *Lindenmeyr A.* Poverty Is Nota a Vice: Charity, Society and the State in Imperial Russia. Princeton, 1996.

²¹ *Туманова А.С.* Общественные организации города Тамбова на рубеже XIX–XX веков. Тамбов, 1999; *ее же.* Самодержавие и общественные организации в России. Тамбов, 2002.

тьи Д. Кароли²⁴, А. Авдеева²⁵ и др. О приютах для малолетних преступников написано немало специальных работ²⁶.

Призрение и забота о беспризорных детях в Советской России привлекала внимание многих исследователей²⁷, в том числе и по сюжетам социальной и физической дефективности²⁸. Новым направлением в изучении детства в годы Гражданской войны стало исследование положения де-

²² Павлова И.П. Социальное попечение в России в конце XIX – начале XX века. Красноярск, 2003.

²³ Матвеева Н.Л. Благотворительность и императорская семья в годы Первой мировой войны. М., 2004.

²⁴ Кароли Д. Дети-инвалиды в дореволюционной и советской России // Малолетние подданные большой империи: Филипп Ариес и история детства в России (XVIII – начало XX века). [Сб. ст.]. М., 2012. С. 138-196.

²⁵ Авдеев А. Младенческая смертность и история охраны материнства и детства в России и СССР // Историческая демография: сб. статей / под ред. М.Б. Денисенко, И.А. Троицкой. М., 2010.

²⁶ Горбунов В.А. Становление и развитие тюремной благотворительности в России в 19 веке // Российская юстиция. 2006. № 4. С. 64-65; Зориков А.Н. Возникновение и развитие благотворительно-тюремных обществ в России в XIX – начале XX века: историко-правовой аспект проблемы // Проблемы социально-политической истории России. Тверь, 2003. Вып. 3. С. 10-29; Лебедев А.Г. История борьбы с нищенством и бродяжничеством в России XIX – начала XX в.: Опыт использования пенитенциарных учреждений // Вестник Московского университета. Сер. 8, История. 2006. № 4. С. 111-126; Павлова И.П. Тюрьма и благотворительность в Российской империи второй половины XIX – начала XX века // Благотворительность в России. 2002: Исторические и социально-экономические исследования. СПб., 2003. С. 319-333.

²⁷ Рожков А.Ю. Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие // Вопр. истории. 2000. № 11. С. 134-139; Kuhr-Korolev C. “Gezaemte Helden”. Die Formierung der Sowjetjugend 1917–1932. Essen, 2005.

²⁸ Калининкова-Магнуссон Л.В., Магнуссон М. Социальная политика в отношении детской «дефективности» в военно-революционный период и в первую декаду Советской власти (1914–1927 гг.) // Вестник Поморского университета. 2005. № 1.

тей в концлагерях, в том числе и на Тамбовщине в период «антоновщины»²⁹.

Региональные аспекты социального попечительства и опекунов тщательно изучены в работах Е.П. Мерко³⁰, М.П. Осиповой³¹, В.Б. Безгина³², В.М. Заколотной³³. Благо-

²⁹ *Щербинин П.П.* Дети русско-японской, подростки Первой мировой... Этапы взросления участников революции 1917 г. и Гражданской войны // Центр и периферия. 2015. № 3. С. 18-24; *Его же.* «Антоновщина» сквозь призму восприятия детей и подростков: выбор жизненного пути и его последствия в первой четверти XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 6 (80). Ч. 2. С. 113-115; *Елисеев В.* Дети после «антоновщины» // Посев. 2013. № 7 (1630). С. 42-46; *Он же.* Детство за колючей проволокой // *Filo Agiadne*. 2017. № 4; *Безай О.В.* Использование концлагерей в ходе подавления Тамбовского восстания 1920–1921 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2018. № 8.

³⁰ *Мерко Е.П.* Эволюция правового регулирования деятельности опекунов над несовершеннолетними сиротами в конце XIX – начале XX в. // Сборник избранных научных трудов Международного научного форума молодых историков «Белгородский диалог – 2012. Проблемы российской и всеобщей истории» / отв. ред. С.Н. Прокопенко. Белгород, 2012. С. 130-135; *Вьюнник (Мерко) Е.П.* «Нет у нас маменьки, нету тятеньки!.. Сиротки мы трое горемычные!» Система социальной помощи и поддержки детей-сирот в конце XIX – начале XX века в повседневной практике // Трансформация провинциальной повседневности в условиях модернизационного развития России во второй половине XIX – начале XX в. / отв. ред. В.А. Шаповалов, И.Т. Шатохин. Белгород: НИУ «БелГУ», ООО «ГиК», 2011. С. 299-315.

³¹ *Осипова М.П.* Правовые основы и организация опеки над малолетними в крестьянской среде во второй половине XIX – начале XX в.: по материалам Тамбовской губернии: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02; [Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина]. Липецк, 2011; *Она же.* Материальное положение малолетних опекаемых в крестьянской среде Тамбовской губернии в XIX – начале XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 3 (9): в 3 ч. Ч. 2. С. 152-157.

творительную поддержку детей-сирот в Тамбовской губернии изучали Т.Г. Деревягина³⁴, О.А. Дорожжина³⁵, С.Ю. Истомина³⁶. Борьба с беспризорностью в Тамбовской губернии, повседневная жизнь в детских домах в 20-е гг. XX века в Тамбовской губернии рассмотрены в публикациях А.А. Дика³⁷ и А.А. Слезина³⁸.

Даже краткий обзор научной литературы демонстрирует наличие определенных лакун в изучении системы социальной защиты и призрения детей как в дореволюционной,

³² *Безгин В.Б.* Опекa малолетних и сирот в русском селе (вторая половина XIX века) // *Юридический мир*. 2009. № 2; *Он же.* Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX в.). Москва; Тамбов: Изд-во Тамб. гос. тех. ун-та, 2004.

³³ *Заколотная В.М.* Организация и функционирование крестьянской опеки над сиротами в России во второй половине XIX – начале XX в. // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. 2010. № 4.

³⁴ *Деревягина Т.Г.* Роль и место благотворительной деятельности купца А.М. Носова в организации социальных учреждений в г. Тамбов (вторая половина XIX – начало XX века). Тамбов, 2004.

³⁵ *Дорожжина О.А.* Сиротство в России: историко-педагогический анализ. Тамбов, 2000.

³⁶ *Истомина С.Ю.* Земское здравоохранение в Тамбовской губернии (1864–1918): дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2003.

³⁷ *Дик А.А.* Учреждения для беспризорных детей в Тамбовской губернии 20-х гг.: реалии повседневной жизни // *Труды кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического университета: сб. науч. трудов. Вып. IV.* СПб.: Нестор, 2006; *Он же.* Девиантное поведение сельской молодежи в Тамбовской губернии 1920-х гг.: причины и особенности // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2011. № 5-4 (11). С. 58-61.

³⁸ *Дик А.А., Слезин А.А.* Сельские учреждения для беспризорных детей в Тамбовской губернии 1920-х годов // *Российское село в XIX–XX вв.* Тамбов, 2009. С. 92-101; *Слезин А.А.* «Миру крикнули громко...»: Комсомол Центрального Черноземья в духовной жизни советского общества 1921–1929 гг.: социально-политические аспекты. Тамбов: ТГТУ, 2002.

так и в Советской России. Вполне очевидна перспективность изучения данной проблематики, прежде всего, на региональном уровне, что позволяет выявить общее и особенное, уникальное и обыденное, странное и типичное в многомерной картине российского государственного, общественного и частного интереса к сюжетам защиты, спасения и попечения в отношении «детей беды».

Источниковая база исследования представлена законодательными, делопроизводственными, статистическими источниками и справочными изданиями, периодикой, источниками личного происхождения. Основу для изучения темы работы составили архивные документы, подавляющая часть из которых впервые вводится в научный оборот. Наиболее ценными и полезными по количеству и качеству необходимой информации оказались материалы Государственного архива Тамбовской области (далее – ГАТО): ф. 4 (Канцелярия Тамбовского губернатора), ф. 197 (Тамбовского благотворительного комитета), ф. 1058 (Канцелярия губернского комиссара Временного правительства), ф. 17 (Тамбовская городская управа), ф. 16 (Тамбовская городская дума) и др.

Следует заметить, что источники по истории благотворительной деятельности до 1917 года весьма разнообразны, комплексны и информационно насыщены. Причинами этого были, в том числе, и стройная классификация учреждений общественного призрения, которая соответствовала законодательству и сложившейся практике социальной защиты детей-сирот. Были выработаны и, как правило, соблюдались этические, нравственные критерии социальной политики в столицах и регионах Российской империи. Причем в провинции общественное мнение и оценка, признание и молва играли выдающуюся роль в развитии благотворительной деятельности. Другой особенностью деятельности меценатов в нестоличных регионах было жела-

ние повторить успешный опыт благотворительных организаций Санкт-Петербурга.



Статистические данные о деятельности благотворительных организации были важной частью публикаций Тамбовского губернского статистического комитета. Он публиковал в том числе «Адрес-календари и справочные

книжки Тамбовской губернии». Ценность и полезность этих источников состоит в наличии списков участников, попечителей, персонального состава учреждений и благотворительных организаций общественного призрения. Нередко публиковались и истории создания благотворительных учреждений, их практическая деятельность и оценка эффективности социальной поддержки детей-сирот.

Привлечение правовых источников позволило точно определить основные направления благотворительности в отношении детей-сирот в России начала XX века: правительственную, церковную, земскую, общественную и частную. Эта классификация была зафиксирована в Уставе о народном продовольствии, общественном и врачебном призрении 1892 г.³⁹ Наиболее распространенными формами призрения были приюты, убежища, сиротские и воспитательные дома. В законодательстве четко была прописана и политика правительства в отношении детского призрения. В Уставе «О сиротских домах и о домах воспитательных» указывалось, что сиротские дома относятся к разряду благотворительных заведений и находятся в ведении приказов общественного призрения. Возраст призреваемых детей был тоже указан, от 7 до 11 лет включительно. Кроме того, были разработаны и специальные положения о воспитательных домах и яслях, создаваемых для незаконно-рожденных младенцев⁴⁰.

Важными источниками для изучения сиротского призрения и социальной поддержки детей являются материалы периодической печати. Помимо «Тамбовских губернских ведомостей», «Тамбовских епархиальных ведомостей» привлекались и уездные газеты: «Шацкий народный листок», «Моршанский телеграф», «Борисоглебское эхо» и пр.

³⁹ Свод законов Российской империи. Т. XIII. С. 134.

⁴⁰ Там же. С. 33, 53.



Следующую группу источников составили материалы личного характера – воспоминания и дневники. Представляют интерес мемуары Н.П. Муратова, тамбовского губернатора в 1906–1912 гг., давшего блистательную оценку реальному положению дел в ремесленном приюте для малолетних детей⁴¹. Заслуживающими доверия сведениями об обычном праве и призрении детей-сирот в тамбовской деревне написал в своих воспоминаниях уездный земский начальник А. Новиков⁴². Удивительными по своей достоверности оказались воспоминания воспитателей детских домов первых революционных лет⁴³.

⁴¹ Муратов Н.П. Записки тамбовского губернатора. Тамбов, 2007.

⁴² Новиков А. Записки земского начальника. Спб., 1899.

⁴³ Детская колония в Тамбовской губернии в период Гражданской войны (1918–1920). Воспоминания Т.Ю. Коробьиной. 1974 г. URL: <http://www.domarchive.ru/chronica/307>; Сомов Н.И., Костина И.Н. О времени и о себе. Страницы жизни старого тамбовского педагога Николая Ивановича Сомова. Тамбов, 2009; Гарбарев В.Е. Большая семья. М.: Госучпедиздательство, 1949. С. 8-9; История становления и развития специального обучения и воспитания детей с нарушениями слуха в Тамбовской области. Часть 1. Период 20–80 годов XX века / авт.-сост. и ред. Т.А. Николенко. Тамбов, 2009.



Советская эпоха оказалась более чем насыщена самыми различными документами и материалами. Среди архивных документов стоит выделить материалы фондов исполкомов ф. Р-1 (Исполнительный комитет Советов рабочих,

крестьянских и красноармейских депутатов Тамбовской губернии), ф. Р-1404 (Отдел народного образования исполнительного комитета губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов), ф. Р-1566 (Отдел социального обеспечения исполнительного комитета губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов), ф. Р-2379 (Комиссия по улучшению жизни детей при исполнительном комитете Тамбовского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов) и др. Важно отметить, что эти источники вызывают доверие, и местные власти еще не научились «маскировать» недостатки и «сглаживать» углы. Особо ценными являются материалы проверок детских домов, которые проводили врачи, описывавшие максимально четко проблемы с питанием, заболеваемостью, отсутствием обуви и одежды для воспитанников детских учреждений.

Впервые оказались привлечены материалы Государственного архива социально-политической истории Тамбовской области (далее – ГАСПИТО): протоколы собраний женсоветов, партийных групп в детских домах, отчеты комсомольских ячеек о проведении работы в детских домах. Привлекались и изданные сборники документов⁴⁴, статистических данных⁴⁵, отчетов советских⁴⁶ и партийных органов⁴⁷.

⁴⁴ Детское движение в Тамбовском крае (1914–1945 гг.): сборник документов / под ред. А.А. Слезина. Тамбов: Грамота, 2017.

⁴⁵ Бюллетень Тамбовского губернского статистического бюро. № 1. 20 января 1923 г. Тамбов, 1923 и др.

⁴⁶ Отчет о работе Тамбовского губернского исполнительного комитета XI созыва. Тамбов, 1926; Отчет о работе Тамбовского губернского исполнительного комитета XII созыва. Тамбов, 1927.

⁴⁷ Отчет Тамбовского губкома РКП(б) XVI-й губернской партийной конференции за время с декабря 1924 г. по ноябрь 1925 г. Тамбов, 1925 и др.

Использованный комплекс источников объединил документы, отражающие «официальную» информацию, опирающуюся на нормативно-правовые предписания и регламентацию воспитания, образования, призрения и попечения «детей беды», но и эмоционально-«кричащие» письма, донесения, отчеты и обзоры о работе детских благотворительных учреждений, детских домов и учреждений материнства и младенчества. Надеюсь, что читатели этой книги смогут окунуться в мир детской повседневности в социальных учреждениях и организациях в переломную, турбулентную и непредсказуемую эпоху конца XIX – первой трети XX века, когда жизнь в провинции изменялась почти непрерывно, даря одним надежду и веру в «светлое» будущее, других лишая имущества, прав и перспектив жизненного устройства. В этом нескончаемом водовороте революционных и военных будней, реформирования и переустройства жизненных установок и традиционных укладов надо было не только выжить, но и найти свой «социальный лифт», какие-либо пути самореализации и опоры. Вероятно, только через «погружение» в детские мечты, страдания и надежды, успехи и неудачи, повседневную жизнь и бытовую реальность можно понять, как же жила страна, что происходило с «обычными» людьми в эту эпоху социальных катастроф.

Глава I

Социальная защита и призрение детей-сирот в Тамбовской губернии во второй половине XIX – начале XX века

I.1 Земское самоуправление Тамбовской губернии и дети-сироты

Доземский период социальной защиты и призрения нуждающихся в помощи был связан с Тамбовским приказом общественного призрения, который был открыт 12 декабря 1779 года. Цель учреждения приказа заключалась в том, чтобы сосредоточить в одном управлении все благотворительные и учебные заведения в регионе⁴⁸. Руководил приказом губернатор и состоявшие в нем заседатели, избираемые местным обществом.

При открытии приказ получил поддержку от императрицы Екатерины II в 15 тыс. рублей. Именно такая сумма должна была и далее отпускаться из доходов губернии⁴⁹. Постепенно многие частные лица Тамбовской губернии вверяли приказу свои духовные завещания, денежные средства и пр. Так, в 1781 году в приказ поступили пожертвова-

⁴⁸ Памятная книжка редакции неофициального отдела Тамбовских губернских ведомостей за 1888 г. Б. м., 1888. С. 3.

⁴⁹ Ульянова Г.Н. Благотворительность в Российской империи, XIX – начало XX века. М., 2005. С. 184.

ния от Козловского дворянства, Липецкого, Борисоглебского, Усманского, Хоперского и Кадомского дворянства.

В 1821 году в ведении приказа общественного призрения находились воспитательный дом, дом умалишенных, больница и богадельня⁵⁰. Кроме того, в губернии существовали и другие благотворительные учреждения, подведомственные приказу, но содержащиеся на частные и церковные средства.

В 1838 году в Тамбовский приказ общественного призрения входил и содержался сиротский дом на 150 человек. В 1845 году по типовому проекту было построено здание для сиротского дома. В 1861 году в сиротском доме находилось 107 детей. Важно заметить, что еще до передачи сиротского дома (приюта) земству он имел всесословный характер, что позволяло принимать в него детей самых разных сословий.

С первых лет деятельности Тамбовского губернского земства началась поддержка и финансирование благотворительных учреждений, которые прежде находились в ведении Приказа общественного призрения. Традиции земской деятельности предусматривали строгую отчетность по расходованию средств на нужды благотворительности, и первый комплексный статистический отчет земства по доходам и расходам по общественному призрению за 1866–1887 гг. был издан уже в 1889 году⁵¹. Подробные отчеты о доходах и расходах благотворительных организаций регулярно публиковались в журналах уездного и губернского земств.

⁵⁰ *Воейков Л.А.* Сборник материалов для описания Тамбовской губернии. Спб., 1872. С. 156.

⁵¹ Статистический обзор расходов и доходов Тамбовского губернского земства по общественному призрению за 1866–1887 гг. / составил Н. Романов. Тамбов, 1889.



г. Тамбов. Здание Тамбовского губернского земства
(фото Д. Дмитриева)

Можно выделить несколько наиболее существенных направлений деятельности Тамбовского земства по поддержке детей-сирот в Тамбовской губернии в 1866–1917 гг.:

- 1) спасение подкидышей, организация их воспитания и социализации;
- 2) финансирование обучения, воспитания и содержания детей в сиротском доме;
- 3) поддержка различных благотворительных учреждений и организаций в городах и уездах губернии, призревающих детей-сирот.

Тамбовское земство и организация призрения подкидышей

Наиболее острой и неотложной задачей в региональной системе призрения была необходимость организации спасения и воспитания детей-подкидышей, так как смертность таких детей в доземский период достигала 90 % в первые недели и месяцы их жизни. Призрение подкинутых мла-

денцев составляло прежде обязанность приказов общественного призрения, которая и перешла по их закрытию к региональному земству. По статье 545 Устава общественного призрения, Т. XIII Свода законов Российской империи, изданного в 1857 году, незаконнорожденные дети, брошенные родителями, должны были передаваться в полицию, а затем в богоугодные заведения⁵².

В работах А.И. Чвикалова отмечается, что успешная деятельность земского самоуправления по обеспечению призрения детей-сирот определялась:

1) гуманными, человеколюбивыми установками, которыми в большинстве случаев руководствовались земские учреждения при решении вопросов, связанных с определением судеб детей-сирот;

2) постоянным поиском наиболее оптимальных организационных способов решения проблемы воспитания детей-сирот.

Практика показала, что земские самоуправления могли решать данную задачу в случае опоры на помощь всего населения, прежде всего крестьянства.

Однако основным «поставщиком» детей-подкидышей являлось не крестьянство, хотя по численности оно преобладало среди населения губернии, а другие слои – мещанство, разночинцы, малообеспеченные «аутсайдеры» городской среды. Но именно крестьянские семьи стали той социальной базой, где земство смогло найти поддержку и понимание при передаче им на воспитание детей-подкидышей. Разумеется, что призрение детей в крестьянской семье было весьма далеким от идеала. В то же время крестьянские обыватели, прежде всего женщины, опосредованно воспринимали себя хотя бы временными,

⁵² Доклад о подкидышах // Тамбовское губернское земское собрание. Журналы заседаний Тамбовского губернского земского собрания в декабре 1867 г. Тамбов, 1868. С. 2.

наемными служителями земских органов призрения малолетних.

Тот факт, что именно крестьянские семьи являлись основной базой для передачи в них детей-подкидышей, был не случайным. Во-первых, крестьянство оставалось хранителем семейных традиций, и, во-вторых, воспитуемых приемных детей оно рассматривало как будущих помощников в сельском труде: социализация, включение детей в трудовую деятельность в крестьянской семье происходило значительно раньше, чем в городской⁵³.

Деятельность земских самоуправлений в Тамбовской губернии по спасению жизни брошенных младенцев приобрела особую актуальность в связи с целым рядом факторов, в том числе экономических, демографических, миграционных. Результатом быстрой урбанизации явилось то, что основными «поставщиками» детей-подкидышей стали города. Земские самоуправления проявили творческий подход к проблеме обеспечения призрения детей-сирот⁵⁴. Именно земцы провели комплексные медико-социальные исследования, связанные с определением факторов выживаемости детей-подкидышей как в условиях приюта, так и в случае передачи их на воспитание в семьи.

Современники выясняли причины того, что крестьянские семьи достаточно охотно брали детей-сирот на воспитание. Конечно, иногда имел место и «кормиличный» промысел, когда взятый ребенок позволял получать стабильные выплаты за его воспитание и содержание. Но были и другие мотивы такой «крестьянской», семейно-патриар-

⁵³ Чвикалов А.И. Учреждения общественного самоуправления (земское и городское) в губерниях Центрального Черноземья России во второй половине XIX – начале XX века: организационный и социальный аспекты: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Чвикалов Алексей Иосифович; [Место защиты: Воронеж. гос. ун-т]. Воронеж, 2017.

⁵⁴ Там же.

хальной благотворительности. У крестьян дети являлись богатством в экономическом смысле. Не случайно «про мужика говорили: он богат, если у него есть три сына»⁵⁵. Но, помимо надела, многодетный крестьянин имел и дополнительные рабочие руки, которые были необходимы для ведения хозяйства, как полевого, так и домашнего. Само же содержание каждого нового члена семьи было сравнительно недорого.

Приоритет при выборе воспитателей для подкидышей земцы традиционно отдавали бездетным семьям, надеясь, что те будут бережно и заботливо относиться к долгожданному наследнику, который сможет позже заботиться о своих приемных родителях. При передаче детей на воспитание земские управы требовали от «местных общественных властей» свидетельство об их хорошем поведении⁵⁶.

До достижения 12-летнего возраста воспитателям выплачивалось по 70 коп. Затем приемные воспитанники или усыновлялись воспитателями с припиской к своему семейству, или избирали род жизни по собственному усмотрению под наблюдением воспитательного заведения. Если к 21 году они не пристраивались к какому-либо сословию, то, по статье 399 Устава общественного призрения, приписывались к мещанству⁵⁷.

Обычно подкидыши первоначально доставлялись в земское заведение общественного призрения, а именно, по отсутствию специальных для них заведений, – в земские больницы. Расходы на содержание этих сирот в земской

⁵⁵ *Никольский В.И.* Тамбовский уезд, статистика населения и болезненности: дис. на степ. д-ра мед. врача В.И. Никольского. Тамбов: Тип. Д.С. Семенова, 1885. С. 82.

⁵⁶ Сборник земских известий. Вып. 1–3 / Издание Тамбовской губернской управы. Тамбов, 1868. С. 136.

⁵⁷ Доклад о подкидышах // Тамбовское губернское земское собрание. Журналы заседаний Тамбовского губернского земского собрания в декабре 1867 г. Тамбов, 1868. С. 1.

больнице несло земство по статье благотворительные расходы⁵⁸. Всего за 1866–1887 гг. было потрачено на эти цели 10770 руб. Расходы по годам показывают динамику такого призрения:

1866 г. – 300 руб.,
1869 г. – 207 руб.,
1876 г. – 153 руб.,
1879 г. – 332 руб.,
1884 г. – 1196 руб.,
1887 г. – 2281 руб.⁵⁹

Размер выплат сохранялся неизменным более двадцати лет до 1887 года. Воспитателям подкидышей платили до достижения ими 7 лет по 1 руб. 50 коп. в месяц, а затем (12–14 лет) по 70 коп. в месяц. В 1887 году было решено повысить эти выплаты, и они стали составлять: по 2 руб. воспитателям детей до 7 лет, а от 7 до 14 лет – по 1 руб. в месяц. В 1890 году плата за детей до 7 лет была повышена до 3 руб. в месяц⁶⁰.

Первая раздача детей на воспитание была произведена земством в 1867 году, но половину детей земство так и не смогло отыскать. Вероятно, они умерли. Всего с 1 января по 1 сентября 1867 года поступило 9 подкидышей: 5 мальчиков и 4 девочки, из которых три были совсем слабенькие и не прожили даже нескольких недель. Остальные были отданы на воспитание, но один мальчик вскоре тоже умер⁶¹.

⁵⁸ Статистический обзор расходов и доходов Тамбовского губернского земства по общественному призрению за 1866–1887 гг. / составил Н. Романов. Тамбов, 1889. С. 11.

⁵⁹ Там же. С. 12.

⁶⁰ Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 г. Тамбов: Типография губернского правления, 1903. С. 135.

⁶¹ Доклад о подкидышах // Тамбовское губернское земское собрание. Журналы заседаний Тамбовского губернского земского собрания в декабре 1867 г. Тамбов, 1868. С. 2.

Возникали и коллизии с платой за призрение и ростом числа желающих призреть детей по отдельным уездам. Самым «беспокойным», «заботливым» и активным являлся Моршанский уезд. Местное Моршанское земство ввело оплату в повышенном размере в 3 руб., а потом в 5 руб. в месяц за воспитание подкидышей, что способствовало резкому росту желающих взять на воспитание этих сирот.

В 1879 году Тамбовская губернская управа выдавала пособие на воспитание 50 подкидышей. А спустя три года выяснилось, что только моршанская управа раздала пособий на 45 подкидышей⁶².

В 1887 году пособие на призрение подкидышей выдавалось на 250 детей, в том числе в Моршанском уезде на 130 детей. Причинами столь успешной практики призрения детей явилось то, что моршанцы удваивали сумму пособия, то есть вместо трех рублей выплачивали 6 руб. в месяц на ребенка (всего около 3000 руб. составляла эта доплата от уездного земства). Вскоре выяснилась и причина столь активной заботы о подкинутых детях. Дело в том, что первоначально в Моршанске был устроен приют для подкидышей, но там так была велика смертность, что было признано за лучшее отдавать подкидышей в частные руки и с платой пособия от земства⁶³. Аналогичные приюты открывались в это время в Тамбове и Шацке, но высокая смертность детей (в Моршанском – 60 %, Шацком – 90 %) привела к стремлению отдавать детей в частные руки⁶⁴.

В губернии постепенно менялись некоторые правила раздачи детей. С 1890 году раздавать детей стали лишь

⁶² Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 год. Тамбов: Типография губернского правления, 1903. С. 14.

⁶³ Там же. С. 15.

⁶⁴ *Деревягина Т.Г.* Роль и место благотворительной деятельности купца А.М. Носова в организации социальных учреждений в г. Тамбов (вторая половина XIX – начало XX века). Тамбов, 2004. С. 41.

бездетным людям, причем лишь после отнятия детей от груди, а до этого времени их вскарммливали в приюте. С 4-месячного возраста детей переводили на искусственное вскармливание и лишь после прорезывания зубов, в среднем это происходило лишь по достижении детьми 10-месячного возраста. Это было сделано для того, чтобы предотвратить «питомнический промысел», когда детей брали, чтобы получить деньги, и не обеспечивали им хорошего вскармливания, и это давало высокую смертность⁶⁵.

Раздача бездетным происходила уже после того, как ребенок прожил самый «нежный» возраст в приюте, введена была потому, что такие дети становились потом как бы членами семей розданных детей⁶⁶.

В 1890 году изменился порядок приема младенцев, и вместо тайного приема младенцев был введен явный. Кроме того, матери было предоставлено право кормить своего ребенка в приюте. Более того, сами матери получали плату за кормление своих детей: 9 руб. в месяц за первый год кормления, по 6 руб. в месяц – второй год кормления⁶⁷.

Земцев беспокоило и размещение найденных (подкиданных) в приюте до раздачи их в крестьянские семьи. И в 1899 году на средства земства (было израсходовано 10000 руб.) было построено при губернской больнице здание на 50 подкинутых детей. Это было каменное, двухэтажное здание приюта для подкинутых детей, которым заведовала врач М.С. Прокофьева.

Жизнь и судьба, профессиональная деятельность и общественное служение этой уникальной женщины являют

⁶⁵ Подробнее о «питомническом промысле» см.: *Ransel D.L. Mothers of Misery. Child Abandonment in Russia.* Princeton, 1988. P. 256-293.

⁶⁶ Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 год. Тамбов: Типография губернского правления, 1903. С. 135.

⁶⁷ *Максимов Е.Д.* Особые благотворительные учреждения в России. Спб., 1903. С. 56.

собой яркий пример того, как развивались местные гражданские инициативы, провинциальная социокультурная атмосфера в отношении социальной защиты детей-сирот, их спасения от заболеваемости, смертности и нищеты. Несколько десятилетий эта женщина-врач, первый педиатр в Тамбовской губернии посвятила себя охране материнства и младенчества, организации спасения детей-подкидышей, профилактике детской заболеваемости и смертности в Тамбовской губернии⁶⁸. С 1888 по 1928 год она заведовала родильным и детским отделением губернской больницы. Мария Саввична Прокофьева вполне успешно и эффективно демонстрировала, как отдельная личность может будоражить общественное сознание, формировать гражданскую позицию, вносить личный вклад в особо значимое дело по спасению подкинутых детей. Ее авторитет и независимая врачебная оценка нередко беспокоили и озадачивали земцев, но они почти всегда поддерживали инициативы «общественницы», которая твердо и неуклонно защищала интересы матери и ребенка в Тамбовской губернии. Ее пример является очевидным подтверждением того, что общественная инициатива и гражданское сознание в условиях провинциального общества и, как правило, консервативного регионального социума не возникали спонтанно и автоматически. Всегда был необходим некий импульс и яркие, уникальные личности, лидерство которых «заражало» остальных, разрушало «сонное царство», будоражило застой и патриархальные отношения. В Тамбовской губернии, как и в других регионах Российской империи во второй половине XIX – начале XX века, регулярно «вспыхивали» инициативы, возникали потребности общественного служения, реализации практических дел по поддержке тех, кто наиболее нуждался в признании и защите.

⁶⁸ *Крылов П.* Новатор и гуманист: [М.С. Прокофьева – первая женщина-врач в Тамбове] // Тамб. правда. 1981. 18 марта. С. 3.



г. Тамбов. Губернская больница. Приют для подкинутых детей
(из личного архива М. Климковой)

В 1899 году в приюте для подкидышей, судя по отчету тамбовского губернатора, было 185 детей, из них вновь поступивших 137. В течение года отдано на воспитание 19 человек, возвращено родителям 28, умерло 97 и остался на 1900 год 41 ребенок. Процент смертности составлял 52,4 %⁶⁹.

Для сравнения, на 1 января 1900 года на содержании Моршанского уездного земства состояло 150 подкидышей, в течение года поступило 27, умерло – 22, отдано в усыновление – 2, достигли предельного возраста – 9. Спустя год в 1901 году на содержании земства имелось 1544 подкидыша. За содержание их в крестьянских семьях было уплачено 3074 руб. 86 коп. из губернских сумм и 827 руб. из уездных. Всего было израсходовано на содержание подкидышей – 4644 руб. 23 коп.⁷⁰ Заметим, что государство пол-

⁶⁹ Обзор Тамбовской губернии за 1899 год: Приложение к всеподданнейшему отчету Тамбовского губернатора. Тамбов, 1900. С. 38.

⁷⁰ Моршанское уездное земское собрание очередной сессии 1901 г. Моршанск, 1904. С. 20.

ностью устранялось от какой-либо заботы о подкидышах, полностью полагаясь на средства и заботу органов местного самоуправления. В этом было одно из главных отличий по работе Воспитательных домов в Санкт-Петербурге и Москве, так как в провинции все расходы должно было нести население в контексте уплаты земского сбора.

В следующем 1902 году в Моршанском уезде было подкинуто и находились в приюте 223 ребенка, из них было роздано по деревням – 50, возвращено матерям – 37, умерло в приюте 70, то есть смертность составляла 31 %⁷¹.

Не случайно именно моршанские земцы снова выступили в 1905 году инициаторами поднятия оплаты за воспитание подкинутых детей в крестьянских семьях. Они аргументировали свою инициативу тем, что пособие в 2 руб. в месяц за воспитание ребенка перестало устраивать местных жителей, и они отказывались брать детей на воспитание. Когда губернское земство не «услышало» и не захотело реагировать на предложения из Моршанска, грудных детей стали отправлять из Моршанска в Тамбов в губернский приют для подкидышей. Это немедленно повлекло за собой увеличение смертности детей с 33 до 88 %⁷². Только тогда было принято решение о повышении платы за содержание подкидышей.

Плата за воспитание подкинутого ребенка постепенно увеличивалась, и с 1908 года Тамбовское губернское земское собрание постановило выплачивать по 4 руб. в месяц за содержание воспитанника до 10 лет и по 3 руб. в месяц за воспитанника от 10 до 14 лет.

В 1912 году ординатор приюта для подкидышей доктор М.С. Прокофьева просила расширить пристройку детского

⁷¹ Моршанское уездное земское собрание очередной сессии 1901 г. Моршанск, 1904. С. 135.

⁷² Журнал Тамбовского губернского земского собрания февральской сессии 1906 г. Тамбов, 1906. С. 4.

приюта, так как он был рассчитан на 50 детей, но в нем находилось 135. По предложению врача, губернская земская управа предложила вместо этого устроить городской патронаж на 20 детей. Этот патронаж должен был являться временным, переходным, чтобы дети, отданные в него, окрепли и могли передаваться на постоянный деревенский патронаж. Передаваться дети должны были бездетным, имеющим средства для воспитания крестьянам⁷³.

В 1913 году в приюте для подкидышей призревалось уже 167 детей, и он был сильно переполнен. Патронаж был открыт в 1914 году, и это значительно улучшило содержание детей в приюте. В 1916 году тамбовское губернское земство выплачивало за кормление грудью по 10 руб. в месяц за ребенка, по 7 руб. за воспитание детей на искусственном вскармливании⁷⁴.

В период Первой мировой войны 1914–1918 гг. из-за дороговизны на продукты питания стало снижаться число желающих брать детей на воспитание за эти деньги. И вновь «неутомимая» моршанская уездная управа предложила повысить выплаты на 1 руб. в месяц, чтобы выплачивать за воспитание ребенка до 10 лет по 5 руб., а от 10 до 14 лет – по 4 руб. в месяц. В случае отказа от их предложения моршанские земцы обещали привозить детей в Тамбовский приют для подкидышей, который и так был переполнен⁷⁵.

Тамбовское губернское земство снова было вынуждено согласиться с этим предложением «снизу», и общее количество переданных в семьи на воспитание детей составляло около 900 человек, а расходы увеличились на 10000 руб. В

⁷³ Журналы Тамбовского губернского земского собрания очередной сессии 1912 г. Тамбов, 1912. С. 987-988.

⁷⁴ Смета расходов Тамбовского губернского земства на губернские повинности на 1916 г. Б. м., Б. г. С. 137.

⁷⁵ Тамбовское губернское земское собрание. Журналы Тамбовского губернского земского собрания очередной сессии 1915 г. с приложениями. Тамбов, 1916. С. 247.

целом, все же начавшаяся война привела к сокращению желающих брать детей на воспитание, что сокращало число патронируемых детей⁷⁶.

Что же касается самого приюта для подкидышей, то здание и помещения были хорошо отремонтированы, и условия пребывания детей не вызывали нареканий, но смертность подкидышей в 1914 году составляла все же до 70 %⁷⁷. Младенцы питались искусственно, смешанной пищей и лишь небольшая часть кормилась грудью. Это вызывало значительное количество желудочно-кишечных расстройств и приводило к высокой смертности.

В этом контексте положение могло спасти лишь применяемое патронирование, где процент смертности был минимальным. Разговоры о нем активизировались среди тамбовских земцев в конце 1916 года. Но революционные события 1917 года внесли свои коррективы в эти планы. Прежде всего, начала рушиться система финансирования детских учреждений, которые поддерживало местное самоуправление. Радикализм и анархия, вседозволенность и революционная стихия, слом традиций и сложившихся общественно-политических, политико-правовых механизмов местного самоуправления сослужили крайне негативную службу, привели к трагическим последствиям для привыкших к опеке и призранию детей-сирот. Революционные перемены не принесли в их жизнь позитивных перемен, кроме несбыточных надежд и разочарований, крушения перспектив жизненного устройства.

Все же революционные события 1917 года не остановили систему патронирования детей-сирот в крестьянских

⁷⁶ Журналы Тамбовского губернского земского собрания очередной сессии 1914 г. с приложениями. Тамбов, 1915. С. 563.

⁷⁷ Тамбовское губернное земское собрание. Журналы Тамбовского губернского земского собрания очередной сессии 1915 г. с приложениями. Тамбов, 1916. С. 540.

семьях. В 1917 и начале 1918 года продолжали выплачиваться средства на содержание детей. Так, еще в июле 1918 года комиссар социального обеспечения при Совете рабочих и крестьянских депутатов Тамбовской губернии запрашивал волостные советы о жителях волости, взявших из бывшей Тамбовской губернской земской больницы для воспитания детей, по следующим пунктам:

«1. Каким наделом земли при последнем разделе были удовлетворены приемные дети.

2. Пользуются ли наделной землей указанные лица, их воспитатели и каково их имущественное положение.

3. Если надела земли не было, или лицо не пользуется ею, то указать причины, выясняющие это обстоятельство»⁷⁸.

Сведения подавались, и было ясно, что дети обеспечивались имуществом и землей. Однако 26 июля 1918 года пришло новое разъяснение от комиссара социального обеспечения, что «...выдача денег за воспитание, как за прошлое, так и впредь, совершенно прекращена. Дети остаются у своих приемных родителей. В исключительных случаях, при материальной необеспеченности или болезни воспитателей, возбуждать письменное ходатайство через уездного комиссара социального обеспечения с приложением подробного обследования материального и семейного положения от волостного совета... Привозить детей без упомянутого предварительного заявления и без разрешения уездного комиссара воспрещается»⁷⁹. Таким образом, новая социальная политика советской власти свела на нет все традиции призрения и заботы о подкидышах, сложившиеся в Тамбовской губернии. Теперь заботу о таких детях обещало взять на себя новое социалистическое государство.

⁷⁸ ГАТО. Ф. Р-1566. Оп. 8. Д. 9. Л. 22.

⁷⁹ Статистический обзор расходов и доходов Тамбовского губернского земства по общественному призрению за 1866–1887 гг. / составил Н. Романов. Тамбов, 1889. С. 120.

Финансирование земством обучения и воспитания детей-сирот

Традиции по социализации, обучению и воспитанию детей-сирот активно развивались тамбовскими земскими учреждениями с момента их создания. Еще в 1867 году губернская управа при разработке правил сиротских приютов специально указала, что сироты должны обучаться первоначально в самих сиротских домах, и затем в мужской или женской гимназиях, «а тех из них, которые окажутся неспособными к учению, определять... в обучение ремеслам, для чего губернская управа полагает избрать из живущих в Тамбове ремесленников или мастериц, пользующихся хорошою репутацией, и заключить с ними контракты для обучения воспитанников или воспитанниц, с платою или бесплатно»⁸⁰.



г. Тамбов. Уездное земство
(из фондов Тамбовского областного краеведческого музея)

⁸⁰ Сборник земских известий по Тамбовской губернии. Вып. 1. Тамбов, 1868. С. 153.

Приказ общественного призрения содержал в сиротском доме 50 мальчиков и 30 девочек. Но в 1865 году учреждения приказа были переданы Тамбовскому земству. Там было лишь два надзирателя с оплатой 57 руб. в год. Губернская земская управа при приемке на свой баланс сиротского дома обнаружила недостаток хозяйственных вещей, посуды и одежды для детей⁸¹. Необходимые предметы были в срочном порядке закуплены, чтобы обеспечить детей всем необходимым.

Земство озаботилось и результатами обучения воспитанников, которое могло бы позволить им получить профессию или компетенции, позволяющие самостоятельно находить средства к существованию после выпуска из сиротского дома. Выяснилось, что в 1867 году из 51 воспитанника мужского отделения, за исключением одного воспитанника, которого забрали родственники, и одного умершего, 5 окончили курс с успехом, 35 перешли в высшие классы, причем 8 получили награды, 9 остались на второй год в тех же классах. 30 сирот обучались в мужской гимназии.

Каков же был сословный состав детей, живших в сиротском отделении? Из 50 детей были: детьми чиновников – 37, военных унтер-офицеров и фельдфебелей – 3, писцов – 6, мещан – 3, незаконнорожденных – 1. По сиротству дети являлись: круглыми сиротами – 8, имевшие только матерей – 24, только отцов – 4, не сирот – 4. По возрасту они подразделялись на: от 8 до 9 лет – 3 воспитанника, от 10 до 12 – 26 детей, от 13 до 15 – 17 сирот, от 17 до 19 – 3 юноши, и один был 21 года⁸².

В женском отделении сиротского дома было в это же время 30 воспитанниц, из которых 22 перешли в следующий класс, а 8 получили награды. «По званию» они были:

⁸¹ Сборник земских известий. Вып. 1–3 / Издание Тамбовской губернской управы. Тамбов, 1868. С. 146.

⁸² Там же. С. 150.

20 – дети чиновников, 4 – писцов, 2 – дочери унтер-офицеров и 4 – мещан. По сиротству: круглыми сиротами были 5, имели одних матерей – 20, имели одних отцов – 1, не сиротами были 4 девочки. По возрасту: от 7 до 10 лет – 8, от 11 до 12 было 21, 13-летнего возраста – 1⁸³.

Точное число призываемых сирот установить сложно, так как нередко каникулы проводили у родственников или отпускались к ним на выходные дни. Но, все же, по данным земства, там призывалось в: 1866 году – 80, 1867 – 80, 1872 – 123, 1873 – 128, 1876 – 170, 1878 – 180 (и так до 1883), 1887 – 175 детей-сирот⁸⁴. То есть в среднем за 22 года по 144 человека.

Заявляя о всеобщем характере призрения и заботы о детях, тамбовское земство не отказывалось и от поддержки различных сословных групп и организаций. В 70-е гг. XIX века применялось частично сословное софинансирование сиротского дома. Так, в 1872 году в сиротском доме воспитывалось 105 сирот за счет губернского земства, 10 за счет дворянства и еще было более 50 стипендиатов уездных земств и частных лиц. Сметы составлялись на 120 мальчиков и 60 девочек. Средний расход на одного воспитанника составлял 28 руб. в год⁸⁵.

Были случаи обращения уездных земств с просьбами о принятии в сиротский дом детей, у которых были живы родители, но у которых отсутствовали средства к существованию вследствие пьянства. Несколько таких ходатайств, после тщательного рассмотрения, были удовлетворены губернским земством, которое финансировало содержание

⁸³ Сборник земских известий. Вып. 1–3 / Издание Тамбовской губернской управы. Тамбов, 1868. С. 151.

⁸⁴ Статистический обзор расходов и доходов Тамбовского губернского земства по общественному призрению за 1866–1887 гг. / составил Н. Романов. Тамбов, 1889. С. 187.

⁸⁵ Там же. С. 188.

детей в сиротском доме⁸⁶. В целом, земцы очень внимательно относились к различным нетипичным случаям и семейным кризисам, которые лишали детей всякой поддержки, и тогда срабатывало правило помощи нуждающимся детям.

Примечательно, что состав воспитанников и воспитанниц сиротского дома как нельзя лучше отражал всеобщий характер этого благотворительного учреждения. В начале XX века в сиротском доме призревалось 122 мальчика и 66 девочек, из них около 1/3 из дворян, 1/3 разночинцев и 1/3 крестьян.

Важно отметить, что земцы стремились позаботиться о сиротах, которые должны были бы уйти из сиротского дома по возрасту, но не имели навыков к самостоятельной жизни. В 1897 году смотрительница сиротского дома уточняла, может ли она оставить на некоторое время малоспособных и великовозрастных учениц сиротского дома, так как они не могли сами найти работу или стипендию и обеспечить себе пропитание. 15 из 30 земских деятелей выступили против того, чтобы «...выбрасывать по достижении цветущего возраста на произвол судьбы сироту, оказавшуюся к учению неспособной»⁸⁷. В тамбовском земском собрании часто разворачивались большие дискуссии и споры о призрении детей-сирот и определении их судьбы после выпуска из благотворительных заведений.

По сути, выступления земских деятелей по наиболее актуальным проблемам призрения детей были демонстрацией их гражданской позиции и отражали формирование гражданского общества в регионе.

⁸⁶ Журнал очередного собрания Тамбовского губернского земского собрания, бывшего в декабре 1885 г. Тамбов, 1886. С. 223.

⁸⁷ Сборник постановлений Тамбовского губернского земского собрания за 1895–1906 гг. Т. 3 / составитель В.И. Маноцков. Тамбов, 1909. С. 444.

Кроме того, земцы не стремились избавиться от опекаемых благотворительных заведений, так как не были уверены в действенности государственной поддержки детей-сирот. Когда 27 октября 1904 года тамбовский губернатор предложил передать сиротские дома в полное ведение министерства народного просвещения, то земцы отклонили это предложение. Они заявили, что земство тогда откажется о несения расходов, что приведет фактически к закрытию данного благотворительного заведения⁸⁸.

Необходимо иметь в виду, что местное самоуправление охотно принимало частные пожертвования. В Тамбовской губернии источниками финансирования были не только средства земства и городской думы, но и частные пожертвования, а также бесплатный отпуск лекарств для приюта (аптекарь А.А. Вернер), в снабжении сукном для пошива комплектов детской одежды⁸⁹. Так как многие воспитанники и воспитанницы сиротского дома учились в мужской и женской гимназиях и в реальном училище, то им шилось специальное форменное платье. Мальчикам форменные сюртуки синего или темно-зеленого сукна с галунами и металлическими пуговицами, форменные плащи и форменные фуражки. Девочкам – шерстяные коричневые платья, черные шерстяные передники.

Воспитанники могли и успешно получали не только начальное, но и среднее образование. Более 40 из них ежегодно получали стипендии⁹⁰. Так, девочки-сироты учились в женской гимназии, а затем наиболее успешные поступали

⁸⁸ Сборник постановлений Тамбовского губернского земского собрания за 1895–1906 г. Т. 3 / составитель В.И. Маноцков. Тамбов, 1909. С. 461.

⁸⁹ *Дорожкина О.А.* Сиротство в России: историко-педагогический анализ. Тамбов, 2000. С. 31.

⁹⁰ *Деревягина Т.Г.* Роль и место благотворительной деятельности купца А.М. Носова в организации социальных учреждений в г. Тамбов (вторая половина XIX – начало XX века). Тамбов, 2004. С. 41.

в высшие учебные заведения с субсидией от земства. В свободное время воспитанницы занимались шитьем белья и платья для себя, кроме верхнего, и шили и белье для мальчиков.

В мужском отделении 50 воспитанников обучались в гимназии, 38 – в реальном училище, 9 – в городских, 1 – в музыкальном и 24 – в подготовительном классе⁹¹.

Характерно, что земство действительно давало шанс детям-сиротам получить не только начальное и среднее, но и высшее образование. Тамбовская губернская управа на деле проявляла заботу о детях-сиротах, вникала в повседневную жизнь учеников-сирот, следила за их успеваемостью, принимала решения о перспективах их дальнейшего обучения. Например, в докладе управы губернскому земскому собранию было отмечено, что из 15 учеников гимназии один окончил с успехом курс в таксаторских классах, 10 перешли в следующие классы, один из учеников 6 класса, проходивший курс с довольно хорошим успехом, с согласия начальства не держал экзамена и остался в этом классе для большего усовершенствования в математических и естественных науках, так как предполагал поступать в технологический институт.

Правила по оказанию земством помощи детям-сиротам в жизненном устройстве, в частности в получении образования, сохранились в течение ряда десятилетий. Так, только в августе 1898 года Тамбовская губернская управа рассмотрела и положительно решила следующие вопросы, связанные с предоставлением стипендии для учебы воспитанникам сиротских приютов. Стипендия для обучения в Московском императорском университете на период с 11 августа 1898 года по 9 августа 1903 года предоставлялась

⁹¹ Герд И. Сиротский дом Тамбовского губернского земства // Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 г. Тамбов: Типография губернского правления, 1903. С. 121-123.

бывшему воспитаннику сиротского дома В.А. Сладкопевцеву. Бывшему воспитаннику сиротского дома М.В. Волжанскому для получения образования в Санкт-Петербургском технологическом институте стипендия предоставлялась земством с 31 августа 1889 года по 16 января 1908 года.



г. Тамбов. Сиротский дом
(из фондов Тамбовского областного краеведческого музея)

Помощь детям-сиротам в получении образования Тамбовское земство оказывало и в последующие годы. Причем при ее распределении губернская управа в большей степени взаимодействовала с уездными управами и попечительствами. Крупные суммы на эти цели в 1911–1913 гг. были выделены для учащихся Козловского, Елатомского, Кирсановского и Темниковского уездов⁹².

Эта поддержка была своевременной, необходимой и очень полезной для детей-сирот, открывала для них возможности профессионального становления, социализации

⁹² ГАТО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 4102. Л. 2-3.

и социального лифта. Следует признать, что эта поддержка детей-сирот была одним из наиболее успешных направлений в деятельности регионального земства.

В 1916 году в сиротском доме призревалося 123 мальчика и 67 девочек⁹³. Однако их судьба в 1917 году полностью зависела от судьбы земского самоуправления, а проблемы с финансированием и сбором земского сбора напрямую влияли на положение детей-сирот.

Подводя итоги, следует отметить, что сиротский дом вполне успешно выполнял свои функции учреждения социального призрения детей-сирот в Тамбовской губернии. В этом смысле отсутствие прямой государственной поддержки, при опоре на местный бюджет земств и гражданскую позицию представителей земской корпорации, давало прекрасный шанс поддержки детей-сирот на региональном уровне.

Важно отметить, что региональное земство принимало участие в финансировании и различных других учреждений и организаций, имевшихся в Тамбове и уездных городах. Этот вывод подтверждает анализ работы конкретных сиротских учреждений.

Маршинской приют являлся одним из образцовых заведений, где сироты получали достойное воспитание и обучение. Это самый первый в Тамбовской губернии детский приют, целиком созданный на частные пожертвования. Он был основан 21 апреля 1847 года при участии губернатора Петра Алексеевича Булгакова и на пожертвования жителей Тамбовской губернии. Примечательно, что собственно идея открытия такого приюта возникла у благотворительницы коммерции советницы Татьяны Ивановны Лион, которая пожертвовала для приюта деревянный дом, но благоустроить его не успела.

⁹³ Смета расходов Тамбовского губернского земства на губернские повинности на 1916 г. Б. м., Б. г. С. 70.



г. Тамбов. Мариинский детский приют
(из фондов Тамбовского областного краеведческого музея)

Ее сын, инженер-капитан С.М. Лион, приспособил дом для приюта и пожертвовал ему всю усадьбу, располагавшуюся в одном из лучших районов Тамбова. Мариинским приют был назван в честь великой княжны Марии Николаевны, вотчины которой находились в Тамбовской губернии.

Было создано попечительство, и попечительницей приюта была назначена по традиции жена губернатора К.Р. Булгакова. Всего с 1847 по 1877 год призревалося 3406 детей, из них мальчиков 1371 и девочек 2035.

В Мариинский приют принимались дети от 3 до 10 лет, преимущественно сироты или дети беднейших горожан. Мальчики обучались грамоте, девочки – рукоделию. По достижении десятилетнего возраста воспитанники передавались в ремесленное училище, дом трудолюбия, фельдшерскую школу или к надежным мастерам для обучения профессии.

В земский период там воспитывалось на средства местного самоуправления:

в 1870 г. – 9 детей, 1871 – 15, 1872 – 17, 1873–1879 – по 17, 1880 – 27, 1881 – 25, 1882 – 28, 1883 – 28, 1884 – 29, 1885 – 29, 1886 – 29, 1887 – 27⁹⁴.

В *доме трудолюбия* от земства содержалось 12 девочек, и смета расходов составляла 720 руб. ежегодно⁹⁵.

В Тамбовской фельдшерской школе, созданной и финансируемой земским самоуправлением, проходили обучение по два представителя от каждого уезда из детей-сирот, которые потом были обязаны отработать в своем уезде положенный срок⁹⁶.

Тамбовское земство финансировало и новые востребованные временем благотворительные и социальные учреждения. Одним из таких учреждений был приют для малолетних преступников.

Земский приют для малолетних преступников

В декабре 1885 года тамбовские земцы слушали предложение губернского гласного князя Д.Н. Цертлева об устройстве в Тамбове приюта для малолетних преступников⁹⁷. Правила о приютах, изданные правительством, устраиваемых для «нравственного исправления» несовершеннолетних преступников от 10 до 17 лет, указывали цели «этих учреждений: а) перевоспитание малолетнего, основанное на началах христианской нравственности; б) обучение его

⁹⁴ Смета расходов Тамбовского губернского земства на губернские повинности на 1916 г. Б. м., Б. г. С. 8.

⁹⁵ Там же. С. 11.

⁹⁶ *Баратынский П.А.* Исторический очерк фельдшерской школы Тамбовского губернского земства (1868–1913 годы) / директор П.А. Баратынский. Тамбов: Тип. губернского земства, 1915. С. 8.

⁹⁷ Сборник постановлений Тамбовского губернского земского собрания за 1865–1894 гг.: в 3 т. / сост. А.Н. Лебедев. Тамбов, 1902. Т. 1. С. 541.

грамоте; в) обучение ремеслу настолько, чтобы при выходе из приюта он мог заработать себе на кусок хлеба»⁹⁸. Существовали два типа приютов: ремесленно-воспитательный и земледельческая колония.

Комиссией губернского земства были собраны сведения о числе приговоренных к заключению малолетних преступников в Тамбовской губернии за 16 лет: в 1870 году – 20 человек, 1871 – 24, 1872 – 30, 1873 – 34, 1874 – 24, 1875 – 28, 1876 – 19, 1877 – 37, 1878 – 44, 1879 – 39, 1880 – 47, 1881 – 39, 1882 – 56, 1883 – 61, 1884 – 72, 1885 – 55.

Средние цифры за 10 лет – 47 человек, за 5 лет – 56 заключенных. Кроме того, за каждого содержащегося в приюте местными тюремными комитетами ежемесячно должна была выдаваться сумма на пищу и одежду арестанта, а родители отданных в приют детей были обязаны платить за содержание и воспитание своих детей⁹⁹.

9 декабря 1879 года губернская земская управа доложила земскому собранию, что 16 января 1879 года мнением Государственного Совета было предоставлено право губернским земским собраниям отчислять ежегодно из штрафных сумм до 10 % на устройство и содержание детских приютов для несовершеннолетних преступников¹⁰⁰. Но земцы без особого энтузиазма отреагировали на эту инициативу и отложили решение вопроса до лучших времен, договорившись лишь об аккумуляровании средств на такой приют.

Спустя пятнадцать лет, 7 декабря 1894 года, Тамбовский губернский предводитель дворянства князь Н.И. Челокаев «нашел» замечательный повод для открытия при-

⁹⁸ Сборник постановлений Тамбовского губернского земского собрания за 1865–1894 гг.: в 3 т. / сост. А.Н. Лебедев. Тамбов, 1902. Т. 1. С. 541.

⁹⁹ Там же. С. 542.

¹⁰⁰ Там же. С. 531.

юта – предложил земскому собранию в ознаменование бракосочетания Николая II и в память этого события учредить за счет Тамбовского земства исправительный приют для малолетних преступников на 15 человек. У земства к этому времени уже имелось собранных на эти цели 17 тыс. рублей. На предложение Н.И. Челобаева невозможно было дать отрицательный ответ, и тамбовские земцы с воодушевлением проголосовали за устройство колонии для малолетних преступников¹⁰¹. 9 апреля 1895 года устав приюта был утвержден министром внутренних дел Дурново.

Председателем правления стал Н.И. Челобаев, а членами председатель губернской земской управы М.П. Колобов, товарищ председателя Тамбовского окружного суда С.И. Комсин, уездный предводитель дворянства М. Петрово-Соловово, член губернской земской управы Е.П. Кондырев.

Приют для трудновоспитуемых подростков (малолетних преступников) содержался за счет Тамбовского губернского земства. В приюте было 15 детей и подростков, которые могли учиться, а в летнее время работали на огороде, в саду и в поле. Однако приют мог принять только 11 % нуждающихся в призрении таких детей¹⁰². По мнению заведующего приютом И. Касаткина, всего было осуждено 198 детей, но приют мог вместить лишь 15 человек¹⁰³. Постепенно число призреваемых подростков увеличивалось.

¹⁰¹ Сборник постановлений Тамбовского губернского земского собрания за 1865–1894 гг.: в 3 т. / сост. А.Н. Лебедев. Тамбов, 1902. Т. 1. С. 545.

¹⁰² Отчет Тамбовского земского исправительно-воспитательного приюта, состоящего под высочайшим покровительством государя императора за 1910 г. Третий отчетный год. Тамбов: Земская типография, 1912. С. 22-31.

¹⁰³ *Касаткин И.* Исправительный приют для малолетних // Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 г. Тамбов: Типография губернского правления, 1903. С. 94.

В 1911 году в приюте содержалось уже 40 малолетних преступников, и было построено новое здание для приюта¹⁰⁴.

Примечательно, что во всех официальных отчетах, публикациях в местной периодической печати состояние дел в приюте характеризовалось как образцовое. Но реальное положение детей в этом заведении весьма подробно описано в мемуарах тамбовского губернатора Н.П. Муратова. Перед своим отъездом из Тамбова на новое назначение курским губернатором Н.П. Муратов решил познакомиться с этим благотворительным учреждением. За день до его посещения в приюте-колонии побывали члены правления – председатель суда и губернский прокурор. Они написали в книге посетителей, что все в заведении нашли в образцовом порядке¹⁰⁵. Свидетельство мемуариста совершенно противоположное: «...На всем лежал отпечаток запустения, заброшенности, во дворе была грязь, валялись отбросы и чем-то скверно паховало... В большой комнате за длинными не накрытыми столами сидели грязные, обтрепанные, с невымытыми руками воспитанники, что-то ели...»¹⁰⁶. При комплекте воспитанников 100 человек было 105 попыток побегов, причем три мальчика пытались организовать крушение поезда.

Губернатор указал, что земские деньги разворовываются, и контроля за колонией-приютом нет, после чего заведующий приютом был отстранен от должности, а Н.И. Челобаев отказался от заведывания приютом¹⁰⁷.

В целом, в Российской империи в рассматриваемый период росло число несовершеннолетних правонарушите-

¹⁰⁴ Отчет Тамбовского земского ремесленно-воспитательного приюта для малолетних, состоящего под высочайшим покровительством государя императора, за 1911 г. Тамбов, 1912. С. 11.

¹⁰⁵ *Муратов Н.П.* Записки тамбовского губернатора. Тамбов, 2007. С. 390.

¹⁰⁶ Там же. С. 391.

¹⁰⁷ Там же. С. 400.

лей, и требовались дополнительные приюты для их содержания и «перевоспитания»¹⁰⁸. В 1910 году Тамбовский губернатор обратился к представителям земских управ с предложением об обсуждении возможности открытия учреждений «для предупредительно-исправительного воспитания заброшенных беспризорных детей и подростков» в уездах Тамбовской губернии¹⁰⁹.

В 1914 году земцы изучили опыт работы имевшегося приюта и констатировали, что среди воспитанников приюта было немало детей алкоголиков, сифилитиков и закоренелых преступников, но некоторых на преступный путь заставила встать суровая нужда. Не случайно во главу угла в приюте была поставлена «школа и ремесло». Осенью 1913 года все 30 воспитанников, за исключением тех, кто прошел уже школьный курс, были зачислены в школьное отделение и разбиты на три группы: младшую, среднюю и старшую. Обучение подростков велось по программе народных училищ по 3 часа в день.

Затем дети работали в столярной и сапожной мастерской, получая навыки обеспечения себя пропитанием и содержанием после освобождения. За 1913–1914 гг. из при-

¹⁰⁸ Подробнее об организации приютов см.: *Горбунов В.А.* Становление и развитие тюремной благотворительности в России в 19 веке // *Российская юстиция.* 2006. № 4. С. 64-65; *Зориков А.Н.* Возникновение и развитие благотворительно-тюремных обществ в России в XIX – начале XX века: историко-правовой аспект проблемы // *Проблемы социально-политической истории России.* Тверь, 2003. Вып. 3. С. 10-29; *Лебедев А.Г.* История борьбы с нищенством и бродяжничеством в России XIX – начала XX в.: Опыт использования пенитенциарных учреждений // *Вестник Московского университета.* Сер. 8, История. 2006. № 4. С. 111-126; *Павлова И.П.* Тюрьма и благотворительность в Российской империи второй половины XIX – начала XX века // *Благотворительность в России.* 2002: Исторические и социально-экономические исследования. СПб., 2003. С. 319-333.

¹⁰⁹ Моршанское уездное земское собрание XLVII очередной сессии 1911 г. Доклады управы. Моршанск, 1911. С. 1.

юта было выпущено 34 воспитанника, из которых 23 жили при родителях, один пошел добровольцем на войну, три не имели постоянных занятий, два попали в тюрьму и пять выбыли с родителями на заработки в неизвестном направлении. Правление приюта занималось патронированием выпускников, выдавая и покупая им ремесленные инструменты, материалы, давая рекомендации по устройству их на работу¹¹⁰.

Проблема призерения малолетних преступников вызвала большой интерес не только в земских кругах, но и в провинциальном обществе. Не случайно малолетние преступники стали объектом внимания, важным направлением социально-воспитательной работы и после 1917 года. Но советский режим по своему пытался решить проблемы массовой детской и подростковой преступности сквозь призму концепции социальной дефективности.

I.2. Городское самоуправление и забота о детях-сиротах

Между городским и земским самоуправлением существовала определенная конкуренция в контексте оказания благотворительной помощи нуждающимся, в том числе и детям-сиротам. Понятно, что именно города нередко выступали пионерами в организации благотворительных учреждений, проявлении гражданских инициатив по социальной защите неимущих, сирот и инвалидов. Важно учитывать, что одновременно в городах обычно действовали

¹¹⁰ Тамбовское уездное земское собрание. Журналы Тамбовского губернского земского собрания очередной сессии 1914 г. с приложениями. Тамбов, 1915. С. 15.

несколько благотворительных учреждений и организаций, и было очень трудно разделять степень фактического участия различных представителей региональной элиты, которые часто одновременно являлись членами нескольких благотворительных корпораций.

Несомненно, великие реформы 60–70-х гг. XIX века дали серьезный импульс развитию общественной инициативы, в том числе и в рамках местного самоуправления. Еще до возникновения в провинции общественных организаций в городских сообществах начали проявляться гражданская инициатива, различные дискуссии по формам и методам осуществления благотворительной деятельности. Горожане весьма успешно реализовывали новые и нередко неожиданные для окружающих импульсы общественной поддержки и социальной защиты наиболее нуждающихся слоев и групп населения региона.

В Тамбовской губернии существовали особые иерархические и системные направления взаимодействия городских властей, общественных организаций, отдельных благотворителей и меценатов. Доминировал, как правило, повсеместно губернский центр, затем проявляли свои благотворительные инициативы самоуправления наиболее развитые социально-экономически и общественно-политически уездные центры. Другой особенностью было открытие отделений благотворительных организаций и учреждений в уездах губернии по примеру губернского центра. Третьей чертой региональной благотворительности часто была опора на местных купцов и представителей дворянства. Их завещания и передача части имущества, денежных ресурсов в управление и распоряжение городского самоуправления позволяли финансировать небольшие приюты, убежища и богадельни для призрения детей. Еще одним проявлением уездной благотворительности в Тамбовской губернии было взаимодействие с православными общинами,

которые чутко относились к проблемам сиротства и поддержки обездоленных.

Всего в Тамбовской губернии до 1917 года было 11 городов: губернский город Тамбов, 10 уездных центров (Моршанск, Липецк, Козлов, Кирсанов, Усмань, Борисоглебск, Елатьма, Темников, Лебедянь, Шацк) и заштатный город (Кадом). По мнению Н.М. Попова, в условиях пореформенного ускорения социально-экономического развития особое значение приобрели торгово-промышленные центры Тамбов, Моршанск и Козлов, где наиболее активно шел процесс урбанизации (численность их населения к началу XX века насчитывала свыше 50 тысяч человек). Соответственно, именно в этих городах сформировалось наиболее активное в социальном отношении городское самоуправление, организовавшее достаточно эффективную благотворительную деятельность¹¹¹.

Деятельность городских общественных самоуправлений Тамбовской губернии по оказанию благотворительной помощи нуждающемуся населению до 1870 года носила сословный характер и была недостаточно активной. Первой благотворительной организацией в городе Тамбов стало Попечительное общество о бедных, устав которого был утвержден МВД 30 июня 1864 года. В это общество первоначально входил высший слой дворянства, а возглавляли его по традиции супруги губернаторов. Финансирование складывалось из членских взносов и небольших поступлений от благотворительных концертов. Филиалом этого общества и одной из самых эффективных форм деятельности тамбовских благотворителей стал Дом трудолюбия для де-

¹¹¹ *Попов Н.М.* Социальная политика городских самоуправлений Тамбовской губернии в конце XIX – начале XX веков: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. Тамбов, 2006.

вочек, организованный в Тамбове в 1870 году. Там проживало и призревалось 60–80 девочек-сирот¹¹².

В заведение принимались только дети неимущих родителей и в особенности круглые сироты. Право детей на поступление рассматривалось или членами благотворительного общества, или по показаниям городской полиции. В 1878 году в «доме трудолюбия» жили 43 девочки в возрасте от 2 до 18 лет. Все они обучались вместе. Программы специального обучения не было, а их учил только приходской священник читать, писать, Закону Божью и 4 правилам арифметики. Самим заведением управляла надзирательница, которая занималась с воспитанницами рукоделием.

Обычно в дом трудолюбия принимались девочки от 10–12 лет и оставались там до 18 лет. Пособия при выходе из заведения не выплачивалось, и они возвращались либо в дом родителей, если он был, либо поступали на услужение в частные дома¹¹³.

При доме трудолюбия существовала швейная мастерская, в которой выполнялись заказы на дамское платье и белье. Тамбовская городская дума и губернское земство полностью содержали это чрезвычайно необходимое для призрения детей-сирот благотворительное учреждение.

Несмотря на кажущуюся простоту обучения и воспитания девочек, это благотворительное учреждение являлось одним из важных и новых механизмов гендерной социализации, открывало для воспитанниц некоторые возможности для социального лифта и самореализации.

Губернская инициатива не могла не вызвать отклика в других уездных городах. По примеру и почину Тамбова

¹¹² Канищев В.В., Канищев Вл.В., Шлеин М.В. Тамбовская городская дума. Исторический очерк. Тамбов, 2009. С. 122.

¹¹³ Бурцов Н. Дом трудолюбия // Памятная книжка Тамбовской губернии за 1879 г. Тамбов: Типография губернского правления, 1879. С. 132.

благотворительные общества стали возникать в наиболее развитых городах Тамбовской губернии: Козлове, Моршанске, Липецке. Примечательно, что Моршанское и Козловское общества возглавляли городские головы, что вполне отражало позицию и традиции местного городского самоуправления. Заметим, что в целом внимание городского самоуправления к проблеме благотворительности значительно усилилось во время введения городского положения 1870 года, когда в городах стали формироваться всесословные местные органы власти: городские думы и управы.

В Городовом положении от 12 июня 1870 года проблемы благотворительности специально не выделялись, а существовала прямая ссылка на закон о земстве. В главе 1 п. 2 «Общие положения» указывалось: «К предметам ведения городского общественного управления принадлежит: ...г) устройство за счет города благотворительных заведений и больниц и заведование ими на основаниях, указанных для земских учреждений...»¹¹⁴.



г. Тамбов. Городская управа
(из фондов Тамбовского областного краеведческого музея)

¹¹⁴ Реформы Александра II. Городовое положение 1870 г. С. 234.

В 1871 году городские думы и сформированные ими управы приняли под свое заведование все благотворительные заведения, принадлежавшие ранее Приказу общественного призрения, за исключением тех, которые перешли под управление губернского и уездных земств. В течение первого десятилетия действия городского самоуправления филантропическая деятельность касалась, прежде всего, вопросов улучшения качества работы прежних благотворительных учреждений, особенно детских приютов и богаделен, а с 1880-х гг. предпринимаются меры по коренному изменению в организации деятельности общественного призрения и помощи малоимущим.

Инициатива городского самоуправления была поддержана некоторыми богатыми купцами-филантропами, что позволило расширить число благотворительных учреждений, улучшить их оснащение, обеспечить достойную жизнь призреваемым и увеличить количество людей, которым предоставлялась благотворительная помощь.

Примечательно, что в периоды эпидемий, неурожаев и других гео-био-климатических катаклизмов, когда резко выросло число детей-сирот, местная провинциальная общественность проявляла собственную инициативу и желание помочь несчастным детям. Эти мероприятия не санкционировались городским или земским самоуправлением, а отражали желание и потребность местных жителей помочь детям-сиротам. Это были робкие, начальные проявления гражданской инициативы, но, конечно же, при обязательном согласовании с губернатором. После бывшей в Тамбове в 1871 году холеры, которая оставила без всякой помощи и призрения значительное число детей-сирот, местные общественники создали особый комитет по сбору пожертвований. Губернатор санкционировал сбор средств, и было собрано 5440 руб. Это позволило содержать 60 сирот, некоторые из которых были помещены в Мариинский

детский приют, а несколько девочек определили в дом трудолюбия. Кроме этого, общество ремесленников пожертвовало для этих целей 300 руб. Н.С. Строганов передал на нужды детей 2000 руб., а Е.Д. Нарышкин выделил 350 руб. на устройство кроватей и постелей для детей-сирот¹¹⁵.

В уездных городах Тамбовской губернии также отмечались случаи проявления пожертвований отдельными жителями. Это были индивидуальные проявления благотворительности, когда не было никаких команд сверху и отсутствовали какие-либо эгоистические или корыстные побуждения. Один из таких поступков совершил почетный гражданин г. Усмани М.А. Охотников, который видел, что по городу бродило много бесприютных бедных и сирот, и принес в дар приходскому попечительству Усманской Косьмодемьяновской церкви свой собственный двухэтажный, новый дом для устройства в нем богадельни с приютом для малолетних сирот¹¹⁶.

Судя по отчету тамбовского губернатора, в 1886 году в уездных городах имелись благотворительные приюты для детей-сирот:

1) Липецке – дневной приют, который содержался на деньги потомственного почетного гражданина Хренникова, и в который ежедневно приходило до 48 детей обоего пола;

2) Моршанске действовал воспитательный приют для новорожденных, в котором находилось около 100 младенцев, и приют, основанный Платициной, в котором призревало 28 детей обоего пола;

3) г. Козлове на средства благотворителей в детском приюте для сирот и детей лиц бедного звания призревало 46 девочек;

¹¹⁵ Тамбовские губернские ведомости. 1871. № 50.

¹¹⁶ Тамбовские епархиальные ведомости. 1873. № 7. С. 217.

4) г. Елатье на средства умершего купца Попова в приюте для малолетних детей содержалось 12 девочек¹¹⁷.

В городах максимально активно проявляли себя и представители «ведущего» сословия Российской империи. Так, наиболее знаменитый филантроп и меценат Э.Д. Нарышкин в 1877 году создал и финансировал новое для Тамбова и первое для Российской империи учреждение призрения – Александровский приют для арестантских детей. Для приюта Э.Д. Нарышкин приобрел и перестроил дом на Козловской улице напротив тюремного замка. Благотворителем было закуплено все необходимое оборудование, нанят служебный персонал. Вместе с Э.Д. Нарышкиными в создании приюта принимали участие Чичерины, Хвошинские, Воронцова-Дашкова. После Нарышкина приютом заведовал А.Н. Чичерин. Часть расходов брал на себя и главный тюремный комитет.

В 1882 году был утвержден устав приюта, по которому туда принимались дети родителей, приговоренных к отбытию наказания в тюрьме или ссылке на каторжные работы, дети недостаточных арестантов всех сословий и вероисповеданий в возрасте от 6 до 13 лет¹¹⁸. Питомцы приюта полностью были на бесплатном содержании: обеспечивались одеждой, пищей, постелью и другими необходимыми вещами. После 13 лет приют подыскивал место, брал на себя заботу пристроить их к тому или иному труду, обеспечивающему их существование¹¹⁹. Большинство детей выбы-

¹¹⁷ Обзор Тамбовской губернии за 1886 г.: приложение ко всеподданейшему отчету Тамбовского губернатора. Тамбов, 1887. С. 29.

¹¹⁸ *Маклаков Н.* Нарышкинский Александровский приют для арестантских детей // Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 г. Тамбов: Типография губернского правления, 1903. С. 248.

¹¹⁹ *Горелов А.А., Щукин Ю.К.* Эммануил Дмитриевич Нарышкин (1813–1901). Жизнеописание и деятельность почетного гражданина города Тамбова, благотворителя и мецената. Тамбов, 2002. С. 25.

вало из приюта, когда их родители освобождались из заключения в городской тюрьме¹²⁰.



г. Тамбов. Александровский приют для арестантских детей
(современное фото)

Для городского самоуправления, где основной тон задавало купечество, в отличие от земского, где приоритет принадлежал дворянству, характерными и особыми чертами стали такие, как бóльшая оперативность в решении насущных проблем, что было также связано и с особым темпом городской жизни, разнообразная финансовая деятельность, в том числе с использованием банковского капитала, опора на более широкую базу благотворительных пожертвований состоятельного купеческого слоя, опора в целом на гражданскую инициативу, проявляемую, прежде всего, посредством печати, а также писем и заявлений населения в городские органы самоуправления.

В 90-е годы XIX века значительно расширилось число частных благотворителей, пожелавших оказывать филан-

¹²⁰ Нарышкинский приют для арестантских детей // Памятная книжка Тамбовской губернии за 1879 г. Тамбов: Типография губернского правления, 1879. С. 127.

тропическую помощь городскому самоуправлению в деле организации новых благотворительных учреждений, улучшения качества и количества услуг, предоставляемых органами общественного призрения.

Одним из ярких примеров успешной личной благотворительности в отношении детей-сирот и взаимодействия с городским самоуправлением являлась деятельность тамбовского купца А.М. Носова.

В 1879 году по инициативе А.М. Носова Тамбовская городская дума открыла ремесленные мастерские для детей, у которых родители умерли в холерный год. Но таких детей оказалось так много, что городская дума не смогла содержать это заведение и в 1885 году за неимением предложила закрыть мастерские, а учеников распустить. Однако А.М. Носов сделал новое пожертвование, подарив «в вечное владение городу Тамбову ненаселенную, удобную землю 540 десятин без остатка в Тамбовском уезде при селе Алексеевка, на реке Бурначка, неприкосновенный капитал в процентных бумагах, составляющий 28000 рублей, два каменных дома для мастерских и приюта для мальчиков». Этих пожертвований хватило на реорганизацию мастерских в ремесленное училище. В благодарность городская дума постановила «назвать именем спасителя ремесленное училище Носовским и о настоящем пожертвовании довести до сведения императора»¹²¹.

В 1889 году по желанию и на собственные средства А.М. Носова был открыт приют для мальчиков на 40 человек, но уже в августе 1890 года его расширили до ста мест. Обычно в приют принимались дети 7–9 лет, преимущественно круглые сироты и малолетние побирающиеся.

Дети находились в заведении на полном содержании, до 12–13 лет дети воспитывались и обучались по программе церковно-приходской школы. По достижении 12–14 лет

¹²¹ ГАТО. Ф. 17. Оп. 42. Д. 16. Л. 4.

мальчики поступали в образцовую ремесленную мастерскую¹²².

В 1891 году на средства А.М. Носова при городской богадельне был открыт приют для девочек 6–8 лет на 100 человек из беднейших круглых сирот всех сословий, живущих в г. Тамбов. До 16–17 лет они жили на полном содержании, посещали богослужения в храме праведного Лазаря при богадельне, а также обучались счёту, грамоте, рукоделию, домашним хозяйственным делам: приготовлению пищи, стирке белья и другим домашним потребностям. В 16–17 лет они выходили замуж, их снабжали одеждой и награждали ста рублями, а не успевшие создать семью при увольнении получали одежду и 50 рублей вознаграждения.



г. Тамбов. Носовская богадельня на Большой улице
Фоторепродукция А. Фоменко
(из личного архива М. Климовой)

¹²² Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 г. Тамбов, 1903. С. 33.

Важно заметить, что практически все благотворители подчеркивали всесословный характер устраиваемых благотворительных учреждений. Это отражало как веление времени и общую демократизацию благотворительных инициатив, так и демонстрировало индивидуальные перемены в сознании и мировоззрении самих благотворителей.

Фактически в городах складывалась особая структура социальной поддержки и помощи приютам. Население через систему благотворительных акций получало возможность напрямую помогать в данном случае детям-сиротам. Посредником и организатором здесь выступало городское самоуправление. Большое значение городские самоуправления придавали организации и деятельности благотворительных обществ, их объединений и комитетов. И это не случайно. Благодаря данным структурам появилась возможность аккумулировать различные, иногда небольшие суммы, поступающие от жертвователей, что позволяло планировать затраты благотворительных средств.

В деятельности городских самоуправлений по развитию народного образования в исследуемый период определилось два направления: 1) непосредственная, адресная помощь малообеспеченным, многодетным семьям в определении их детей в приюты, где они, находясь на содержании городских самоуправлений, получали начальное образование; 2) расширение и поддержка сети начального и среднего образования. Социальная значимость и притягательность приютов, организованных городскими самоуправлениями для детей малообеспеченных слоев населения, во многом определялась тем, что находящиеся в них дети могли получить образование¹²³.

¹²³ Чвикалов А.И. Социальная деятельность учреждений земского самоуправления в губерниях Центрального Черноземья: монография. Воронеж: Истоки, 2014.

В городах активизировалось формирование постоянно действующих благотворительных организаций, возглавляемых видными деятелями городского самоуправления. Задачей данных общественных организаций стало, во-первых, обеспечение адресного, индивидуального подхода при оказании помощи, во-вторых, сбор средств в помощь городскому самоуправлению для строительства новых благотворительных учреждений и, в-третьих, усиление попечительской работы в системе созданных прежде благотворительных учреждений.

В этот период окончательно сформировалась система управления благотворительной деятельностью, непосредственно входящая в состав городского самоуправления и подконтрольная городской власти, окончательно выработался порядок отчетности благотворительных обществ, организаций и учреждений, а также началось создание специализированных благотворительных заведений.

Необходимо учитывать, что городские самоуправления Тамбовской губернии развивали и собственные структуры благотворительных обществ и организаций. 3 марта 1891 года по постановлению городской думы был учрежден городской благотворительный комитет для заведывания благотворительными учреждениями и распределения пособий нуждающимся¹²⁴. В его ведении находились: приюты, богадельни, носовское ремесленное училище. По сути, это была особая координирующая структура городского самоуправления, которая отчасти повторяла некоторые функции приказа общественного призрения.

Необходимо учитывать, что все же благотворительных денег у городской думы в Тамбове было мало, их тщательно делили, и строго контролировали расходы. Кроме того, несмотря на то, что содержание благотворительных учреждений требовало значительных затрат, городское само-

¹²⁴ ГАТО. Ф. 173. Оп. 1. Д. 26. Л. 3.

управление весьма неохотно передавало их под управление других ведомств, так как передача учреждений не сопровождалась снятием повинностей по их финансированию в той или иной форме. Кроме того, городская дума понимала, что факт безвозмездного дарения средств или земель на благотворительные нужды обратного хода не имел, и все имущество и деньги перешли бы в казну, как это было в бытность приказа общественного призрения.

Именно в 1890-е гг. особенно явно обозначилась тенденция неравномерного развития системы городского самоуправления, которая была наиболее отчетливо видна при проведении благотворительной деятельности. Наметились три города-лидера, где местное самоуправление проводило активную и эффективную социальную политику: Тамбов, Козлов и Моршанск, а также города, где, несмотря на рост численности населения и развитие промышленности и торговли, дело общественного призрения было организовано явно недостаточно, например, Липецк и Борисоглебск. В связи с этим можно сказать, что благотворительность не зависела напрямую от уровня развития городов. Свою роль играла активность городских самоуправлений и поддерживавших их обществ и отдельных, скажем так, филантропически настроенных лиц.

Примечательно, что в руках уездных благотворительных учреждений иногда сосредоточивались значительные капиталы, равные по сумме капиталам Тамбова. Так, благодаря тому, что в Темниковском уезде, городах Темников и Кадом были расположены общероссийские монастырские центры, городское самоуправление имело в своем распоряжении значительные благотворительные средства, которые фактически не использовались. Наконец, абсолютным аутсайдером в деле благотворительности стал Шацк, где практически не велась социальная работа ни в какой форме.

В 1895 году в Тамбовской губернии уже было 9 приютов и 2 сиротских дома: земский сиротский дом, в котором находилось 185 детей, бюджет – 37250 руб., Мариинский детский приют, в котором призревалось 55 мальчиков и 67 девочек, 12765 руб. Кроме того, в Тамбове было два приюта при городской общественной богадельне для мальчиков и девочек, в которых призревалось 98 мальчиков и 85 девочек, и Нарышкинский приют для арестантских детей.

В городе Козлов имелись Николаевская богадельня с сиротским отделением, в котором призревалось 1 мальчик и 52 девочки, а также приют общества для бедных, в котором призревалось 48 девочек. В городе Липецк имелся Хренниковский приют на 42 сироты обоюбого пола.¹²⁵ В уездном городе Усмань действовала Охотниковская богадельня, в который призревалось 10 детей. В городе Моршанск имелся Александровский детский приют, в котором призревалось 3 мальчика и 18 девочек. В городе Елатьма был приют при Рождественской церкви, содержавший 14 девочек. В городе Кадом на проценты с пожертвованных купцом Михаилом Рожновым была открыта богадельня, в которой призревалось в том числе 5 детей. Кроме того, в отчете губернатора за 1895 год отмечалось, что в Тамбове существовали кроме этих благотворительных учреждений и благотворительные общества:

– попечительное общество о бедных, с состоящим при нем доме трудолюбия, в котором находились 40 воспитанниц;

– городской благотворительный комитет, который оказывал за счет пожертвованных денег помощь нуждающимся воспитанникам мужской и женской гимназий¹²⁶.

¹²⁵ Обзор Тамбовской губернии за 1895 г.: приложение ко всеподданнейшему отчету Тамбовского губернатора. Тамбов, 1896. С. 44.

¹²⁶ Там же. С. 45.

Весьма полезным является изучение деятельности благотворительных организаций в городах региона на микроуровне. В 1903–1904 гг. в Тамбовской губернии существовало Тамбовское общество попечения о детях. Город был разделен на попечительства, которые помогали детям из бедных многодетных семей. Даже «при наличии родителей эти дети в действительности были нередко в положении беспризорных: отец – в большинстве случаев ремесленник или чернорабочий, мать – прачка или занимающаяся поденными работами, помещение – угол в подвальном этаже или полутемная комната, няньки малолетних детей в отсутствие матери – старшие сестры, девочки 7–9 лет; при отсутствии заработка у матери и при хроническом запое отца детям в таких семьях приходится иногда целые дни просиживать без пищи и вместо одежды кутаться в лохмотья»¹²⁷. Попечительства оказывали таким детям материальную помощь выдачей постоянных и единовременных денежных пособий, снабжали детей одеждой, покупали для них еду, учебники для обучения. Они открыли при обществе школу кройки и шитья, в которой бесплатно обучалось 12 девочек в возрасте не моложе 12 лет. При успешном окончании школы, после трехлетнего обучения, девочкам выдавали свидетельства мастериц для занятия швейным ремеслом. Через год школа была расширена до 20 мест. Девочки завтракали и обедали в школе за счет средств Общества.

Члены попечительств помогали в поиске работы для родителей таких детей, ходатайствовали об определении детей в городские училища, просили врачей осматривать больных детей и помогать бесплатно медицинским советом.

Интересен был и состав Правления: председатель – действительный статский советник И. Герд, члены правле-

¹²⁷ Отчет Тамбовского общества попечения о детях. Тамбов, 1905. С. 4.

ния 2 мужчины и пять женщин¹²⁸. Из 209 членов общества, записавшихся в 1902 году, спустя три года отказались принимать участие в деятельности общества – 9 (имена их были опубликованы), а 71 ни разу не заплатил членские взносы¹²⁹. В отчетах правления указывались и недостатки в деятельности благотворительной организации: недостаток денежных средств, отсутствие лиц, желающих работать в попечительствах, и слишком слабая организация дела попечительного благотворения.

При сборе пожертвований попечители порой сталкивались с неприятными замечаниями, столкновениями и отказом от сбора средств по подписным листам. 1 попечительство не было организовано, так как не нашлось желающих потрудиться на пользу общества¹³⁰.

Общество планировало открыть образцовую ферму с сельскохозяйственной школой для беспризорных детей, но из-за безденежья и при полной невозможности получить средства в «ближайшем будущем, ввиду событий на Дальнем Востоке, потребовавших громадных сумм у земства, города и отвлекших частную благотворительность на дело призрения – больных и раненых воинов, на помощь государственному казначейству по снаряжению флота, на Красный Крест и т. п.»¹³¹.

В начале XX века и до революции 1917 года особенно возросла роль городских благотворительных обществ, создававшихся для осуществления самостоятельных, то есть все более масштабных филантропических проектов. Городские самоуправления Тамбовской губернии активно участвовали в деятельности созданных в этот период общерос-

¹²⁸ Отчет Тамбовского общества попечения о детях. Тамбов, 1905. С. 25.

¹²⁹ Там же. С. 26-29.

¹³⁰ Там же. С. 11.

¹³¹ Там же. С. 12.

сийских благотворительных организаций, съездов, совещаний, направленных на улучшение качества социальной работы и распространение передового опыта работы наиболее эффективно действующих Московских и Санкт-Петербургских благотворительных организаций и учреждений. В целом, курирование в городах благотворительных учреждений различными ведомствами или частными лицами создавало большее разнообразие их форм и методов управления. По мнению Е.В. Барановой, пространственно благотворительные учреждения в пореформенной России стали неотъемлемой частью любого городского района¹³².



г. Тамбов. Здание дома трудолюбия
(фото из архива М. Климковой)

¹³² Баранова Е.В., Лобанова А.С., Орлова В.Д. Пространственный фактор формирования городской культуры (на материалах Тамбова во второй половине XIX – начале XX в.): монография. Тамбов, 2015. С. 153.

В целом, в городах Тамбовской губернии развивались вполне успешные возможности благотворительности в отношении детей и подростков. Дети-сироты до 7–10-летнего возраста направлялись в учреждения приютского содержания. Дети школьного возраста переходили на интернатское содержание, обучались ремеслам (мальчики) и домоводству (девочки), получали начальную общеобразовательную подготовку, причем обучение детей-сирот проходило не только совместно с детьми бедных родителей, но и с детьми из сравнительно обеспеченных семей (получающих образование в средних и ремесленных школах за плату). Предпринимались меры для помощи семьям, стремившимся к усыновлению детей, предоставлялись частные и городские стипендии для обучения, питания и проживания школьников, гимназистов и студентов.

Заметим, что все же не до конца были четко регламентированы и распределены обязанности по благотворительности между административной, земской и городской властью, что вызывало различные конфликты и проволочки в решении задач общественного призрения детей-сирот в Тамбовской губернии. С другой стороны, социально-направленный характер деятельности самоуправлений не только позволил им решить многие проблемы, связанные с защитой детей-сирот, но и давал возможность привлечь к участию в деятельности широкие слои населения, что явилось важнейшей предпосылкой становления гражданского общества.

1.3. Церковное и монастырское призрение детей в Тамбовской епархии

Православной церкви принадлежит особое место среди социальных институтов Российской империи, занимавшихся благотворительностью. Трансляция идей милосердия, человеколюбия, доброты и внимания, отзывчивости неразрывно связываются с традиционными православными ценностями и духовными скрепами российского государства. Однако детализация и точечное изучение желаний и возможностей православного духовенства и монастырской братии принимать участие в призрении особо нуждающихся и страждущих поддержки и заботы показывают далеко неоднозначные результаты.

Обычно благотворительная деятельность в епархиях Российской империи рассматривалась как проявление заботы и милосердия, в том числе в военные годы¹³³. По мнению Е.Ю. Анкаримовой, феномен церковно-приходской благотворительности особенно в региональном контексте изучен явно недостаточно¹³⁴. В фундированном исследовании Г.Н. Ульяновой, посвященном благотворительности в Российской империи в XIX – начале XX века, речь идет о церковно-приходских попечительствах¹³⁵.

¹³³ *Архинов С.В.* Благотворительность русской православной церкви во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Вестн. Моск. обл. гос. ун-та. Сер.: история и политические науки. 2015. № 3. С. 125-133 и др.

¹³⁴ *Анкаримова Е.Ю.* Церковно-приходская благотворительность на Среднем Урале во второй половине XIX – начале XX в. // Благотворительность в истории России: Новые документы и исследования. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 279.

¹³⁵ *Ульянова Г.Н.* Благотворительность в Российской империи, XIX – начало XX века. М., 2005.

В монографии А.Р. Соколова указывается, что приходская благотворительность была подчинена общему ходу социально-политического развития общества. Еще со времен Петра I на монастыри была наложена важная локальная задача призрения увечных воинов¹³⁶. По сути, церковная благотворительность в синодальный период развития должна была полностью подчиняться предписаниям из столицы и реализовывать возникающие задачи государственной социальной политики. Это все отражалось и на собственно церковном понимании приоритетов социальной работы.

Особенно старательным и четким было выполнение приказов по церковному ведомству в провинциальных епархиях. Воля архиепископа здесь выполнялась неукоснительно, и епархиальные пастыри обязаны были докладывать о реализации предписаний духовных консисторий.

Заметим, что наиболее многочисленными среди православных сообществ были церковно-приходские попечительства, которые создавались на основании Положения о приходских попечительствах при православных церквях от 2 августа 1864 года. Источниками денежных материальных пожертвований для них определялись добровольные пожертвования от прихожан и посторонних. Эффективность таких попечительств значительно возрастала в периоды войн, эпидемий, голодовок и других экстремальных ситуаций, когда необходимо было консолидировать средства и усилия по наиболее важным направлениям социальной деятельности.

¹³⁶ Соколов А.Р. Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII – конец XIX в.): научное издание. СПб.: Лики России, 2006. С. 515.

Училища-приюты для девочек-сирот при женских монастырях

Примечательно, что в регионах Российской империи существовали и успешно реализовывались возможности церковной (монастырской) благотворительности, в частности приюты для детей-сирот при женских монастырях. Особенности этих приютов на всем протяжении их существования заключались в том, что они предназначались, прежде всего, для сирот из духовного ведомства, но постепенно туда стали принимать и девочек из других сословий. Заметим, что это были едва ли не единственные возможности получения девочками-сиротами образования и перспектив трудоустройства, поэтому очень важно учитывать значение этих заведений для провинциального социума.



г. Кадом. Милостиво-Богородицкий женский монастырь
(из личного архива М. Климковой)

Понятным становится и желание монастырского начальства помочь, прежде всего, сиротам из духовного ведомства, которые часто были совершенно лишены какой-либо другой поддержки и участия.

Первое училище для девочек-сирот в Тамбовской губернии было открыто при Кадомском женском монастыре в марте 1869 года. Там проходили обучение на полном монастырском содержании 30 девочек: из которых 12 были духовного звания, в том числе 6 сирот, двое из дворян, а остальные из купеческого и мещанского сословий¹³⁷.

В 1870 году при Тамбовском Вознесенском женском монастыре, при заведывании настоятельницы, был основан приют для девочек. Он содержался полностью на средства монастыря. Тратилось на обучение, воспитание и питание воспитанниц более 1000 руб. в год. Помещался приют в деревянном двухэтажном монастырском здании.

В 1878 году в приюте жило 19 девочек-сирот – от 7 до 17 лет. Приходящих воспитанниц не было, но если туда поступали девочки по желанию родителей, то с них взималась плата по 70 руб. в год.

Решение о приеме детей в приют должно было принимать епархиальное начальство, и преимущество всегда отдавалось детям-сиротам из духовного звания. Круглые сироты имели преимущество перед другими, имеющими мать или родственников, которые могли их воспитывать. Сироты священнослужителей имели преимущество перед сиротами церковнослужителей. Дети, которые имели отцов, могли быть приняты только тогда, когда не было кандидатов из детей круглых сирот.

По сложившейся традиции девицы должны были быть «здорового телосложения, способны, благонравны и без телесных недостатков». Содержание воспитанниц училищ-

¹³⁷ М. Училища-приюты при женских монастырях // Тамбовские епархиальные ведомости. 1882. № 23. С. 909.

приютов было простое, чтобы «отнюдь не развивало в них изнеженности и потребностей, несовместимых с будущим их назначением»¹³⁸. Весьма примечательно, что в женские монастыри принимались дети строго по гендерной программе – только девочки. О призрении мальчиков-сирот речь не шла даже в мужских монастырях. Здесь был очевидным гендерный стереотип и перекося в призрении детей-сирот и нуждающихся в поддержке.

На основании указа Святейшего Синода в приют должны приниматься дети от 9 до 12 лет и проходить шестилетний курс обучения. В 1876 году выбыло из приюта 9 девиц, из которых пять поступили в епархиальное женское училище, а оставшиеся пристроились при своих матерях¹³⁹.

Отчетов и сведений об этом и других сиротско-воспитательных учреждениях при монастырях в официальных статистических выпусках не публиковалось. Все данные поступали напрямую в духовную консисторию и частично публиковались в обзорах о заведениях в «Тамбовском епархиальном вестнике». Это было одно из самых значительных отличий по обнародованию данных о благотворительной деятельности в регионе.

Важно понять, что же послужило причиной и поводом для возникновения таких училищ-приютов для девочек при женских монастырях. Образовывались они по инициативе настоятельниц, либо при мощных пожертвованиях прихожан или меценатов, либо по распоряжению архипастыря?

Ответ надо искать в особенностях российского вертикального управления «всеми и всегда», в том числе цер-

¹³⁸ М. Училища-приюты при женских монастырях // Тамбовские епархиальные ведомости. 1882. № 23. С. 913.

¹³⁹ Приют для девочек в Тамбовском женском монастыре // Памятная книжка Тамбовской губернии за 1879 г. Тамбов: Типография губернского правления, 1879. С. 127-128.

ковной благотворительностью. Удивительно, но авторы многочисленных работ по истории православной церкви с умилением и восторгом описывают милосердие и духовность церковнослужителей и православных обитателей. Но тогда почему в Тамбовской губернии, где всегда было много монастырей и пустыней, куда обильно стекались верующие со всей страны, желая посетить святые места – Саровскую пустынь, мощи Пителима и пр., никто из священнослужителей не задумывался о важности призрения детей-сирот или вообще детей из бедных семей?

Необходима была санкция сверху, которая бы дала основание для проявления «милосердия и человеколюбия». Или случай, который бы вызвал заинтересованность императора, а затем Святейшего Синода. В этом контексте вполне уместно применить современный термин о «ручном управлении государством», когда личное вмешательство «первого лица» способно включить импульсы милосердия и духовного участия в судьбах детей-сирот.

В случае с развитием призрения девочек-сирот при женских монастырях случилась именно такая история. Все началось со знакомства императора Александра II с всеподданнейшим отчетом Могилевского губернатора за 1866 год, в котором тот указывал, что на всю Могилевскую губернию существовало лишь одно Буйницкое училище для девочек духовного звания. Губернатор отмечал, что было бы полезным открыть для девочек, преимущественно духовного звания, училища-приюты при женских монастырях, «из которых они бы выходили умственно и нравственно развитыми и привыкшими к труду»¹⁴⁰. На этом губернаторском отчете появилась отметка государя: «обратить на это внимание Обер-прокурора Св. Синода».

¹⁴⁰ М. Училища-приюты при женских монастырях // Тамбовские епархиальные ведомости. 1882. № 23. С. 905.



г. Тамбов. Вознесенский женский монастырь
(из личного архива М. Климковой)

Синод в указе моголевскому архиепископу поручил ему «...предложить женским монастырям вверенной ему епархии озаботится принятием мер к осуществлению предположения об устройстве при них учебных заведений для девочек, преимущественно духовного звания, и других

благотворительных учреждений, если представиться к тому возможность по имеющимся в монастырях средствам»¹⁴¹. Независимо от этого, тем же определением Св. Синода было постановлено циркулярным указом на имя Епархиальных Преосвященных «предложить женским монастырям и прочим епархий об исполнении, по возможности, означенного предположения».

Тамбовская духовная консистория после получения указа Св. Синода и по резолюции архиепископа Феодосия разослала предписания по всем женским монастырям и общинам относительно устройства при них училищ для девочек-сирот. Интересно, что на это предписание настоятельницы монастырей, высказывая в общем свое полное сочувствие, в рапортах в консисторию дали различные ответы: одни – утвердительные, другие – полуутвердительные (откладывая открытие училищ до благоприятного времени), третьи – отрицательные, ссылаясь на полнейший недостаток монастырских средств. Так, игуменья Тамбовского Вознесенского монастыря согласилась открыть училище, но не более чем на 10 девочек. Точно также настоятельница Серафимо-Дивеевского монастыря сообщала, что «вверенная ее попечению обитель, не имея никакого верного обеспечения, может принять на свое содержание и воспитание не более пяти девочек, преимущественно». Настоятельница ссылаясь и на то, что обитель призревала и призревает сирот и престарелых девиц, которые составляют до четверти всей монастырской общины.

Настоятельница Оржевской Боголюбской Тишиновской общины заявила о готовности принять на содержание монастыря до 10 девочек разных сословий, а также дополнительно дать возможность учиться в монастырском училище приходящим девочкам. Ее поддержала и настоятель-

¹⁴¹ М. Училища-приюты при женских монастырях // Тамбовские епархиальные ведомости. 1882. № 23. С. 906.

ница Тамбовского Сухотинского монастыря, изъявив согласие открыть монастырское училище только на 7 девочек¹⁴².



Серафимо-Дивеевский монастырь с юго-западной стороны
(из личного архива М. Климковой)

Настоятельницы же Усманского Софийского, Кирсановского Тихвино-Богородицкого и Лебедянского Сезеновского Иоанно-Казанского монастырей сообщили, что не могут немедленно открыть училища при монастырях, так как не имеют готовых зданий и испытывают недостаток наличных средств. Настоятельница Темниковского Рождества Богородицы монастыря наотрез отказалась от открытия училища для девочек-сирот, ссылаясь на скудные средства монастыря, отсутствие всякого пособия от казны. Также о полной невозможности открыть училище заявила и настоятельница Козловской Боголюбовской общины.

¹⁴² М. Училища-приюты при женских монастырях // Тамбовские епархиальные ведомости. 1882. № 23. С. 907.



Кирсановский Тихвино-Богородицкий монастырь
(из личного архива М. Климковой)

Тамбовская духовная консистория, рассмотрев рапорты настоятельниц женских монастырей, приняла решение о шестилетнем курсе воспитания девиц-сирот, которые должны были поступать в училище в возрасте от 10 до 12 лет. Преподавание образовательных предметов было возложено на священнослужителей, состоящих при женских монастырях, и не должно было быть менее двух часов в день.

Программа обучения была единой для всех училищ для девочек-сирот при женских монастырях Тамбовской епархии и включала в себя:

- 1) Закон Божий: катехизис, священную историю, краткое учение о богослужении православной церкви с объяснением литургии;
- 2) русский язык и церковно-славянские языки;

- 3) арифметику до тройного правила включительно;
- 4) географию;
- 5) краткую гражданскую историю и особенно русскую;
- 6) чистописание и рисование;
- 7) церковное пение;
- 8) рукоделие;
- 9) приучение девиц к домоводству¹⁴³.

Обучение рукоделию, домашнему хозяйству в удобное и свободное для воспитанниц время предоставлялось монахиням или послушницам по выбору настоятельниц. В конце года настоятельница должна была подавать рапорт епархиальному начальству о состоянии училища, список воспитанниц с данными об успехах и поведении.

После окончания училищ девочки могли поступать в епархиальное женское училище, но большинство пристраивалось к родственникам.

В течение четырех лет (1871–1875 гг.) выпускницы сиротских училищ при монастырях получали не просто свидетельства об окончании обучения, а удостоверения за подписью игуменьи, законоучителя и воспитательницы о том, что такая-то ученица окончила курс училища при таком-то монастыре по программе народных школ. Это позволяло выпускницам преподавать потом в сельских школах и иметь средства к существованию. Но все закончилось из-за вполне типичных бюрократических уточнений статуса этого образования. В 1879 году директор народных училищ по Тамбовской губернии предложил для контроля и инспекции над монастырскими училищами подчинить их ему. На что последовал отказ министра народного просвещения графа Д.А. Толстого, и удостоверения выпускницам

¹⁴³ Приют для девочек в Тамбовском женском монастыре // Памятная книжка Тамбовской губернии за 1879 г. Тамбов: Типография губернского правления, 1879. С. 128.

выдавать перестали, ограничиваясь только справкой об окончании училища¹⁴⁴.



г. Тамбов. Трегуляевский Иоанно-Предтеченский
мужской монастырь
(из личного архива М. Климковой)

¹⁴⁴ М. Училища-приюты при женских монастырях // Тамбовские епархиальные ведомости. 1882. № 23. С. 915-916.

Но содержание девочек-сирот на полном монастырском обеспечении позволяло им выживать, взростеть и получать образование и определенные жизненные перспективы.

В 1870 году, учитывая приказ и жесткое предписание архиерея, училища приюты для девочек-сирот были открыты во всех женских монастырях епархии, за исключением Темниковского Богородичного монастыря.

В 1877 году настоятельницы докладывали в духовную консисторию об успехах в обучении девочек. Всего по всем монастырям обучалось 145 девочек не только духовного звания, но и светские¹⁴⁵. В 1881 году обучение проходили при полном монастырском содержании уже 176 девочек-сирот.

В эти же годы в монастырские училища стали направлять девочек-сирот и органы местного самоуправления Тамбовской губернии. В Тамбовском Вознесенском монастыре обучалось 15 девочек, определенных епархиальным начальством, и 3 девочки-сироты по направлению Тамбовского земства. В Тамбовском Сухотинском монастыре было 20 воспитанниц. При Тулиновском Софийском монастыре, преобразованном из общины только в 1880 году, находилось 11 воспитанниц. При Кадомском Милостливо-Богородицком монастыре находилось 14 воспитанниц, из которых 8 духовного звания на полном монастырском содержании и 6 вольноприходящих. При Кирсановском Тихвино-Богородицком монастыре содержалось 8 сирот-воспитанниц, духовного звания, возрастом от 9 до 14 лет. При Козловском Боголюбском женском монастыре обучалось 36 воспитанниц, из них 14 сирот духовного звания на полном монастырском содержании, других сословий – 22. При Лебедянском Иоано-Казанском монастыре было 17 воспитанниц. В Лебедянском Троекуровском Илларионов-

¹⁴⁵ М. Училища-приюты при женских монастырях // Тамбовские епархиальные ведомости. 1882. № 23. С. 914.

ском монастыре находилось 26 девиц, из которых 18 духовного звания и 8 светского, в том числе одна дворянка, дочь инвалидного офицера, одна – солдатская дочь, две мещанского сословия и три крестьянки. Возраст воспитанниц следующий: одна – 20 лет, две – 19, одна – 18, две – 16, одна – 15, одна – 14 лет, три – по 13 лет, семь – по 12 лет, две – по 10 лет, пять – по 9 лет, одна – 8 лет и одна – 4 года¹⁴⁶.

Вполне очевидно, что со временем монастырские училища стали принимать все больше сирот не только духовного звания, но сложности в обучении возникали лишь из-за разницы в возрасте воспитанниц.

Традиция призрения детей-сирот сохранялась и при открытии новых монастырей в Тамбовской епархии. Так, в 70-х гг. XIX века в селе Тулиновка Тамбовского уезда был основан женский Софийский монастырь, в память о младшей дочери Я.М. Тулинова – Софьи, умершей в раннем возрасте от чахотки. В 1876 году при Софийском монастыре был открыт сиротский приют для девочек.

Не отставали от монастырей в открытии училищ для девочек-сирот и некоторые приходские попечительства. В Тамбовской губернии одним из самых крупных и деятельных попечительств считалось Усманское Космодемьяновской церкви в г. Липецк. Созданное в 1872 году, оно уже через три года содержало богадельню на 10 человек и женскую школу (12 учениц жили при богадельне, 28 были приходскими). Девочек (сирот и дочерей бедных прихожан) учили ремеслам, затем подыскивали им места кухарок или горничных¹⁴⁷.

¹⁴⁶ М. Училища-приюты при женских монастырях // Тамбовские епархиальные ведомости. 1882. № 23. С. 918.

¹⁴⁷ Соколов А.Р. Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII – конец XIX в.): научное издание. СПб.: Лики России, 2006. С. 521.

Заметим, что все же приходская благотворительность в целом была зарегламентирована, чему способствовали традиции внутрицерковной жизни и усиленное государственное регулирование. В конце XIX века в Тамбовской губернии было 986 попечительств на 1071 приход¹⁴⁸, однако, почти все средства, собранные попечительствами, направлялись на обновление церквей и другие церковные нужды, но не на сиротское призрение или другие формы благотворительности. Таким, образом, несмотря на то, что в Тамбовской епархии приходские попечительства были созданы в 92 % приходов, аккумулировали из пожертвований 439,3 тыс. руб., на поддержание причта расходовалось лишь около 6 % средств¹⁴⁹.

«Тамбовские епархиальные ведомости» сообщали, что в 1892 году при всех женских монастырях в Тамбовской епархии имелись приюты – школы для девочек-сирот, в которых они воспитывались на полном монастырском содержании до совершеннолетия. Всего в монастырях содержалось 119 девочек.

В кризисные ситуации, к которым можно отнести голод 1891 года, инициатива призрения детей-сирот приходила и из самих монастырей. Настоятельница Кирсановского Тихвино-Богородицкого женского монастыря игуменья Серафима рапортом от 12 февраля 1892 года докладывала, что по случаю голода на полное монастырское содержание принято 25 круглых детей-сирот девочек в возрасте от 7 до 14 лет¹⁵⁰. Тамбовский архипастырь поддержал эту инициативу и предложил по случаю голода и неурожая принять на призрение сирот и в другие православные оби-

¹⁴⁸ Ульянова Г.Н. Благотворительность в Российской империи, XIX – начало XX века. М.: Наука, 2005. С. 228.

¹⁴⁹ Там же. С. 229.

¹⁵⁰ Примерно-полезная благотворительность монастыря // Тамбовские епархиальные ведомости. 1992. № 5. С. 184-185.

тели. Было рекомендовано, что еще 30 девочек-сирот примут дополнительно Тамбовский, Сухотинский, Козловский Боголюбский, Кирсановский Оржевский, Кирсановский Тихвинский, Усманский Софийский, Лебедянский Троекуровский, Темниковский и Кадомский монастыри¹⁵¹. Эти сироты были взяты на полное монастырское содержание, как и жившие уже в монастырях 116 детей-сирот.

В Тамбовской епархии в 1891 году был создан епархиальный комитет по сбору пожертвований в пользу пострадавших от неурожая. Закупалось зерно и отправлялось в наиболее нуждающиеся уезды Тамбовской губернии¹⁵². Более того, именно Тамбовский и Шацкий епископ Иероним в ноябре 1891 года предложил открыть губернскому комитету по оказанию помощи голодающим совместно с епархиальным комитетом бесплатный приют для 100 крестьянских детей, не имеющих крова и пропитания. Члены комитета стали искать в Тамбове крупные свободные дома, но нашли только один на 50 человек. Второй приют еще на 50 детей решили создать в городе Кадом, куда бы могли поступать дети из северных уездов Тамбовской губернии¹⁵³. Таким образом, в Тамбовской губернии были открыты приюты для детей-сирот только в губернском городе Тамбове и уездном городе Кадом¹⁵⁴.

Свою лепту в оказание помощи семьям запасных солдат, призванных на Русско-японскую войну 1904–1905 гг., пыталась внести православная церковь в лице приходского духовенства. Именно сельские священники являлись главными информаторами населения об указах правительства, разъясняли правила призрения семей призванных на войну нижних чинов, организовывали сбор пожертвований, по-

¹⁵¹ Тамбовские епархиальные ведомости. 1892. № 1. С. 37.

¹⁵² Там же. № 3. С. 109.

¹⁵³ Там же. С. 114.

¹⁵⁴ Там же. № 1. С. 27.

мощь семьям призванных. Однако подъем молитвенных настроений в обществе не был длительным. Как только с театра военных действий стали приходить неутешительные известия о поражениях и неудачах в противостоянии «желтолицым варварам», ухудшались повседневные реалии жизни в провинции, среди россиян и россиянок стали заметны падение духа, снижение интереса к происходящему на войне, сокращение посещения храмов. Тамбовский епископ Иннокентий в сентябре 1904 года признал на проповеди, что «в обществе замечается как бы охлаждение, ослабление любви к нашим отцам и братьям, проливающим кровь за славу и честь Родины. Это охлаждение проявляется как в ослаблении молитвы – публика уходит из храма по окончании литургии, когда начинается установленное Синодом молебное пение о даровании победы, – так и в уменьшении притока пожертвований на нужды войны, на помощь больным и раненым воинам»¹⁵⁵. В силу этих обстоятельств реальная помощь православной церкви детям из семей призванных на войну солдат была минимальной и не влияла серьезно на возможности социальной защиты детей-сирот в Тамбовской губернии.

Заметим, что еще с XIX века существовала еще одна проблема, которая беспокоила православное духовенства и епархиальное начальство – это собственно положение детей-сирот, оказывавшихся часто без всякой поддержки после смерти своих отцов-священников. Надо признать, что действительно приходское духовенство имело мало возможностей в обеспечении детей-сирот духовного звания. На эту серьезную проблему социального призрения еще в 1870 году указал на страницах «Тамбовских епархиальных ведомостей» священник села Чамлык Усманского уезда

¹⁵⁵ Тамбовские губернские ведомости. 1904. 28 сентября.

Алексей Вадковский¹⁵⁶. По его мнению, духовенство, в особенности вдовы и сироты, доходили до нищенского состояния. После смерти своих мужей и отцов положение членов семей священников было даже хуже, чем у нищих, которые могли хотя бы «под окнами испрашивать себе пропитание». Жены и дети священников фактически оказывались после смерти их «кормильца» совершенно лишенными доходов, не имели средств к существованию¹⁵⁷.

Спустя четверть века в 1897 году епископ Тамбовский и Шацкий Иероним утвердил «Правила для попечительских советов о бедных и сиротах духовного звания», по которым Тамбовская епархия была разделена на особые округа, совпадающие с благочинными округами. Попечительства должны были изыскивать средства для помощи бедным духовного звания, способствовать справедливому распределению средств для призрения. Попечительные советы состояли из благочинного, его помощника и духовника. Источниками могли стать: 1) добровольные пожертвования; 2) процентные обложения и сборы; 3) предоставление бедствующим лицам женского пола просфорнических должностей и пр.; 4) кружечные сборы по всем приходским церквам и пр.¹⁵⁸

Не случайно обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев в своем отчете за 1896–1897 гг. признавал: «Положение заштатного духовенства и сиротствующих семей духовных лиц является в высшей степени тяжелым. По смерти или выходе за штат священнослужителя семейство его остается без всяких средств и влачит нищен-

¹⁵⁶ Вадковский А. Голос сельского священника о необходимости изыскать способы к вспомоществованию бедным и сиротам духовного происхождения // Тамбовский епархиальные ведомости. 1870. № 1. С. 17-24.

¹⁵⁷ Там же. С. 18.

¹⁵⁸ Тамбовские епархиальные ведомости. 1897. № 9. С. 159-165.

скую жизнь. Редко кто из духовенства при службе может отложить себе про черный день, чтобы кое-как под старость прожить самому с семьей»¹⁵⁹.

Организованное Тамбовское епархиальное попечительство о вдовах и сиротах духовного звания старалось поддерживать несчастных сирот духовного звания, но средств, как обычно, не хватало. К тому же росло и число лиц, нуждающихся в пенсии. Если в 1903 году их было 354, то к 1909 году число нуждающихся почти утроилось, и поддержка необходима была уже 693 сиротам и вдовам. С 1906 по 1910 год пенсии выплачивались в размере 50 % без всякой дальнейшей компенсации¹⁶⁰. Это вызывало заметный ропот и возмущение духовных лиц.

Фактически попечительства о бедных духовного звания не могли оказать должной материальной поддержки нуждавшимся. Ситуация усугублялась тем, что в Православной российской церкви долгое время не имелось реально действовавшего пенсионного устава. Вплоть до 1902 года духовенство и местное священноначалие руководствовались Временными правилами о пенсиях и единовременных пособиях, утвержденными 9 мая 1866 года. Размеры пенсий были крайне низкими и долгое время не охватывали всех категорий священнослужителей. Для протодьяконов пенсии были установлены в 1876 году, для дьяконов – в 1880 году, а псаломщики получили право на вспомоществование лишь в 1902 году. В условиях отсутствия развитой пенсионной системы и неэффективности епархиальных попечительств о бедных духовного звания материальное положение заштатных клириков и членов их семей на протяжении всего синодального периода истории Православной рос-

¹⁵⁹ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1896 и 1897 годы. Спб., 1899. С. 279.

¹⁶⁰ Тамбовские епархиальные ведомости. 1910. № 9. С. 116-117.

сийской церкви оставалось крайне неудовлетворительным¹⁶¹.

Тамбовское православное духовенство и помощь детям-сиротам в период Первой мировой войны 1914–1918 гг.

Участие тамбовского духовенства в оказании помощи детям-сиротам военной поры не являлось специальной акцией и не было особым направлением в сборе пожертвований, а шло лишь в контексте общей поддержки общероссийских инициатив Святейшего Синода и епархиального начальства.

Уже 4 августа 1914 года архиепископ Кирилл «сделал предложение», от которого никто из священников не мог отказаться, об обязательном двухпроцентном ежемесячном отчислении со своих доходов и содержания для помощи государству: «Предлагаю служащим во всех учреждениях Епархиального Ведомства, а также им всему духовенству епархии начать посильное для каждого ежемесячное отчисление из получаемого содержания на нужды военного времени. Все отчисления должны доставляться ежемесячно в Консistorию, которая будет мне о том докладывать особою ведомостью. Со своей стороны, начиная с августа месяца буду вносить на это дело из получаемых мною ста двадцати пяти рублей казенного жалования пятую часть, то есть 25 руб. ежемесячно»¹⁶².

¹⁶¹ *Иконников С.А.* Роль попечительств о бедных духовного звания в материальном обеспечении православного приходского духовенства Центрального Черноземья второй половины XIX – начала XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 12. Ч. 2. С. 89-91; № 12 (86). Ч. 2. С. 23.

¹⁶² Духовенство и Тамбовской епархии и война // Тамбовские епархиальные ведомости. 1916. 30 января. С. 125-136.

Подобное следование инструкциям при сборе пожертвований продолжалось и в последующие годы войны. К примеру, в 1915 году последовало распоряжение Синода о производстве во всех церквях на 3-й неделе поста (с 15 по 21 февраля 1915 года) кружечного сбора пожертвований в пользу детей воинов, павших на поле брани¹⁶³. Понятно, что данный сбор был успешным и повсеместным в Тамбовской епархии.

Участие тамбовского духовенства было весьма эффективным и результативным в деятельности попечительских советов, которые наиболее точно представляли потребности и нуждаемость осиротевших солдатских семей. Нередко именно приходские «батюшки» были организаторами таких попечительств. За 1915 год «попечительскими советами» Тамбовской губернии в пользу семейств призванных в войска было собрано – 58574 руб. 98 коп., которые позволили оказывать денежную помощь в течение года ежемесячно от 800 до 5000 семейств.

Представители православного духовенства, конечно же, участвовали в сборе средств для общероссийских «императорских комитетов». Так, для «Императорского Высочества Великой Княгини Елизаветы Федоровны Комитета», оказывающего помощь семействам лиц, взятых в войска, через духовную консисторию тамбовским духовенством в 1915 году было отправлено: 7382 руб. деньгами и на 3000 руб. вещей.

В приходах активно открывались совершенно новые для тамбовской деревни учреждения – детские приюты-ясли. В 1915 году такие ясли были учреждены и действовали в 55 приходах епархии, в которых содержались дети обоих полов в возрасте от 1 до 8 лет. Всего призревалось 2113 человек, причем израсходовано было на содержание «яслей» деньгами, не считая пожертвований продуктами,

¹⁶³ Тамбовский край. 1915. 21 января.

3454 руб.¹⁶⁴. Необходимо учитывать, что фактически таких приютов-яслей было гораздо больше и чаще всего они стихийно устраивались самими жителями деревень.

В период Первой мировой войны 1914–1918 гг. наконец включились в заботу о детях и тамбовские мужские монастыри, которые начали призывать детей-сирот из солдатских семей. В Моршанском Казанском мужском монастыре и Козловско-Терской общине были открыты приюты для 113 детей, осиротевших после гибели их отцов на войне¹⁶⁵.

Женские монастыри Тамбовской епархии тоже отреагировали на волю Св. Синода и с января 1915 года были открыты приюты для детей, отцы которых погибли на фронте: при Тамбовском Сухотинском – на 10 человек, Тамбовском Тулиновском – на 11 человек, Козловском Боголюбском – 5, Козловском Ахтырском – 10, Кирсаново-Оржевском – 10, Кирсановско-Тихвинском – 10, Темниковском Рождество-Богородицком – 10, Кадомском Милостливо-Богородицком – 5, Лебедянском Сезеновском – 10, Лебедянском Троекуровском – 10, Усманском Софийском – 10, Шацком Черниевом – 3, Спасском Казанском – 4, Моршанской общине Всемилостливого Спаса – 3 человека¹⁶⁶.

В августе 1915 года Св. Синод поручил епархиальным архиереям учредить особые епархиальные комитеты по оказанию помощи беженцам. Тамбовский и Шацкий архиепископ Кирилл предложил открыть губернский епархиальный комитет, а в уездных городах губернии – уездные комитеты, а также на больших железнодорожных станциях

¹⁶⁴ Духовенство Тамбовской епархии и война // Тамбовские епархиальные ведомости. 1916. 30 января. С. 125-136.

¹⁶⁵ *П-ий Н.* Монастыри Тамбовской епархии в деле служения государству за истекший год войны // Тамбовские епархиальные ведомости. 1915. № 38. С. 983.

¹⁶⁶ Там же.

(Грязи, Сасово, Уварово, Мучкап, Токаревка, Мордово, Земетчино, Торбеево, Богоявленск, Платоновка, Сосновка, Инжавино, Старо-Юрьево)¹⁶⁷ отделения комитета. 1 октября 1915 года был устроен специальный сбор пожертвованных в церквях Тамбовской епархии. В епархии были выделены свободные помещения для проживания более 300 беженцев.

Призрение детей-сирот духовного звания в Тамбовском епархиальном училище

Рассматривая организацию призрения детей-сирот в Тамбовской епархии, необходимо упомянуть и о Тамбовском епархиальном училище, которое тоже находилось в ведении Св. Синода. Епархиальные училища в России с момента открытия и до конца 1860-х годов были закрытыми сословными учебными заведениями и предназначались исключительно для воспитания дочерей духовенства. Преимуществом при поступлении в епархиальное училище пользовались сироты духовного звания. Заметим, что выпускницы монастырских училищ всегда мечтали о продолжении обучения в епархиальном училище. Дело в том, что большинство епархиалок имели право на звание народных учительниц, а девушки-сироты получали при выпуске пособия на средства местных благотворителей¹⁶⁸.

По справедливому мнению О.Д. Поповой, духовенство ставило главной целью епархиальных училищ воспитать и приготовить из своих дочерей добрых и достойных жен священников. Дочь священника, желающая стать женой священника, должна была быть образованной девицей,

¹⁶⁷ Тамбовские епархиальные ведомости. 1915. № 37. С. 950.

¹⁶⁸ Приют для девочек в Тамбовском женском монастыре // Памятная книжка Тамбовской губернии за 1879 г. Тамбов: Типография губернского правления, 1879. С. 129.

иначе она не могла бы пользоваться уважением среди тех прихожан, которые обучали своих детей грамоте. Епархиальные училища являлись учреждениями, в которых девицы духовного звания получали специфическое, не имевшее аналогов, образование и воспитание, сообразное их дальнейшему образу жизни¹⁶⁹. Училища для девочек духовного сословия состояли в ведении Святейшего Синода под управлением архиереев и были вверены попечению местного духовенства. Содержались они на средства, выделенные из епархиальных сумм, или на средства благотворителей¹⁷⁰.



г. Тамбов. Епархиальное женское училище
(из личного архива М. Климовой)

¹⁶⁹ Попова О.Д. Психологический климат в женских епархиальных училищах середины XIX – начала XX в. // Педагогика. 2005. № 2. С. 62.

¹⁷⁰ Попова О.Д. В стенах конвикта... (Очерки повседневной жизни женских епархиальных училищ). Рязань, 2006. С. 33.



Неизвестный художник. Портрет епископа Николая (Доброхотова)
(из личного архива М. Климковой)

Епархиальное женское училище в Тамбовской губернии содержалось на средства духовенства и на средства своекоштных и приходящих воспитанниц. В целом содержание училища обходилось в конце 70-х гг. XIX века в

17 тыс. руб. Основные средства заведения заключались в неприкосновенном капитале в 27735 руб., пожертвованном разными благотворителями¹⁷¹.

Как правило, инициатива открытия епархиального училища принадлежала настоятелю епархии, а училище открывалось на собранные пожертвования. Иногда сбор средств и открытие училища занимали не один год. Так, первая попытка учредить женское училище в Тамбове была сделана в 1849 году. 30 марта 1849 года Преосвященный Тамбовский Николай предложил духовенству епархии жертвовать от 1 до 10 % с окладов жалованья или с получаемых доходов духовенства.

Тамбовское духовенство с сочувствием отозвалось на этот призыв и изъявило готовность собрать необходимые средства. Однако, несмотря на «восторг и сочувствие», значительная часть духовенства Тамбовской епархии не нашла возможности внести необходимую сумму, ссылаясь на неурожай и материальную необеспеченность. При этом были и принципиальные противники женского образования. Так, иерей села Атюрева Темниковского уезда отказался от пожертвований на этот счет. В своем отзыве на указ Консистории он писал: «Имеющихся у меня двух дочерей Раису и Елизавету в предполагаемое заведение для обучения чтению и славянскому <...> я отдавать не намерен, а надеюсь сам при Божьей помощи передать как отец чадам все, прописанное в указе»¹⁷².

Именно нехватка средств тормозила открытие епархиальных училищ. Святейший Синод не давал разрешения на открытие училища, если усматривал, что указанные источ-

¹⁷¹ Епархиальное женское училище. 1878 // Памятная книжка Тамбовской губернии за 1879 г. Тамбов: Типография губернского правления, 1879. С. 128.

¹⁷² *Попова О.Д.* Психологический климат в женских епархиальных училищах середины XIX – начала XX в. // Педагогика. 2005. № 2. С. 67.

ники средств недостаточны или ненадежны. И только в 1863 году в Тамбовской епархии, благодаря правящему архиерею, уже тогда известному духовному просветителю, преосвященному Феофану, Затворнику Вышенскому (1859–1863) в Тамбове было учреждено духовное училище, которое стало 23-м учреждением подобного рода в России¹⁷³.

При поступлении в училище девочка должна была представить метрическое свидетельство о рождении и о привитии оспы, быть не моложе 10 и не старше 12 лет, здорового сложения, способной и благонравной. Главная забота епархиального начальства состояла в том, чтобы всех окончивших курс в училище «...пристраивать преимущественно выдачею замуж за желающих поступить в священники». Из тех, кого не удавалось выдать замуж, наиболее способные ученицы оставлялись в училище помощницами воспитательниц, остальные же по желанию распределялись в женские епархиальные монастыри. Если выпускницы выходили замуж, то они получали пособие. По окончании учебы каждая из них получала бесплатную форму. Во время обучения девочек никуда не отпускали, кроме как на каникулы в дома родителей и родственников, «известных своим благочестием»¹⁷⁴.

В первые годы существования епархиального училища положение епархиалок было незавидным: они испытывали острый недостаток в платье (белье, теплая одежда давалась одна на троих, а столовое белье совершенно отсутствовало); за недостатком прислуги ученицы сами выполняли черные работы: мыли полы, посуду; ученицы старших классов обшивали и себя, и младших и даже работали на посторонних заказчиков.

¹⁷³ Тамбовское епархиальное женское училище. Тамбов, б. г. С. 97.

¹⁷⁴ Лисюнин В. Женское образование в Тамбовской епархии (XIX – нач. XX в.) // Монастырская культура. Тамбов, 2003. С. 150.

При таких условиях качество образовательного процесса было очень низким: «Учиться, в сущности, было и некогда: до учебы, до интересов ли знания было ученицам, когда они постоянно были утомлены физической работой. Общество относилось с недоверием к этой необеспеченной школе с неопределенными задачами и сомнительным будущим. Но духовенство стояло за свою дешевую школу: слишком много было других епархиальных нужд, а средств мало. Да и боялось оно, как бы из дочерей не вышли барышни-белоручки, совершенно неспособные к исполнению обязанностей хозяйки в скудной достатком семье»¹⁷⁵.

С 1873 года в Тамбовское епархиальное училище все больше стали принимать не только сирот, но и детей духовенства, в основном это были дети священников. Если прежде 18 из 30 учениц были сиротами, то теперь из 52 – только 20–30. С постройкой в 1883 году нового корпуса эта тенденция усилилась: сироты начали составлять меньшинство. Желавших поступить было много, поэтому испытательные экзамены выдерживала только 1/3. При этом предпочтение по иерархии оказывалось детям священнослужителей, из-за чего детей дьяконов и псаломщиков поступало очень мало¹⁷⁶.

Очень часто для поступления в женское епархиальное училище из дальних уездов привозили своих дочерей вдовы, надеясь, что их бедственное положение затронет руководство училища и девочек примут на содержание. С каждым годом количество таких детей росло¹⁷⁷.

Содержание училища зависело от благотворительных взносов, а реализация образовательных задач и преподава-

¹⁷⁵ Двадцатипятилетие служения Варвары Константиновны Шишкиной в должности начальницы Тамбовского епархиального женского училища. Тамбов, б. г. С. 1.

¹⁷⁶ Тамбовские епархиальные ведомости. 1906. № 5. Н. ч. С. 17.

¹⁷⁷ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1731. Л. 9.

ние различных предметов – от желания преподавателей других учебных заведений. С начала своего существования Тамбовское епархиальное училище имело большое количество жертвователей, среди них были многие известные архиереи того времени. Средства поступали и от издательства книг епископа Феофана Затворника, и от частных лиц, например, от жены генерал-майора В.Н. Воейковой. До 1905 года почти 25 лет почетным блюстителем училища был граф П.С. Строганов, который ежегодно покрывал немалую часть расходов на содержание сирот, не считая подарков, присылаемых им всем ученицам к Пасхе и Рождеству¹⁷⁸. В разное время он пожертвовал на училище свыше 100000 руб.¹⁷⁹

В 1904 году было образовано Попечительство при училище¹⁸⁰, целью которого являлась «...помощь в нуждах ученицам: доплата за обучение бедных, выдача книг и белья, оплата проезда домой¹⁸¹».

За судьбой каждой из учениц следил епархиальный училищный совет и по возможности помогал выйти замуж или трудоустроиться. В 1912/1913 учебном году из выпускниц училища учительницами народных школ состояло 547 человек, среди них 360 человек – в церковно-приходских школах и 187 – в земских¹⁸².

Анализ материального положения Тамбовского епархиального училища, основанного на пожертвования от церкви, духовенства и некоторых частных лиц, показал, что в течение 50 лет училище продолжало существовать на те же благотворительные средства и лишь в конце XIX ве-

¹⁷⁸ Лисюнин В. Женское образование в Тамбовской епархии (XIX – нач. XX в.) // Монастырская культура. Тамбов, 2003. С. 153.

¹⁷⁹ Тамбовское епархиальное женское училище. Тамбов, б. г. С. 52.

¹⁸⁰ Тамбовские епархиальные ведомости. 1904. № 39. С. 876.

¹⁸¹ Лисюнин В. Указ. соч. С. 152.

¹⁸² Адрес-календарь и справочная книжка Тамбовской губернии. Тамбов, 1914. С. 61-62.

ка стало получать незначительное пособие от казны (500 руб. на образцовую школу и 1000 руб. на увеличение жалования учебно-воспитательному персоналу)¹⁸³.

Тамбовское духовенство и школа-приют для слепых детей

Еще одним проявлением участия тамбовского православного духовенства в поддержке детей явилось открытие школы-приюта для слепых детей. В XIX веке правительство задумывалось над проблемой слепых подданных и проводило переписи и обследования¹⁸⁴.

Проблемы призрения слепых детей не могли не волновать общественное мнение и местных благотворителей в регионе. В Тамбовской губернии насчитывалось в 1905 году около 4730 взрослых слепых, а также более 800 детей, которые были слепыми от рождения. Инициативу по организации призрения таких детей, которые были лишены всякой поддержки, помощи в социализации и обретении какой-либо профессии или мастерства, проявил тамбовский владыка епископ Иннокентий.

10 ноября 1906 года в городе Тамбове было создано Крестовоздвиженское братство, главная цель которого в соответствии с параграфом № 1 его устава состояла в открытии школы-приюта для слепых детей. 31 декабря 1906 года состоялось первое собрание Братства, на котором был избран совет, в который вошли: действительный статский советник Б.А. Комаров, княгиня Л.П. Кугушева, четыре

¹⁸³ Лебедев В. Тамбовское епархиальное женское училище (1863–1903) // Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 г. Тамбов, 1903. С. 97.

¹⁸⁴ Статистика слепых в России по переписи 1886 г. / разраб. ред. Центр. стат. ком. В. Аленициным и А. Сырневым. Спб.: [Т-во Печатня С.П. Яковлева], 1888.

священника: А.В. Суворов, И.В. Щербаков, В.А. Георгиевский, М.И. Гроздов, епархиальный наблюдатель А.И. Левочкин. На собрании присутствовали председатель губернской земской управы И.И. Стерлигов и городской голова А.А. Ерофеев, которые обещали полную поддержку новому начинанию¹⁸⁵.

Председатель Совета братства священник Митрофан Иванович Гроздов был направлен в Воронеж для знакомства с Воронежским училищем слепых, опыт которого потом успешно реализовывался в Тамбове.



г. Тамбов. Школа-приют для слепых детей

В октябре 1907 года Крестовоздвиженское братство открыло в Тамбове на наемной квартире, за которую заплатила известная благотворительница Е.М. Болдырева, шко-

¹⁸⁵ Крестовоздвиженское кладбищенское братство и школа-приют слепых детей в городе Тамбове // Тамбовские епархиальные ведомости. 1907. № 49. С. 1059.

лу-приют для 10 слепых мальчиков, которые обучались Закону Божьему, грамоте, счету, музыке и ремеслам (плетению учебных сумок, гамаков, вязанию половых, сапожных и ламповых щеток). Тамбовское училище слепых субсидировало тамбовское губернское земство в размере 500 руб. и тамбовская городская управа – 100 руб.¹⁸⁶

На второй год работы приюта было собрано более 2000 рублей. И обучалось уже 15 мальчиков и пять девочек. В 1909 году в училище обучалось 16 мальчиков и пять девочек. Все дети были крестьянского сословия: слепорожденных – 7, ослепших от оспы – 10, от кори – 2, от нервных причин – 2. Дети находились на полном содержании братства и добровольных пожертвованиях населения¹⁸⁷. В 1912 году в училище обучалось уже 32 мальчика и 18 девочек¹⁸⁸.

Местные благотворители не оставались равнодушными и к судьбам слепых детей. В 1907 году была основана первая в Тамбовской губернии школа для слепых детей, которая размещалась в маленьком доме на Подъяческой (ныне Чичканова) улице, недалеко от Крестовоздвиженской церкви. В 1908 году братство обратилось с просьбой к жителям края о помощи средствами на приобретение усадьбы под строительство собственного здания училища. В благотворительной акции участвовали Чичерины, Нарышкины, Ланские, Боратынские, Асеевы, а также другие жители Тамбовской губернии. Более 30000 руб. внесла княгиня Л.П. Кугушева. Списки жертвователей, независимо от раз-

¹⁸⁶ Журналы Шацкого уездного земского собрания очередной сессии 1908 г. Шацк, 1909. С. 230.

¹⁸⁷ Училище слепых детей в Тамбове // Тамбовские епархиальные ведомости. 1910. № 9. С. 392-393.

¹⁸⁸ Козловское уездное земское собрание. Журналы Козловского уездного земского собрания чрезвычайных заседаний 4 января и 15 марта, очередной сессии 30 сентября и 1–7 октября и чрезвычайного заседания 9 декабря 1913 года: с приложениями. Тамбов: Типография губернского земства, 1914. С. 974.

мера вклада, публиковались в печати. Представители местной тамбовской интеллигенции внесли свой благотворительный вклад: проект нового корпуса был безвозмездно создан архитектором Е.А. Мозгалевским, сметы бесплатно составлены инженером И.Е. Годзиевичем.

Работа Совета братства носила строго общественный характер и не оплачивалась из средств, пожертвованных на приют. Заведовал училищем председатель Совета Крестовоздвиженского братства священник Митрофан Иванович Гроздов.

В доме-приюте воспитывались слепые дети, привезенные из самых дальних уголков губернии. Они обучались чтению, письму, хоровому пению, игре на различных музыкальных инструментах, а также доступным ремеслам. Воспитанники приюта плели корзинки, летние садовые кресла, пользовавшиеся большим успехом у жителей; пели в составе церковных хоров; работали в училищном саду. Заработанные детьми деньги шли в фонд училища, который формировался за счет пожертвований прихожан, пожертвованной императрицы, городской думы и попечительства.

Открытие приюта-училища не решило проблемы всех слепых детей губернии, но своей подвижнической работой Церковное братство поставило эту сложную задачу перед обществом и привлекло к ее решению здоровые нравственные силы.

Председатель Совета братства священник Митрофан Иванович Гроздов ежегодно обращался в земские и городские управы с просьбой выделить немного средств на содержание школы-приюта, однако, часто ему отказывали. Так, комиссия Кирсановского земского собрания в 1908 году рекомендовала отклонить просьбу о пожертвовании в связи с неимением средств»¹⁸⁹.

¹⁸⁹ Журналы Кирсановского уездного земского собрания: чрезвычайные: 16 янв., 13 мая, 20 ноября и очередные 25–29 сент.: (Журналы

Архиепископ Кирилл всячески поддерживал школу-приют и призывал активно проводить кружечные сборы в церквях и развивать богоугодное заведение.

Следует заметить, что эта «школа для слепых детей» не имела прочных источников содержания и обеспечения, и в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. из-за всеобщего вздорожания продуктов, роста различных расходов ее положение стало критическим. Тамбовское земское собрание выделяло фиксированную сумму на содержание школы в размере 1000 рублей, что позволяло лишь выживать в трудных условиях военной повседневности¹⁹⁰.

Таким образом, подводя некоторые итоги церковной благотворительности в отношении поддержки детей-сирот в Тамбовской губернии в XIX – начале XX века, можно сделать следующие выводы.

1. Тамбовское православное духовенство сформировало особую полузакрытую сословную систему призрения девочек-сирот в монастырских училищах. Постепенно туда могли поступать и призреваться и представительницы других сословий Российской империи, но все же предпочтение набора сирот из духовного сословия оставалось главным принципом этих типов образовательно-воспитательных заведений.

2. Гендерная диспропорция призрения детей-сирот учебно-воспитательными учреждениями Тамбовской епархии сохранялась практически до закрытия этих училищ, но «мужские» приюты духовенством не считались приоритетными и не пользовались специальными преференциями.

3. Сохранялась жесткая иерархичность и подчиненность центру по вертикали при сборе пожертвований или

собрания, сметы, доклады Управы и комиссии с прил.). Тамбов, 1909. С. 185.

¹⁹⁰ Доклады Тамбовской губернской земской управы Тамбовскому губернскому земскому собранию очередной сессии 1916 г. Тамбов, 1916. С. 2.

при поддержке учебных заведений для детей-сирот. Команда сверху (синодальный указ или распоряжение архиерея) подлежали неукоснительному выполнению.

4. Приходские попечительства занимались больше заботой о благосостоянии и благоустройстве приходских церквей, и лишь в случае кризисных ситуаций (засухи, войны, эпидемий) начинали заниматься вплотную проблемами призрения детей-сирот, и то лишь после настойчивого призыва епархиального начальства.

5. Существовавшие в Тамбовской губернии различные конфессии не были связаны друг с другом по поводу поддержки нуждающихся детей-сирот. Источники не сохранили подробных сведений о благотворительных инициативах местной католической и лютеранской общин.

6. Оказываемая помощь детям-сиротам через православные храмы и монастыри была существенной, но помогала облегчить участь незначительной части сирот. Большинство же детей могли рассчитывать лишь на помощь родственников или общинные традиции, обычное право или помощь «случайных» благотворителей.

I.4. Институт опеки и дети-сироты во второй половине XIX – начале XX века

Институт опекунства в Российской империи должен был обеспечивать материальные, социальные и воспитательные стороны жизни несовершеннолетнего, оставшегося без попечения родителей, в семье. Под опекой в XIX веке понимались правоотношения с участием опекуна или попечителя и подопечного – опекаемого сироты. По сути,

опека и попечительство представляли собой правовой институт – совокупность норм, регулирующих осуществление данного вида социальной заботы о детях-сиротах. В конце XIX – начале XX века попечение над личностью детей, оставшихся без родителей, выражалось в перенесении на опекуна большинства прав и обязанностей, лежащих по закону на родителях.

Оригинальность отечественного института опеки и попечительства состояла в том, что большая часть его норм была расположена одновременно в двух отраслях законодательства – гражданском и семейном. Опекунские отношения в дворянском и мещанском сословиях были закреплены в Своде законов Российской империи, крестьянская же опека была изъята из-под действия гражданских законов. При назначении, проверке их действий крестьяне должны были руководствоваться местными обычаями.

В случае отсутствия у крестьян соответствующего местного обычая, регулировавшего вопрос опекунской практики, должен был применяться общий закон. Возникающие при управлении сиротским имуществом спорные вопросы разрешались с помощью разъяснений Сената. Опека и попечительство как нормы гражданского права имели определенные различия: в связи с тем, что опеку назначали над недееспособными гражданами, опекуны осуществляли от их имени все юридические действия, попечитель же призван был лишь помогать своему подопечному. Попечительство дополняло опеку¹⁹¹.

¹⁹¹ Мерко Е.П. Эволюция правового регулирования деятельности опекунов над несовершеннолетними сиротами в конце XIX – начале XX в. // Сборник избранных научных трудов Международного научного форума молодых историков «Белгородский диалог – 2012. Проблемы российской и всеобщей истории» / отв. ред. С.Н. Прокопенко. Белгород, 2012. С. 130-135.

Пределы деятельности опекунов дворянского сословия, их права и обязанности, касающиеся управления и распоряжения вверенным им имуществом, определялись статьями закона, закрепленными в первой части X тома Свода законов Российской империи. Дополнением к указанным статьям служили кассационные решения по жалобам, разъяснения к законодательным статьям, указания Правительствующего Сената. Дворянские опеки в Тамбовской губернии имелись в Тамбовском и Моршанском уездах и состояли из председателя (уездного предводителя дворянства), уездных судей, 2–4 выборных заседателей.

Процесс установления опеки для разных сословий, несмотря на сословный характер института опекунства, был одинаков и не менялся в течение XIX века. Процедура установления опеки состояла из нескольких этапов: в первую очередь назначался опекун, затем происходило описание сиротского имущества. Процедура назначения опекуна в сельских обществах происходила на сходе в присутствии двух третей общества и представителей сельской администрации, а в дворянском сословии – на заседании членов дворянской опеки.

При назначении опекунов в крестьянском и дворянском сословиях обычно применялись разные правила: в дворянском сословии первоочередное значение отдавалось родственным связям, в крестьянском – хозяйственным интересам сирот.

Опекунские учреждения не вступали в управление сиротскими делами, осуществляя лишь надзор за деятельностью назначенных опекунов. При этом власть дворянской опеки простиралась на тот уезд, в котором она была учреждена. В том случае, если для попечения о несовершеннолетнем, владеющим имением в разных уездах, был назначен один опекун, дворянская опека имела право принимать от него отчеты об опекунском управлении и по другим уездам.

С 1889 года, после введения института земских участковых начальников, к ним перешел надзор за опеками над малолетними.

Постепенно происходила эволюция института опекунства в сторону сближения дворянской и крестьянской опеки, подчинения последней общим гражданским законам. Однако сословно-корпоративный принцип управления опекой препятствовал возможности охватить всех нуждающихся в помощи детей-сирот¹⁹².

В целом, процедура установления опеки, единообразная для крестьянского и дворянского сословий, не менялась и в конце XIX – начале XX века. В губерниях Центрального Черноземья материальное положение дворянских сирот соответствовало уровню мелкопоместных дворян, образ жизни которых в то же время больше соответствовал мещанскому сословию. По материальному положению крестьянские сироты относились к беднейшим категориям своего сословия, однако, обладали некоторыми средствами к существованию.

Опека детей-сирот в традиционном крестьянском социуме Тамбовской губернии в XIX – начале XX века

В 1898 году Министерство внутренних дел предложило дать сведения о состоянии призрения в селах и деревнях. Почти все губернии ответили, что в селах и деревнях никакого призрения не существует¹⁹³. В этом ответе заложен

¹⁹² *Вьюнник (Мерко) Е.П.* «Нет у нас маменьки, нету тятеньки!.. Сиротки мы трое горемычные!» Система социальной помощи и поддержки детей-сирот в конце XIX – начале XX века в повседневной практике // Трансформация провинциальной повседневности в условиях модернизационного развития России во второй половине XIX – начале XX в. / отв. ред. В.А. Шаповалов, И.Т. Шатохин. Белгород: НИУ «БелГУ», ООО «ГиК», 2011. С. 299-315.

¹⁹³ *Ильинский В.* Благотворительность в России. История и настоящее положение. Спб., 1908.

ключевой смысл и толкование, идентификация и применение социальной защиты в сельском социуме.

Для многих сельских жителей слова «социальная забота», «призрение» и «социальная защита» мало значили или были непонятны, неконкретны и не существенны. Деревня жила своей жизнью, предпочитая либо применение обычного права, либо традиционных мер попечения, либо «выталкивания» сирот в «чужие» городские структуры: городские приюты, «барские» богадельни, земские благотворительные учреждения.

Формы призрения крестьянских сирот во второй половине XIX – начале XX века были различными: опека, подворное кормление, отдача детей на вскормление за деньги, усыновление, помещение в сельскохозяйственные приюты. Фактически опека представляла собой одну из форм общественного призрения, наиболее распространенную в крестьянском социуме. Наиболее полно и комплексно развитие опеки в Тамбовской губернии рассмотрено в диссертации и публикациях М.П. Осиповой¹⁹⁴.

Функция социальной защиты своих членов традиционно была для сельской общины одной из важнейших. В «Общем положении о крестьянах» вопрос об опеке разрешался на основе норм обычного права. В нем, в частности, говорилось о том, что «в назначении опекунов и попечителей, в проверке их действий и во всех всего рода делах крестьяне руководствуются местными своими обычаями»¹⁹⁵. По мнению В.Б. Безгина, принимая опеку, крестьяне руководствовались мотивами: религиозными – проявле-

¹⁹⁴ *Осипова М.П.* Правовые основы и организация опеки над малолетними в крестьянской среде во второй половине XIX – начале XX в.: по материалам Тамбовской губернии: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02; [Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина]. Липецк, 2011.

¹⁹⁵ *Безгин В.Б.* Опека малолетних и сирот в русском селе (вторая половина XIX века) // Юридический мир. 2009. № 2.

ние христианского милосердия, этическими – достойно выглядеть в глазах «мира», экономическими – иметь в хозяйстве рабочие руки. Добросовестное исполнение опекуном своих обязанностей достигалось контролем со стороны должностных лиц сельского самоуправления и силой общественного мнения¹⁹⁶.

В Тамбовской губернии у подавляющего большинства малолетних, находившихся под опекой, имелась земля того или иного рода, вместе с тем встречались подопечные, не имевшие земельную собственность. Доля безземельных опеков в Тамбовской губернии составляла 3,5 % от числа всех опеков над малолетними. Подопечные 1 % от общего числа опеков не имели никакого имущества (они составляли 39 % всех безземельных опеков) и относились к категории материально необеспеченных. Значительная часть таких сирот содержалась за счет отчимов или опекунов-родственников, находились в услужении.

Остальные опеки имели в составе имущества либо неземельное имущество (22 % от числа всех опеков, не имевших в числе подопечного имущества землю), либо денежные вклады на имя малолетних (39 % от числа всех опеков, не имевших в числе подопечного имущества землю)¹⁹⁷.

Из содержания как опекунских дел, так и сводных ведомостей, содержащих сведения по опекам в отдельных волостях, представляется возможным сделать вывод о том, что подавляющее большинство опеков, не имевших в составе опекаемого имущества землю, назначались над представи-

¹⁹⁶ *Безгин В.Б.* Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX в.). Москва; Тамбов: Изд-во Тамб. гос. тех. ун-та, 2004.

¹⁹⁷ *Осипова М.П.* Материальное положение малолетних опекаемых в крестьянской среде Тамбовской губернии в XIX – начале XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 3 (9): в 3 ч. Ч. 2. С. 152-157.

тельницами женского пола, а значит, не имели землю «за не наделением при переделе»¹⁹⁸.

Большая часть находившихся под опекой лиц относились к категории материально обеспеченных. Это были сироты, имевшие земельные наделы. Часть опеков, имевших в составе лишь движимое имущество, могли быть названы материально обеспеченными лишь условно. Около одного процента опеков не могли даже условно быть отнесены к категории материально обеспеченных, так как не имели никакого имущества. Можно предположить, что установление в деревне опеков последнего рода – свидетельство активной работы земских начальников, стремившихся обеспечить условия для того, чтоб все малолетние сироты, независимо от их материальной обеспеченности, были охвачены официальными опеками.

В Тамбовской губернии в качестве оснований к установлению опеки встречались две разновидности сиротства – как полное, так и полусиротство. Но если смерть обоих родителей являлась абсолютным поводом к назначению опеки, то в отношении полусиротства таким поводом становилась лишь смерть отца малолетнего. Абсолютному большинству рассмотренных случаев опеки предшествовала смерть отца.

Действие опеки прекращалось, когда исчезало основание, по которому она была учреждена. В отношении опеков, устанавливавшихся в крестьянской среде над малолетними сиротами, данными основаниями считались достижение подопечным совершеннолетия, а также его возможная смерть. Кроме того, жизненные реалии выдвигали и другие основания к прекращению опеки над малолетними. Среди них можно выделить переезд на новое место жительства сироты и опекуна и следовавшая за ним выписка их из общества. Наиболее часто в качестве основания к упразднению

¹⁹⁸ ГАТО. Ф. 26. Оп. 3. Д. 72-а. Л. 28; Ф. 26. П. 4. Д. 1742-о. Л. 2, 7.

нию опеки выступало достижение опекаемым совершеннолетия. В отношении его определения у крестьян Тамбовской губернии наблюдалось завидное единогласие. Его возраст находился в пределах 21 года и соответствовал законодательным нормам совершеннолетия. Анализ документов свидетельствует о том, что указанный подход в отношении определения возраста совершеннолетия действовал как для представителей мужского, так и женского пола.

К главному фактору, ведущему к понижению возраста совершеннолетия, обнаруженному в крестьянской среде исследуемого региона, относилось замужество опекаемых сирот. После заключения брака, свадьбы, как правило, собирався сход, приговором которого с брачующейся снималась опека.

Прекращению опеки предшествовала процедура представления опекуном окончательного отчета и сдачи имущества согласно описи, составленной при вступлении его в должность. Обычно мир находил отчет правильным, и присутствующие на сходе домохозяева скрепляли приговор о снятии с сироты опеки своими подписями.

Следует отметить, что крестьянские обычаи в области призрения «сырых и убогих» четко придерживались традиции. Обычно опека над детьми в деревне устанавливалась в случаях смерти одного или обоих родителей, а также в случае их умопомешательства или безвестного отсутствия. Опекун назначался сельским сходом, который и контролировал затем выполнение им порученных обязанностей¹⁹⁹. Иногда контроль над действием опекуна возлагался на старост и старшин. Опекун должен был периодически отчитываться перед сходом об исполнении своих обязанностей,

¹⁹⁹ *Заколотная В.М.* Организация и функционирование крестьянской опеки над сиротами в России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2010. № 4.

но на практике сельский мир не всегда уделял должное внимание защите интересов сирот.

Обычно на руки опекуну выдавали особую книжку, в которую он записывал приход и расход по имуществу опекаемого. Один или два раза в год опекун представлял письменный, а если неграмотный, то устный отчет сельскому сходу. Сельский староста с участием волостного писаря проводил ревизию имущества согласно описи. В случае обнаруженной растраты опекун должен был возместить ущерб из собственного имущества, что осуществлялось в большинстве случаев в форме судебного иска. Помимо всего этого, опекун, ненадлежащим образом исполняющий свои обязанности, приговором сельского схода устранился и заменялся другим.

Если родственники не были в состоянии содержать сирот, то их раздавали по состоятельным дворам. Иногда прокормление сироты брало на себя общество в целом, но в этом случае сиротский надел отходил к общине. Нередко бедные сироты кормились по дворам поочередно, а по достижении 12 лет общество отдавало деревенских сирот «в люди»: мальчиков в пастухи, девочек в «пестуньи», где они уже на себя сами зарабатывали на хлеб.

Внимание к положению сельских сирот усилилось с введения института земских начальников, так как в их обязанности входил контроль над системой крестьянской опеки. В воспоминаниях земского начальника А. Новикова указывалось, что жизнь сирот в крестьянском обществе была очень сложной. В школу девочек не отпускали, так как в 10 лет надо было уже «из хлеба» идти в няньки, а мальчики «отдавались в подпаски или в работники, а то и посылались на побор. Да и в чем им ходить в школу? Ни шубенки, ни обуви нет: сирота растет нередко без возможности в праздник сходить в церковь...»²⁰⁰.

²⁰⁰ Новиков А. Записки земского начальника. Спб., 1899. С. 56.

Изучение опекунской практики крестьянства Тамбовской губернии позволяет утверждать об удовлетворительном состоянии опекунского дела в данном регионе. Материальное положение опекаемых сирот соответствовало общему уровню благосостояния членов указанного сословия. Имеются основания предполагать, что опека в крестьянском быту носила материальный характер, но устанавливалась на практике не над зажиточными сиротами, а над малолетними, имевшими какое-либо имущество.

Большая часть отмечавшихся современниками недостатков в состоянии опекунского дела в крестьянском быту носили объективный характер и объяснялись особенностями преимущественно экономической составляющей быта сословия, препятствующими реализации на практике всех требований, предъявлявшихся властью и общественностью к должностным лицам и органам крестьянского самоуправления в отношении организации опеки над малолетними.

В годы советской власти продолжалась преемственность по опеке над несовершеннолетними. Так, в 1906 году в сиротском суде было открыто дело мещанки В.И. Рынас, родной бабки, по опеке над несовершеннолетними крестьянскими детьми Барановыми Михаилом и Иваном.

В 1920 году ее подопечные достигли совершеннолетнего возраста, и на основании статьи 222 опекунского права опека над ними прекращена. Опекунская секция Губтрудсобеза предлагает имущество передать в непосредственное управление и распоряжение их и предоставить отчет по управлению имуществом за 1917, 1918, 1919 гг.²⁰¹.

²⁰¹ ГАТО. Ф. Р-1566. Оп. 1. Д. 73а. Л. 53.

1.5. Ясли-приюты в Тамбовской губернии в начале XX века

Модернизация повседневной жизни и семейных практик в Тамбовской губернии, стремление женщин обрести равноправие в профессиональной сфере, социальные катаклизмы военных лет (Русско-японской войны 1904–1905 гг. и Первой мировой войны 1914–1918 гг.), революционные потрясения 1905–1907 гг. и 1917 года вызывали насущную необходимость ухода и воспитания детей-сирот, а также присмотра за маленькими детьми.

Наиболее полное и кропотливое исследование данной проблемы сквозь призму медико-социальных процессов в регионе было проведено С.Ю. Истоминой²⁰², которая справедливо заметила, что рост количества незаконнорожденных детей в регионе зависел от многих условий: материального положения, уровня грамотности, ситуации в семье и социального окружения. Во многих случаях отмечалось нежелание матерей брать на себя заботу о лишнем ребенке, особенно незаконнорожденном. По этой причине при больницах и родильных отделениях открывались приюты для детей.

Такое детское отделение было открыто при Моршанской уездной земской больнице, где, помимо лечения, велось призрение детей-подкидышей, а также распределение их по семьям, желающим взять ребенка на воспитание. По такой же схеме работали в Тамбовской губернии и другие открытые при уездных и губернской больницах детские или родильные отделения. Работа детского отделения Моршанской больницы была достаточно стабильной и

²⁰² Истомина С.Ю. Земское здравоохранение в Тамбовской губернии (1864–1918): дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2003.

планомерно организованной²⁰³. По материалам годовых отчетов за 1896–1904 гг. выяснилось, что за 9-летний период работы детского отделения в больнице находилось 1029 детей, из них 184 умерло. Таким образом, средний процент смертности составил 17,88 %²⁰⁴.

Однако смертность в данном случае не следует рассматривать как доказательство нежизнеспособности данного учреждения или некачественного ухода. Большая часть умерших детей приходится на новорожденных, оставленных матерями в приюте, а поскольку именно в 1904 году зафиксировано наивысшее за эти годы число оставленных младенцев, естественно, за их счет увеличилась и общая смертность. Постепенное увеличение числа младенцев, оставляемых в приюте, говорит не об увеличении числа женщин, отказывающихся от детей, так как этот показатель не охватывает и не может охватить всех детей, оставленных без попечения. Речь идет только о том, что женщины из года в год все больше осознавали преимущества ухода за новорожденными в детских отделениях больниц и оставляли своих детей там, рассчитывая, что за ними будет определен уход и лечение, а также, в дальнейшем, возможность усыновления их в другие семьи. Сам факт сохранения большого количества брошенных детей не может никоим образом считаться за положительные достижения медицины, но возможности, предоставляемые приютами и детскими отделениями, позволили несколько снизить детскую и младенческую смертность, поскольку новорожденные оставлялись матерями сразу в больнице, а не подбирались на улицах и т. п.

²⁰³ *Истомина С.Ю.* Земское здравоохранение в Тамбовской губернии (1864–1918): дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2003. С. 129.

²⁰⁴ Краткий обзор медико-лечебной санитарной организации в Тамбовском уезде за 1866–1926 гг. Тамбов, 1926. С. 27-53.

В Тамбовской губернии ясельное дело стало развиваться уже в начале XX века, после того, как в 1900 году на губернском совещании врачей доктором Ментовым был прочитан доклад о «яслях-приютах» в селах и деревнях в рабочую пору. В этом докладе указывалось, какую пользу имели такие ясли-приюты, существовавшие уже во многих губерниях, какой результат они принесли в гигиеническом, профилактическом и воспитательно-образовательном отношении, а также в смысле предотвращения пожаров в летнее время. Собранием врачей было постановлено ходатайствовать перед губернским земским собранием об ассигновании средств на устройство яслей-приютов на лето в деревнях и селах Тамбовской губернии.

Ясли-приюты в с. Дегтянке Козловского уезда были открыты с 26 июня по 17 июля 1901 года и помещались в наемном помещении. За указанный срок ясли посетило: грудных – 2, подростков (от 1,5 года до 8 лет) – 166, в том числе мальчиков – 87, девочек – 79; итого 168 человек.

В яслях-приютах в с. Вишневом помещением служила местная сельская школа, где было достаточно места для размещения в ней до 40 подростков и до 10 грудных детей. Для грудных детей были изготовлены плетеные корзинки, сделаны подушечки, простыни и бельё, по две смены; на подростков сшиты рубашки, построен в саду школы навес и под ним плита с котлом для горячей воды; приобретены стерилизационные аппараты для молока, соски и пузырьки к ним, и заготовлен небольшой запас медикаментов, необходимых для первого пособия как грудным, так и подросткам в случае их болезни²⁰⁵.

В первый день явилось 68 человек, но его нельзя брать в расчет: местное население смотрело на ясли-приюты как на «даровую столовую» и, отобедав, все приведенные и

²⁰⁵ Санитарный обзор Тамбовской губернии: март–ноябрь 1903. Тамбов, 1903. С. 387-388.

пришедшие подростки тотчас же разбрелись, сказав, что к вечеру придут опять «ужинать». В последующие дни, однако, обозначился тот контингент, который действительно нуждался в таких яслях-приютах – это сироты и наполовину сироты. Этот контингент, в возрасте от 1,5 до 8 лет, сохранился на все время деятельности яслей, вплоть до закрытия их, с 30 июня по 6 августа. Грудных детей было немного, и объяснялось это тем, что собственно настоящей рабочей поры было немного. Кроме того, матери неохотно отдавали грудных детей, но охотно освобождались от подростков, особенно неродных. В течение дня дети занимались на площадке перед школой и в саду школы играли в мяч, лошадки, лапту, занимались простейшими гимнастическими упражнениями, купались в реке, слушали рассказы, басни и сказки²⁰⁶.

В 1902 году в Козловском уезде были открыты еще двое яслей-приютов: в с. Богородицком Ново-Дегтянской волости и в с. Старая Дегтянка, оба на средства земства; в с. Вишневом имелись детские ясли на частные средства. Опыт яслей в Козловском уезде управа признала вполне удавшимся. В селах, где были ясли, пожаров не наблюдалось, никто из посещавших ясли детей не умер. Состояние здоровья детей было вполне благополучное и хорошее. Управа, со своей стороны, нашла, что Козловскому земству следует продолжить и расширить свой опыт с детскими летними яслями.

В 1903 году подобные ясли-приюты было решено открыть в с. Куймани Лебедянского уезда, где их организация была делом совершенно новым. Ясли-приюты в Тамбовской губернии так и остались делом филантропическим, с незначительным участием земских средств и практически без помощи самого населения. Крестьяне охотно помогали

²⁰⁶ Санитарный обзор Тамбовской губернии: март–ноябрь 1903. Тамбов, 1903. С. 394.

яслям продуктами, предметами ухода за детьми, но о том, чтобы организовать ясли на счет крестьянских обществ, не велось обсуждение на крестьянских сходах, и документов подобного рода не отмечено в материалах уездных управ. Так, на губернском земском собрании 9 декабря 1906 года губернская управа просила ассигновать по 250 рублей на каждый уезд, а всего на ясли 3000 рублей, исходя из расчета предыдущих лет; собрание ответило согласием, при этом не было высказано пожелание в будущем привлекать средства крестьянских обществ²⁰⁷. В дальнейшем ясли-приюты так и остались делом благотворительным, без попыток привлекать местную крестьянскую самодеятельность и финансирование.

По сравнению с соседними губерниями, в Тамбовском земстве к открытию ясельного дела обратились гораздо позднее, и развивалось оно менее интенсивно. К примеру, к 1904 году в Воронежской губернии количество яслей достигло 42, Саратовской – 30 (хотя там приступили к открытию яслей на год позже, чем в Тамбовской), Рязанской – 26, тогда как в Тамбовской губернии их число не превышало 20²⁰⁸.

Примечательно, что еще в 1891 году тамбовские врачи на заседании заявили о важности и пользе открытия яслей для детей, чьи матери могли получить возможность работать и обеспечивать им пропитание. На собрании выступил с докладом доктор Ф.В. Сперанский, который рассказал об опыте организации яслей в департаменте Сены (Париж, Франция), а также в Харьковской и Московской губернии. Он высказал пожелание, чтобы земство и другие общественные учреждения взялись за это дело. На собрании развернулась дискуссия о том, как важно разъяснить общест-

²⁰⁷ *Истомина С.Ю.* Развитие земской родовспомогательной службы. Тамбов, 2002. С. 202.

²⁰⁸ Там же. С. 200.

венным учреждениям необходимость открытия яслей, в частности тамбовскому земству²⁰⁹. В данном случае, это очень хороший пример того, как общественная организация медицинской направленности понимала важность оказания воздействия на земские органы с целью решения проблемы призрения детей в яслях. По сути, это было проявление инициативы гражданского общества и обращения к властным структурам для решения актуальной проблемы социального призрения детей в Тамбовской губернии.

Таким образом, фактически к началу XX века сложился и достаточно успешно реализовывался опыт призрения детей в детских яслях-приютах.

В уездных городах Тамбовской губернии в конце XIX – начале XX века также возникали детские дома трудолюбия, получавшие название Ольгинских. Первый такой Ольгинский приют был основан в Царскосельском уезде в ознаменование рождения Великой княжны Ольги Николаевны в 1895 году. Положение о приютах было утверждено 31 января 1896 года. Основными задачами Ольгинских приютов являлось призрение и воспитание остающихся без присмотра и пристанища детей обоюго пола с целью подготовки их к самостоятельной трудовой жизни. При каждом из приютов создавалось «Попечительное общество об Ольгинском детском приюте трудолюбия».

Первый Ольгинский приют для мальчиков в г. Козлов Тамбовской губернии был основан в 1899 году. В г. Шацк в 1901 году также было ассигновано 5000 руб. на проектирование и постройку здания для Ольгинского приюта. Он был рассчитан на 20 мальчиков, которые должны обучаться различным ремеслам, а также огородничеству, садоводству на небольшом участке земли. Были открыты такие же приюты в уездных городах Липецк и Моршанск.

²⁰⁹ Тамбовское медицинское общество. Протоколы Тамбовского медицинского общества. № 1-3, 4-5, 6-9, 10-12. Тамбов, 1891. С. 42.

Появление детских яслей в губернском городе Тамбов было не случайным. Особые обстоятельства, к которым можно отнести военную повседневность 1904–1905 гг., способствовали проявлению отдельных частных инициатив городской медицинской интеллигенции. Мобилизация 1904 года в Тамбовской губернии выявила острую необходимость яслей для детей женщин-работниц, которые после призыва мужей в армию стали единственными кормилицами своих семей. По инициативе старшего врача губернской земской больницы И.Э. Гаген-Торна и В.А. Гаген-Торн 18 ноября 1904 года состоялось первое учредительное собрание попечительного общества о яслях. Был принят устав, начался сбор пожертвований, и уже 30 января 1905 года были открыты первые ясли в Тамбове при рабочем доме. Они обслуживали преимущественно район первой части г. Тамбова (Пушкарский). Вторые ясли в Тамбове были открыты 27 апреля 1905 года на Первой Долгой улице в доме Ломберга. Они обслуживали в основном 3-ю часть Тамбова, где жили наименее обеспеченные женщины: прачки, поденщицы, портнихи и пр.²¹⁰ Так частная инициатива помогала немного смягчать тяжелое положение и поддерживать солдатские семьи и детей-сирот. Постепенно основными обитателями убежища «Ясли» становились круглые сироты, которые с двухлетнего возраста жили в них на постоянной основе и на полном содержании.

Заметим, что В.А. Гаген-Торн была направлена в Санкт-Петербург для знакомства с устроенными в столице яслями. После ее возвращения был организован сбор пожертвований вещами и деньгами у частных лиц и возбуждено ходатайство перед учреждениями о субсидиях возникающему обществу. По ходатайству Попечительского совета 23 февраля 1905 года ясли были приняты в Комитет трудовой помощи, находившийся под покровительством

²¹⁰ Тамбовский голос. 1905. 24 июня.

императрицы Александры Федоровны²¹¹. Почетной попечительницей устраиваемых обществом яслей была избрана супруга тамбовского губернатора Мария Александровна фон-дер-Лауниц. Подобное привлечение «первых дам» губернии не вызывало никаких нареканий, так как это было не только устоявшейся традицией, но и позволяло усилить сбор пожертвований на нужды благотворительности и поддержки детей-сирот.

Как видно из специально заведенных карточек-дневников, куда регистрировались все посещающие ясли дети с подробными о каждом из них сведениями, родители приносимых в ясли детей были по преимуществу люди, занимавшиеся поденной работой. Возраст детей, посещавших ясли, колебался между 9 месяцами и 1 годом. Из детей школьного возраста в 1905 году в яслях призревались 13 человек: из них девочка и мальчик 11 лет – глухонемые, мальчик 14 лет – слабоумный и три мальчика – 8, 11 и 12 лет – нищие, взятые с улицы. Понятно, что при отсутствии в Тамбове и губернии специального приюта для глухонемых это была единственная возможность помочь таким детям²¹².

В яслях дети переодевались в чистое белье и одежду, которые закупались на пожертвованные средства. Кормили детей два раза в день, на обед и ужин давали мясное блюдо и кашу с молоком. Члены правления общества М.С. Прокофьева и И.Э. Гаген-Торн оказывали детям медицинскую помощь и в случае необходимости отправляли детей в губернскую земскую больницу. Многие горожане, хозяева магазинов, местные предприниматели охотно жертвовали для детей продукты, вещи и деньги²¹³.

²¹¹ Отчет о деятельности Тамбовского попечительного общества о яслях 1905 г. Тамбов, 1906. С. 2.

²¹² Там же. С. 6.

²¹³ Там же. С. 16.

В 1908 году приют переименовался в Ольгинское трудовое убежище, которое предназначалось как ясли для беспризорных детей и содержалось за счет известной меценатки Ю.Д. Бибиковой. 24 ребенка находились в убежище постоянно, а еще 22 приходили на дневное пребывание²¹⁴.

В отчете о деятельности Тамбовского попечительного общества о яслях за 1907 год отмечалось, что «Придерживаясь принципа, положенного обществом в основе возникновения попечительства о яслях, то есть оказания помощи бедному люду г. Тамбов и его окрестностей, заключающееся во временном приюте сирых и убогих малышей, массаи шатающихся по городу раздетых и голодных, брошенных на произвол судьбы детей пьяниц родителей или бедных поденщиц, снискивающих себе пропитание работами по людям»²¹⁵. Попечители указывали, что «созданное общими силами столь симпатичное дело помощи бедным малышам, брошенным судьбой в жизненный омут нищеты». Летом ясли посещали до 80 детей, а зимой 50.

В ясли ходили много очень бедных и много семейных вдов, нередко покинутых мужьями-пьяницами. Большинство детей приходили сами или в сопровождении старших братьев или сестер. В яслях жили и 4 круглые сироты, а троих детей усыновили местные жители²¹⁶.

В 1909 году в убежище находилось 26 человек, 14 мальчиков и 12 девочек: 12 из Тамбовского уезда, по 2 из Кирсановского, Темниковского, 3 из Козловского уезда и пр. Возраст детей был от 1 до 11 лет. Иногда детей в ясли приводилось до 106 человек, но в зимние месяцы принимали только около 60, а в летние до 90 детей. Большинство де-

²¹⁴ Дорожкина О.А. Сиротство в России: историко-педагогический анализ: учебно-методическое пособие. Тамбов, 2000. С. 31.

²¹⁵ Отчет о деятельности Тамбовского попечительного общества о яслях. За 1907 г. Тамбов, 1908. С. 3.

²¹⁶ Там же. С. 9.

тей было в возрасте от 6 до 9 лет. Всего было в 1907 году 16421 посещение. Все дети были одеты в одинаковое белье и одежду, закупленные на деньги попечительства²¹⁷.

В соответствии с законодательством было сформировано Тамбовское попечительное общество об Ольгинском детском трудовом убежище и Александровских яслях. Попечительницей этих учреждений для призрения детей оставалась супруга тамбовского губернатора М.В. Муратова. Члены общества стали собирать средства на постройку собственного здания для трудового убежища, получили поддержку земских деятелей, а также некоторых тамбовских меценатов: граф Строганов выделил 300 руб., М.В. Асеев – 600, а позже неоднократно высылал Попечительству по 300 руб.²¹⁸ Субсидировали строительство и тамбовское губернское земство, выделившее 3000 руб., Тамбовская городская управа – 10000 руб., уездные земства²¹⁹. Вскоре здание убежища стоимостью 64000 руб. было построено.

Важно заметить, что успешный опыт яслей в Тамбове транслировался и в уездах Тамбовской губернии. В частности, летом 1907 года по инициативе уездного санитарного совета в Лебедянском уезде продолжили работу приюты-ясли, которые функционировали и в 1906 году в 4 пунктах: с. Б-Избицах, Екатериновке, Сланском и Попове. Тамбовское губернское земство ассигновало для них 250 руб. Население сел, где работали ясли, осталось ими очень довольны, так как матери спокойно шли на полевые работы, будучи уверенными, что за детьми будет хороший уход²²⁰.

²¹⁷ Отчет о деятельности Тамбовского попечительного общества о яслях. За 1907 г. Тамбов, 1908. С. 7.

²¹⁸ ГАТО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 143. Л. 5.

²¹⁹ Там же. Л. 9.

²²⁰ Журналы очередного Лебедянского уездного земского собрания сессии 1907 г. С. 139.



г. Тамбов. Носовская улица
(из личного архива М. Климковой)

В 1914 году в газете «Тамбовские отклики» был опубликован специальный сюжет о яслях: «Ясли в Тамбове были открыты 18 ноября 1904 года. Так что текущий год является годом десятилетнего существования их и, следовательно, юбилейным годом. Свою определенную физиономию ясли утратили еще в 1907 году, превратившись в особого вида трудовое убежище. При яслях был открыт небольшой интернат, существующий и по сей час, для призрения брошенных бесприютных детей. Но наряду с открытием интерната, в яслях принимались и принимаются и проходящие дети. Интернат этот не служит постоянным, до совершеннолетия воспитанника или воспитанницы, приютом, а является лишь временным пристанищем. При первой же возможности дети-интернаты размещаются по разным местным благотворительно-воспитательным учреждениям, или же, — когда удастся выхлопотать для детей-подкидышей сословный вид, — «в дети» к частным лицам. Так, за семь лет существования интерната в нем перебывало 37 детей. Все они уже размещены таким образом: 15 де-

вочек – в Дом трудолюбия, 8 усыновлены частными лицами, 6 помещены в Носовский приют, 4 – в Мариинский, один отдан на обучение портному и один – в типографию. Оба последних мальчика одежду и содержание получают от яслей. Кроме того, двух из тех же 37-ми удалось пристроить в ясли при с. Рассказово, одного – в земский сиротский дом (мальчик этот учится в 4-м классе гимназии) и одного – в Нарышкинское общежитие (мальчик учится во 2-м классе гимназии).

Для обучения грамоте как интернатов, так равно и приходящих детей приглашен преподаватель одного из местных приходских училищ, приглашен также и священник для преподавания Закона Божия. Обучение ведется по программе начальных училищ, и дети достаточно подготовлены, чтобы сдать выпускной экзамен при Толмачевском начальном училище. Дети же, не достигшие еще школьного возраста, – самые маленькие из них, – занимаются изготовлением ручек для ношения покупок, а немного постарше мальчики изготавливают картонки под шляпы, а девочки занимаются починкой белья, вязанием, вышиванием и исполняют некоторые мелкие работы по хозяйству. Для оказания врачебной помощи заболевшим детям приглашен врач Терлецкий, который уже в течение 6-ти лет несет эти обязанности совершенно безвозмездно. Но ежегодное существование этого, безусловно, полезного учреждения находится в полной зависимости от частных пожертвований, так как своих средств и определенных доходов у яслей пока не имеется. Тем не менее, и теперь, при скудости и непостоянстве средств, за год бывает не менее 15-ти, 17-ти тысяч посещений приходящими детьми, получающими здесь и надзор, сытное и здоровое питание, и обучение грамоте. У О[бщест]ва, в ведении которого находятся ясли, имеется собственное недавно выстроенное, прекрасное трехэтажное кирпичное здание под ясли, но само О[бще-

ств]во зданием этим не пользуется, сдавая его в аренду под солдатские казармы. Но все же О[бщест]во намерено в недалеком будущем, собравшись с силами, перевести ясли в свое здание, переименовать их в «трудовое убежище» и соответственно изменить весь их теперешний внутренний склад. Ясли находятся сейчас под покровительством архиепископа Кирилла, помогающего часто и материально, и статс-дамы А.Н. Нарышкиной, которая также оказывала и продолжает оказывать материальную поддержку яслям»²²¹.

В период Первой мировой войны 1914–1918 гг. тамбовское земство выделяло ежегодное пособие на содержание убежища и яслей в размере 600 руб.²²² Но этих денег не хватало, и было принято решение сдать здание Ольгинского приюта под казармы за 5000 руб. годовых, что пополнило доходную часть приюта. Романовский комитет выделил 20000 руб. на покупку и оборудование нового здания, в котором должны были бы содержаться 50 сирот, отцы которых погибли на войне²²³. Однако войска арендовали и это здание. В 1917 году должно было завершиться расквартирование войск в этих зданиях, и они должны были вернуться приюту, но революция 1917 года спутала все планы.

Таким образом, ясли-приюты для детей-сирот показали свою успешность в социальной защите обездоленных и несчастных детей, а их опыт продолжал реализовываться в Тамбовской губернии и при коммунистическом режиме в XX веке. Проблема социальной защиты материнства и младенчества стала одним из ведущих лозунгов советской

²²¹ Тамбовские отклики. 1914. 4 апреля – опубликовано: Детское движение в Тамбовском крае (1914–1945 гг.): сборник документов / под ред. А.А. Слезина. Тамбов: Грамота, 2017. С. 16-17.

²²² Доклады Тамбовской губернской земской управы Тамбовскому губернскому земскому собранию очередной сессии 1916 г. Тамбов, 1916. С. 3.

²²³ Журналы Тамбовского губернского земского собрания очередной сессии 1915 г. Тамбов, 1915. С. 140.

власти и должна была продемонстрировать успехи в социальном обеспечении нового социального социалистического государства.

I.6. Призрение детей-сирот в период Русско-японской 1904–1905 гг. и Первой мировой войны 1914–1918 гг.

Русско-японская война 1904–1905 гг. обнажила проблему призрения детей-сирот, число которых резко увеличилось в результате дальневосточной бойни. Именно в это время было положено начало нового этапа в развитии системы социального призрения, когда десятки тысяч детей горожан и сельских жителей мгновенно теряли свой семейно-правовой статус, привычный повседневно-бытовой уклад жизни, традиционные образовательные и воспитательные практики, перспективы жизнеустройства и превращались в сирот в результате гибели их отцов в сражениях на Дальнем Востоке. Эта перспектива возможного «военного сиротства» с первых дней войны наиболее остро воспринималась самими призывниками и их женами²²⁴.

Далекая и чужая, непонятная и ненужная населению России война привела к серьезной дестабилизации традиционного уклада повседневной жизни обычных людей, поиску социальной адаптации семей призванных на театр военных действий, а также нестабильности бытовых реалий провинциального социума. Местные власти в тыловых регионах Российской империи отмечали, что все события в

²²⁴ Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в.: монография. Тамбов, 2004. С. 185.

губерниях «...всецело находились под влиянием войны на Дальнем Востоке»²²⁵. Тягостное настроение, вызванное войной и мобилизацией, так характеризовалось в откликах крестьян: «Война вызвала сильное уныние и повергла людей в глубокую печаль... Сколько осталось жен, тех, которые жили за своими мужьями, как за каменной стеной; сколько осталось детей-малюток, которые вместо гостинцев и родительской ласки видят печальный и угрюмый лик матери»²²⁶.

Военное министерство в отчете за 1904–1905 гг. признавало, что «запасные старших возрастов, обремененные по большей части семьями, отправлялись в войска с тяжелым чувством тревоги за судьбу своих жен и детей, чему способствовала и недостаточно определенная постановка у нас вопроса об обеспечении семей запасных, призываемых на службу»²²⁷. Для этих солдат-«бородачей» были характерны стремления на нестроевые назначения в тыл, в лазаретную прислугу, в обозные, на этапы, а также отступление во время боя в тыл. А.Н. Куропаткин отмечал в своих воспоминаниях, что такие «многосемейные солдаты» часто бросали свое оружие и отступали в беспорядке в тыл. На упреки офицеров в трусости такие солдаты отвечали: «Какой таковой я сражатель – у меня за плечами шестеро детей»²²⁸. Вполне понятно, что действительно для запасных старших сроков службы главными были мысли о своей семье, ее беззащитности в случае его гибели или тяжелого ранения.

Современники приводили примеры, когда мобилизация многодетных запасных солдат становилась настоящей тра-

²²⁵ См.: ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5634. Л. 8.

²²⁶ См.: *Сурин М.* Война и деревня. М., 1907. С. 9.

²²⁷ См.: Всеподданнейший отчет о деятельности главных управлений Военного министерства, вызванного войной с Японией в 1904–1905 гг. СПб., 1912. С. 32.

²²⁸ См.: *Куропаткин А.Н.* Русско-японская война 1904–1905: Итоги войны. СПб., 2002. С. 243.

гедией. Жена одного из призванных запасных солдат страдала пороком сердца и, получив повестку о призыве супруга, скончалась от волнения и горя. Муж поглядел на труп, на пятерых осиротевших детей, пошел в сарай и повесился. Другой призванный, вдовец с тремя детьми, плакал и кричал в воинском присутствии: «А с ребятами что мне делать? Научите, покажите!.. Ведь они тут без меня с голоду передохнут!» Потом он замолк, ушел домой, зарубил топором своих детей и вернулся на призывной пункт, заявив: «Ну, теперь берите! Свои дела я справил»²²⁹. Он был арестован, но его трагедия отражала общее настроение мобилизованных солдат, которые уходили на войну с тяжелым сердцем и беспокойством за судьбу своих родных и близких. Для осиротевших солдатских семей, терявших нередко единственного кормильца, мобилизованного на войну, последствия призыва были нередко катастрофическими.

В провинциальном обществе с первых дней войны стала очевидной проблема социальной поддержки детей, осиротевших после гибели их родителей на театре военных действий на Дальнем Востоке. Первыми на нее откликнулись общественные организации и религиозные объединения в тыловых губерниях, которые старались принимать участие в сборе пожертвований на детей нижних чинов русской армии, чьи родители погибли на войне. Заметим, впрочем, что для многих общественных объединений это была возможность заявить о своих верноподданнических чувствах и настроениях. Так, 31 января 1904 года в еврейской синагоге г. Кирсанов был совершен молебен о даровании победы русскому оружию и проведена подписка в пользу вдов и сирот, давшая более 100 руб.²³⁰ Представители региональных сословных и профессиональных объеди-

²²⁹ Вересаев В.В. На японской войне. Записки // Вересаев В.В. Собр. соч.: в 5 т. М., 1961. Т. 3. С. 8.

²³⁰ Тамбовские губернские ведомости. 1904. 6 февраля.

нений желали демонстрировать лояльность престолу и патриотические настроения.

Примечательно, что представители городского самоуправления меньше всего вспоминали о детях-сиротах. Гораздо важнее для них было организовать сбор пожертвованных на военные нужды. В этом смысле вполне типичным выглядит постановление экстренного заседания тамбовской городской думы от 30 января 1904 года: «1) уполномочить городского голову выразить верноподданнические чувства телеграммой; 2) ассигновать на нужды больных и раненых воинов 10000 руб. из остатка от налога с недвижимого имущества; 3) открыть при тамбовской городской управе подписку на пожертвования в пользу Красного Креста деньгами и вещами»²³¹. Ни о каких пожертвованиях на нужды детей-сирот речь и не шла.

Через недели стали приходить от разных губернских и городских учреждений сообщения о проведении собраний и единодушном решении об отчислении 1 % жалованья на нужды Красного Креста. Понятно, что такие решения принимались по «рекомендации» вышестоящего начальства, которое чутко следило за подобными инициативами в столицах. 15 февраля 1904 года в уездном городе Елатье служащие всех без исключения местных учреждений и учебных заведений «выразили желание отчислять по 1 % из жалованья на нужды раненых за время войны»²³².

Даже спустя первый год войны современники грустно констатировали, что общественность Тамбовской губернии не испытывает большого рвения в поддержке сирот погибших нижних чинов. Так, в Тамбовской почтово-телеграфной конторе имелись благотворительные почтовые марки (по 3 копейки) для сбора средств в распоряжение Петербургского Патриотического общества на призрение

²³¹ Тамбовские губернские ведомости. 1904. 31 января.

²³² Там же. 24 февраля.

детей-сирот павших на войне с Японией. Однако за два месяца их продано было только на 20 руб.²³³

Никакой информации о дополнительных пожертвованиях и поддержке сиротских учреждений в Тамбовской губернии в военные годы нет. Напротив, сами дети-сироты демонстрировали вполне патриотические настроения. 8 октября 1904 года в редакцию «Тамбовских губернских ведомостей» поступило 5 руб. 80 коп., собранных на нужды Красного Креста от воспитанниц Тамбовского дома трудолюбия. Так девочки-сироты и полусироты из бедных семей по собственной инициативе и под влиянием газетных известий о тяжести войны решили поддержать Красный Крест²³⁴.

Земское призрение семей погибших на войне солдат и детей-сирот

Основные надежды на финансовую поддержку у семей призывников были на государство и земские учреждения. Однако, по российскому законодательству, правом на призрение от земства пользовались только не имеющие своих средств семейства нижних чинов запаса и ратников ополчения, призванных на действительную службу (пункт 2 Приложения к статье 38 Устава о воинской повинности). Причем земство призревало лишь жену и детей призванного из запаса²³⁵. Пособия выдавались натурой или деньгами, исходя из местных условий. Так, в Тамбовской губернии стоимость пайка составляла 1 руб. 60 коп. в 1904 году и 1 руб. 75 коп. в 1905 году²³⁶.

²³³ Тамбовские губернские ведомости. 1905. 2 марта.

²³⁴ Тамбовские губернские ведомости. 1904. 10 октября.

²³⁵ Щербинин П. Повседневная жизнь семей запасных чинов и их призрение в годы Русско-японской войны // Семья в ракурсе социального знания. Барнаул, 2001. С. 120.

²³⁶ См.: Журнал губернского земского собрания февральской сессии 1906 года. Тамбов, 1906. С. 553.

В пособии в период войны всегда отказывалось гражданским женам призванных запасных нижних чинов. Вот как описывали современники положение этих семей: «...Не получают пособия именно семьи нелегальные, незаконные жены и внебрачные дети запасных нижних чинов, призванных на войну. Чем же виноваты жены, что их кормилец не женился на них, не узаконив свою связь с ними, не узаконив детей? Да разве в жизни мало таких положений, когда он невольно не мог этого сделать? ...Ведь многие незаконные жены прожили со своими незаконными мужьями по нескольку лет и прожили их так, как дай Бог прожить законным женам. А теперь их вдруг выбрасывают за борт, оставляют на произвол судьбы, часто с маленькими детьми на руках... О них совершенно забыли. Подобные гражданские семьи оказались в самой критической ситуации, лишь изредка получая помощь от общественных благотворительных организаций»²³⁷. Положение детей солдат в таких случаях было критическим.

Но, пожалуй, самой трагичной была судьба семей солдаток, чьи мужья погибли на войне. Закон о порядке обеспечения вдов нижних чинов, погибших во время минувшей войны, и ближайших родственников этих чинов был высочайше утвержден только 26 апреля 1906 года. Согласно правилам, вдовам нижних чинов всех родов оружия и ратников государственного ополчения, погибших в войну с Японией, выдавалась пенсия в размере 36 рублей в год²³⁸. Этих денег было, конечно, явно недостаточно, чтобы компенсировать, хотя бы частично, потерю кормильца и главы семьи. Подобное пособие было нищенским и не покрывало даже минимальных потребностей осиротевшего семейства.

²³⁷ Женский вестник. 1904. № 26. С. 12.

²³⁸ РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф. 400. Оп. 32. Д. 173. Л. 1.

Также безнадежным было положение солдаток, чьи мужья пропали без вести, и от которых они не имели никаких известий. Они даже не имели возможности просить о пенсии без подтверждающих документов о пропаже без вести их мужа-солдата²³⁹. Вполне типичным было прошение солдатки из Елатомского уезда тамбовскому губернатору: «...Муж мой Иван Иванович Трунин-Осин взят был на военную службу осенью 1900 года, служил в Новоалександровске Люблинской губернии в 11-м пехотном полку, в 4-й роте до 1 февраля 1905 года, когда он был отправлен на Дальний Восток в 14-й Сибирский стрелковый полк, 11-ю роту. С 28 марта 1904 года я совершенно не получала от него никаких известий. Великим постом товарищ моего мужа, Иван Пронин, уведомил своих родных, а через них и меня, что муж мой убит. В недавнее время возвратился из японского плена раненый товарищ моего друга – сосед и родственник, – служивший с моим мужем все время вместе и сообщивший, что муж мой, Иван Иванович Трунин, действительно был убит в Порт-Артуре на Орловом гроте 8 августа. Оставшись одинокою с двумя малыми детьми 2 и 5 лет и притом без документа о смерти мужа, я нахожусь в самом несчастном положении – теперь нет никому и дела, что я с сиротками лишилась своего кормильца²⁴⁰. Документы не сохранили сведений о результате прошения солдатки, но маловероятно, что она добилась пенсии для себя и своих детей.

Очевидно, что местное самоуправление не могло, а нередко и не хотело покрывать возможные расходы осиротевших солдатских семей, рассчитывая, что этим могло бы заняться государство либо какой-либо столичный общественный (по сути своей императорский) комитет.

²³⁹ Вестник общества повседневной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям. 1908. № 1. С. 4.

²⁴⁰ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5831. Л. 78.

Необходима была какая-то централизованная помощь и поддержка детям-сиротам из солдатских семей. Понятно, что формально необходимость оказания поддержки семьям погибших на войне солдат и офицеров провозглашалась еще Манифестом от 1 января 1874 года при введении всеобщей воинской повинности. Так, в уставе о воинской повинности, сохранявшем свою силу и в начале XX века, были зафиксированы правила о призрении воинских чинов и членов их семей. Призрение семейств воинских чинов, убитых или без вести пропавших на войне, или умерших от ран, полученных в сражении, должно было производиться на основании особого о них положения. Однако это положение так и не было составлено, и в России действовали временные правила, на основании которых удовлетворялись семьи погибших в войне с Турцией, во время китайского похода и пр.²⁴¹ Таким образом, к началу XX века в России отсутствовал специальный закон о призрении детей солдат и офицеров, погибших в период службы.

Алексеевский комитет и его роль в социальной защите детей, потерявших отцов на войне

Спасение детей-сирот военного времени и организация их призрения в Российской империи реализовались лишь благодаря долгожданному рождению наследника престола. Во Всемиловейшем манифесте, данном в день святого крещения наследника престола цесаревича и великого князя Алексея, Николай II отмечал: «Приемля близко к сердцу участь осиротевших детей офицерских и нижних чинов, запечатлевших кровью на далекой окраине пламенную преданность их России, Мы священной обязанностью Своей почитаем всемерно озаботиться изысканием способов надлежащего призрения и воспитания этих детей».

²⁴¹ Обзор деятельности Алексеевского Главного комитета за пять лет его существования. Пг., 1910. С. 4-5.

Во исполнение воли монарха 27 августа 1904 года было образовано особое совещание по обеспечению осиротевших детей офицерских и нижних чинов. Совещание подготовило проект «Правил об обеспечении судьбы детей лиц, погибших в войну с Японией», а 16 июня 1905 года Высочайшим указом был учрежден Главный комитет по призрению детей лиц, погибших в войну с Японией, названный в честь наследника престола Алексеевским²⁴².

Деятельность Алексеевского Главного комитета началась под руководством председателя Государственного Совета П.П. Семенова-Тянь-Шанского, имевшего большой опыт в делах благотворительности. Первыми его членами были: кнг. М.М. Голицына, гр. М.А. Сольская, баронесса А.А. Будберг, А.С. Стишинский, А.С. Танеев, баронесса Ю.А. Иксуль фон Гильдебанд, управляющим делами – А.Ф. Трепов. В состав комитета также входили представители от министерств: военного, морского, финансов, народного просвещения, внутренних дел. Заведование делами на местах возлагалось на городские и земские учреждения²⁴³.

Чтобы оценить значение Алексеевского комитета в контексте призрения солдатских детей-сирот, можно отметить, что спустя десять лет комитет призревал более 130 тысяч детей солдат и офицеров. Расходы по выплате пособий были отнесены на счет государственного казначейства.

Впрочем, реализация правил призрения детей-сирот выявила его недостатки, и стали вноситься поправки, которые утверждались императором. Так, детям, не достигшим 10 лет, после назначения пособия Алексеевского комитета прекращалась выплата пенсии из казны. Дети должны бы-

²⁴² Обзор деятельности Алексеевского Главного комитета за десятилетие 1905–1916 гг. Пг., 1915. С. 9.

²⁴³ Керзум А.П. Алексеевский Главный комитет. URL: <http://www.encspb.ru/object/2855738415?lc=ru>

ли получать лишь от 75 до 125 рублей в год, что ставило обездоленные семьи в безвыходное тяжелое экономическое положение. Поэтому по ходатайству комитета 26 декабря 1905 года был издан указ о сохранении выплаты детям до 10 лет и пособия и пенсии от казны²⁴⁴.

С 22 апреля 1906 года было установлено право на пособие детей офицеров, которые лишились трудоспособности в войну с Японией, так как эти раненые офицеры, возвращаясь домой неспособными к труду, требующими ухода и лечения, не могли поддерживать существование детей, а наоборот, являлись лишь бременем для семьи.

С 21 октября 1906 года пособия детям нижних чинов были увеличены на 6 руб. в год, причем Алексеевскому комитету, при назначении этих пособий круглым сиротам, было предоставлено право повышать их на 40 %. Данное дополнение к закону было принято, так как установленные прежде нормы годового пособия для детей солдат в размере 18 руб. в сельской местности и 24 руб. и 36 руб. в городских поселениях не только были недостаточными для их содержания, но и не обеспечивали даже возможности прокормить этих детей, обрекая сирот погибших солдат на недоедание.

Практика выдачи пособий была организована следующим образом. В губерниях организацией выплат ведали губернаторы через губернские по земским и городским делам присутствия, а в уездах выдачу пособий производили земские управы или уездные комитеты Алексеевского комитета.

Детей офицерских чинов, погибших в период Русско-японской войны 1904–1905 гг., в 1905 году призревалося 385 человек, в 1906 – 1126, 1907 – 18111, 1908 – 2096, 1909 – 1937, 1910 – 2007. Очевидно, что дальше число этих при-

²⁴⁴ Обзор деятельности Алексеевского Главного комитета за пять лет его существования. Пг., 1910. С. 8.

зреваемых детей должно уменьшаться, так как многие выбывали по достижении возраста восемнадцати лет²⁴⁵. Призрение детей офицерских чинов выражалось в выдаче пособия до 6 лет – 75 руб., от 6 до 10 лет – 125 руб., после 10 лет – 300 руб. Если дети-сироты поступали в учебные заведения, плата в которых была выше пособия, то они могли получать пособие до 450 руб. в год²⁴⁶. Алексеевский комитет оплачивал и помещение в пансионы-приюты, и в малолетние отделения сиротских институтов детей, не достигших десятилетнего возраста.

Что же касается призрения детей нижних чинов, то деятели Алексеевского комитета считали, что до крестьян известие о возможности получения пособия дойдет не скоро. Было решено не дожидаться ходатайства родителей детей или опекунов, но и самим организовать розыск тех детей, кому было положено пособие. Для этого были отпечатаны и разосланы по воинским и земским начальникам опросные бланки. Губернаторам было поручено провести по губернскому обследованию числа детей-сирот солдат Русско-японской войны 1904–1905 гг. К 1 октября 1906 года работа была закончена, и выяснилось, что в списках зарегистрировано 48623 сироты нижних чинов, погибших, умерших от ран и пропавших без вести. По этим спискам пособия были переведены на места и выданы нуждающимся²⁴⁷.

По достижении сиротой 16 лет выплаты прекращались. В 1905 году пособия получали 17 сирот, в 1906 – 48623, в 1907 – 52506, 1908 – 52964, 1909 – 54036, 1910 – 54617.

Алексеевский комитет активно рекламировал возможности призрения солдатских детей-сирот в приютах. Примечательно, что матери-крестьянки и попечители детей от-

²⁴⁵ Обзор деятельности Алексеевского Главного комитета за пять лет его существования. Пг., 1910. С. 20.

²⁴⁶ Там же. С. 23.

²⁴⁷ Там же. С. 25.

носились отрицательно к помещению в приюты или учебно-воспитательные заведения сирот, предпочитая не выводить таких детей из семьи. Но все же 155 детей – круглых сирот было помещено в приюты бесплатно, а пособия перечислялись в сберегательные кассы на имя этих детей, чтобы по достижении возраста 16 лет эти дети имели средства для начала самостоятельной жизни²⁴⁸.

Детям-сиротам, проживающим в сельской местности, выплачивалось раз в два года школьное пособие в размере 15 руб. для покупки теплой одежды, обуви, учебных принадлежностей.

За пять лет (1904–1909 гг.) Алексеевский комитет принял под покровительство: 104729 детей-сирот, из них: 2482 – ребенка офицеров, 102247 – детей нижних чинов и приравняваемых к ним лиц. Пособия выдавались офицерским детям два раза в год – 1 января и 1 июля, а детям нижних чинов по третям, каждые 1 апреля, 1 августа, 1 декабря. В Тамбовской губернии в 1909 году получали пособия 20 детей офицеров и 4633 ребенка нижних чинов.

Подводя итоги развития системы социальной защиты детей в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. и межвоенный период, необходимо отметить следующие результаты и итоги.

1. Практика призрения детей-сирот в сиротских домах, домах трудолюбия и прочих учреждениях социальной опеки детей существовала сама по себе и мало реагировала на массовое появление «новых сирот» военного времени. Места в социальных учреждениях были уже заняты еще в довоенные годы, бюджеты учреждений утверждены и в этом смысле традиционные формы призрения детей-сирот продолжали работать в прежнем довоенном режиме. По-

²⁴⁸ Обзор деятельности Алексеевского Главного комитета за пять лет его существования. Пг., 1910. С. 37.

нятно, что там не было места для других «внеплановых» детей-сирот из семей мобилизованных на войну солдат.

2. В годы войны складывались особые правовые, межведомственные и сословно-бытовые коллизии в организации призрения детей-сирот военного времени. Земские и городские учреждения надеялись, что забота Алексеевского комитета о детях-сиротах снимет с них дополнительные расходы и обязанности по поддержке осиротевших солдатских детей. Но пособия этого Комитета не покрывали расходов на образование, питание, социальную защиту таких детей. Правительство фактически ограничило скромной подачкой для детей-сирот, рассчитывая, что они будут получать и другую поддержку от родственников, соседей или общественных организаций.

3. В целом, минимальной оказалась и забота о солдатских детях-сиротах и со стороны частных благотворителей и провинциальных общественных организаций. Они не считали, что эти дети требуют специального, особого внимания и нуждаются в дополнительной помощи и заботе.

4. Региональный опыт организации социальной защиты детей-сирот из семей нижних чинов, участников Русско-японской войны 1904–1905 гг. показал, что в Тамбовской губернии смогли достаточно успешно «переварить» социальные неприятности сиротства, так как последствия войны не были тотальными и еще срабатывали традиционные, патриархальные способы помощи нуждающимся (общинные традиции, призрение у родственников, возможности организации самообслуживания детей и подростков и пр.). Примерно по такой же схеме реагировала региональная социальная защита в периоды голодовок, эпидемий и стихийных бедствий.

5. В годы войны продолжали функционировать сословные организации и корпорации, использовался опыт призрения детей погибших на войне дворян, купцов, пред-

ставителей этнических групп (евреев, татар и т. п.). Это тоже позволяло снимать возможное социальное напряжение, и число беспризорных детей было минимальным. В регионе не произошло увеличения детской преступности и использования детей-сирот в качестве нищих и попрошаек.

6. Можно констатировать, что последствия воздействия Русско-японской войны 1904–1905 гг. на систему социальной защиты и уровня социального призрения детей в Тамбовской губернии были незначительными и не вызвали необходимость масштабных финансовых вложений или роста благотворительных инициатив со стороны общества. Трехмиллионная Тамбовщина не сильно ощутила на себе тяготы военной повседневности и смогла достаточно безболезненно «переварить» военное лихолетье. Кризисные и катастрофические последствия принесла война лишь отдельным домохозяйствам и членам погибших запасных солдат.

Господдержка семей призывников в период Первой мировой войны 1914–1918 гг.

В период Первой мировой войны 1914–1918 гг. жены и дети нижних чинов запаса, призванных в армию, впервые в российской истории стали получать государственное, или, как его часто называли, «казенное» продовольственное пособие. Одной из причин государственной поддержки семей призывников стали уроки и опыт Русско-японской войны 1904–1905 гг., когда помощь оказывалась только половине семей участников войны, что вызывало серьезное недовольство как в войсках, так и в тыловых регионах России. Закон от 25 июня 1912 года требовал призывать всех без исключения членов семей солдат, призванных на войну²⁴⁹.

²⁴⁹ Подробнее об особенностях применения этого закона см.: Солдатские пенсии, денежные пособия и разная помощь солдатам и их семьям (из законов «О призрении нижних воинских чинов и их се-

Для исчисления продовольственного пособия на солдатскую семью в денежный эквивалент по установленным для каждой местности ценам брали следующую норму продуктов на одного взрослого человека в месяц: муки – 1 пуд 28 фунтов, крупы – 10 фунтов, соли – 4 фунта, постного масла – 1 фунт. На ребенка моложе 5 лет полагалась половина пайка²⁵⁰.

По закону от 25 июня 1912 года в тех губерниях, где объявлялась мобилизация, одновременно с ней должны были создаваться особые городские и волостные попечительства. На них возлагались обследования нужд семей призванных из запаса на военную службу, составление подробных списков и организация выдачи пособий. Кредиты для этой цели ассигновались государственным казначейством. Всего за время войны семьям запасных было выплачено в качестве пособий 5715 млн. руб. Только в 1914 году на выплату пособий была затрачена почти седьмая часть бюджета России²⁵¹. Практиковались также выплаты единовременных денежных пособий особо нуждающимся солдатским семьям в соответствии с поданными ими прошениями.

Однако в самом тексте закона имелись нечеткие формулировки, которые при его применении давали поводы для злоупотреблений и произвола. Так, субъектами призрения объявлялись лишь члены малой семьи солдата (жена и законные дети)²⁵². Однако семьи призванных на войну солдат могли включать и сирот-племянников, пасынков и падчериц, которые часто также содержались их трудом.

мейств»). Киев, 1915; *Дашкевич Л.* К организации деревни. Выдача в деревне продовольственного пайка семьям воинов // Русская мысль. 1915. № 10; *Авербах О.И.* Законодательные акты, вызванные войной 1914 года. Вильнюс, 1915 и др.

²⁵⁰ *Авербах О.И.* Указ соч. С. 115.

²⁵¹ Там же. С. 80.

²⁵² *Дашкевич Л.* Указ соч. С. 83.

Такие родственники солдата оказывались за бортом государственной поддержки и вынуждены были обращаться с прошениями в земство, различные благотворительные организации и комитеты. Формально заботиться о них должно было городское или крестьянское общество. Последние все же считали для себя слишком обременительным помогать членам большой семьи, и тогда положение оставшихся без всякой поддержки родственников и близких солдата становилось плачевным.

Нередко проблема с выдачей пособия затягивалась из-за уточнения формулировки «содержание трудом призванного». Уездные и городские попечительства, которые должны были определять нуждаемость в пособиях семей призванных на войну солдат, то слишком широко толковали положения закона, то назначали его тем, кто не нуждался в помощи. Некоторые солдатки, особенно если они имели много детей, стали получать по 30–45 руб. в месяц, то есть сумму, которую сам призванный никогда не зарабатывал. По замечанию современников, в таких семьях бабы отнюдь не горевали об уходе на войну своих мужей²⁵³.

С другой стороны, в годы войны отмечались и случаи мошенничества, когда солдатские жены получали паек за умерших детей или на тех, кому уже исполнилось 17 лет²⁵⁴. В этом также проявлялась особенность менталитета россиянок, стремившихся воспользоваться ситуацией для получения дополнительных средств. Однако можно попытаться понять причины этого обмана, на который шли солдатки, теми экономическими неурядицами и низким уровнем потребления, который складывался в их семьях после

²⁵³ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника / вступ. статья Н.П. Соколова и А.Д. Степанского, публ. и коммент. Н.П. Соколова. М., 2000. С. 645.

²⁵⁴ Тамбовский земский вестник. 1916. 18 ноября.

призыва мужа на службу. Часто пособие, получаемое солдаткой и ее детьми, являлось единственным источником для существования.

Одной из самых болезненных проблем при обеспечении социальной защиты семей призванных на войну солдат являлось применение санкций за сдачу солдат в плен. Так, лишались права на получение продовольственного пособия и семьи запасных нижних чинов, бежавших со службы или добровольно сдавшихся в плен²⁵⁵. Среди солдат и в тылу распространялись брошюры «Что ожидает добровольно сдавшегося в плен солдата и его семью», в которых указывалось: «Напрасно думают русские, что, сдавшись в плен, они спасут свою жизнь... Если некоторые из пленных и останутся живы, то после разгрома немецкой армии и заключения мира над всеми добровольно сдавшимися в плен по возвращении в Россию будет исполнен приговор военно-полевого суда. Семьи же воинов, добровольно сдавшихся в плен, по закону, высочайше утвержденному 15 апреля 1915 года, лишаются всякого пособия... Именные списки добровольно сдавшихся в плен немедленно передаются губернаторам для обнаружения и лишения пособия. Лишившиеся пособия голодающие семьи, несомненно, будут проклинать своего прежнего кормильца, который гнусною изменой царю и Родине лишил их не только казенного пайка, но и доброго имени и уважения честных людей. Добровольно сдавшихся в плен как изменников Родины по приговорам сельских обществ, станиц изгоняют из членов обществ»²⁵⁶. Заметим, что семьи таких солдат обрекались на нищету и бесправие, а на их страдания власти не обращали никакого внимания. Не случайно после свержения самодержавия и образования союзов солдаток в 1917 году женщинами по-

²⁵⁵ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 9326. Л. 4.

²⁵⁶ *Стрелков А.* Первая мировая // *Городские известия.* 2004. 20 апреля.

всеместно стали выдвигаться требования о выдаче пособий и семьям дезертиров и солдат, сдавшихся в плен. Так, 11 сентября 1917 года союз солдаток Елатомского уезда постановил: «Выдача пайка должна производиться также и семьям дезертиров и добровольно сдавшихся в плен, так как эти семьи не должны отвечать за поступки своих глав и не могут быть обрекаемы на голодную смерть»²⁵⁷.

Земство и призрение детей-сирот в 1914–1917 гг.

Большое значение для поддержки семей призванных на войну имели и выплаты пособий и финансовой помощи, оказываемые земским и городским самоуправлением, духовенством, различными центральными и региональными благотворительными организациями. Они не были привязаны в своей деятельности к закону от 25 июня 1912 года и оказывали помощь тем, кто в ней действительно нуждался или по каким-либо причинам был обойден государственным пособием.

В результате мобилизации запасных нижних чинов и ратников ополчения 49,75 % всех трудоспособных мужчин Тамбовской губернии оказались в действующей армии, 36 % хозяйств остались совершенно без работников²⁵⁸, а главной рабочей силой стали подростки, старики и женщины. Несмотря на получаемое из казны пособие и другие виды административно-организованной помощи, ее размеры были недостаточными для поддержания относительно-нормального уровня жизни большинства оставшихся без кормильцев семей. Донесения земских начальников о том, что многие из них находились в бедственном положении и «названным семьям должна быть немедленно оказана по-

²⁵⁷ Тамбовский земский вестник. 1917. 20 сентября.

²⁵⁸ Гордеев Г.С. Сельское хозяйство в войне и революции. Москва; Ленинград, 1925. С. 61.

мощь в продовольствии» или «в уборке хлеба и обработке полей»²⁵⁹, к сожалению, были не редки.

Стихийно, но с одобрения начальства, проходили сборы пожертвований для помощи осиротевшим солдатским семьям. Уже 21 августа 1914 года Моршанский исправник доложил, что чины полиции собрали на помощь семьям погибших воинов – 100 руб.²⁶⁰ В Козлове 24–25 августа 1914 года был проведен кружечный сбор в пользу семей призванных. Всего было собрано 3043 руб.²⁶¹ Реагировали и члены профессионально-общественных объединений в регионе. Тамбовские приказчики обратились с воззванием к своим товарищам по оказанию помощи семьям призванных: «Тяжелые времена переживает Россия. В числе других и многим приказчикам пришлось покинуть свои семьи и идти сражаться за свою Родину. Приказчик содержит свою семью только своим трудом. Прекратился его заработок, и семья его осталась без всяких средств к существованию.

Наша святая обязанность прийти на помощь осиротевшим семьям наших товарищей, ушедших на войну. Правда, много учреждений работает в этом направлении, но нужд еще больше. Существующие организации не могут удовлетворить неисчислимых нужд, порожденных войной. Придите на помощь семьям своих товарищей. Отплатите за проливаемую за нас кровь, попечением их близких. Соединитесь братски в этот грозный час на благое дело. Вносите сами, собирайте денег, сколько можете. Правление при обществе взаимопомощи приказчиков Тамбова»²⁶².

С другой стороны, уже в первые месяцы войны были проявления и не вполне «патриотических» чувств при сборе пожертвований со стороны отдельных власть придер-

²⁵⁹ Борисоглебское эхо. 1914. 12 апреля.

²⁶⁰ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8764. Л. 4, 5.

²⁶¹ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8763. Л. 16, 18а, 21, 26, 31, 36, 41.

²⁶² ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8765. Л. 53, 55.

жащих в регионе. Когда 2 декабря 1914 года в Козловской городской думе рассматривался вопрос о пожертвованиях и в конце заседания появился подписной лист, то «гласные сразу почти все поднялись и стали одеваться»²⁶³. Впрочем, и жители зажиточного купеческого города Козлов в этот период практически перестали вносить пожертвования в городское попечительство о семьях воинов. Продолжали поступать только полудобровольные (по приказу начальства) отчисления с жалованья служащих²⁶⁴.

Более результативными были сборы пожертвований для семей призванных в отдельных селах и поселках. Людям было понятно, куда идут деньги, и это позволяло оказывать помощь непосредственно в ней нуждавшимся. В поселке Чибизовка было собрано по подписке более 1 тысячи рублей. Раздачу средств ежемесячно проводил священник, выдавая от 5 до 12 руб. на семью, в которой были дети-сироты²⁶⁵.

Самой неотложной задачей, с которой столкнулись местные власти при проведении массовых мобилизаций, была помощь детям призванных на военную службу и оставленным, как говорили современники, «без всякого призора». Поскольку никаких отсрочек вдовцам не предусматривалось, то уже после первого массового призыва на местах были выявлены дети, не имевшие никаких родственников. При содействии губернской администрации эти дети помещались в приюты, находившиеся в городах Тамбовской губернии, ясли, в ремесленные и общеобразовательные учебные заведения, освобождались от платы за право учения и снабжались пособиями и одеждой.

На протяжении 1914–1917 гг. помощь детям из семей призванных в армию оказывалась в различных формах.

²⁶³ Козловская мысль. 1914. 17 декабря.

²⁶⁴ Козловская газета. 1914. 14 декабря.

²⁶⁵ Борисоглебское эхо. 1914. 21 декабря.

Она была адресной и находилась в центре пристального внимания местных властей и общественных организаций. Да и в периодической печати активно следили за возможностями помощи «самым нуждающимся» юным жителям региона. На уход за оставшимися в беспризорном положении сиротам-детям призванных выдавалось пособие в размере, утвержденном губернским присутствием: на уход за одним сиротою – 2 руб., двумя – 3 руб., за тремя – 3 руб. 50 к., за четырьмя и более – 4 руб. в месяц²⁶⁶. Конечно, этих средств было явно недостаточно, но прежде невозможно было и представить такую финансовую поддержку от местного самоуправления.

Возникали нередко и новые проблемы организации призрения семей призванных на войну солдат. Иногда к прочим задачам призрения в военные годы добавлялись потребности поддержки пострадавших в результате пожара, болезни, падежа скота и пр. В случае тяжелого заболевания или смерти матери дети призванного на войну солдата оказывались совершенно без всякой поддержки. Сбор сведений о таких семьях был поручен председателям волостных попечительств, которые, как правило, имели точное представление о положении семей призванных.

Впрочем, в некоторых регионах, например, в богатой хлебом Тамбовской губернии, уже с октября 1915 года земства перестали оказывать помощь обойденным казенными пособиями семьям солдат, мотивируя это тем, что выдался хороший урожай, сложились высокие цены на рабочие руки, и все нуждающиеся могут сами себя обеспечить²⁶⁷.

В целом участие Тамбовского земства в деле организации опеки сирот воинов сводилась к изысканию средств на разнообразные формы призрения, куда входили патроны

²⁶⁶ ГАТО. Ф. 152. Оп. 1. Д. 1332. Л. 12-13об.

²⁶⁷ Тамбовский земский вестник. 1915. 15 октября.

для беспризорных сирот, содержание общежитий при народных школах, на открытие стипендий в различных учебных заведениях, на школьный приварок и другие мероприятия²⁶⁸.

Понятно, что собственные усилия земств в провинциальной России не могли переломить ситуацию с организацией социальной защиты детей-сирот и детей призванных на войну запасных нижних чинов. На волне патриотического подъема и очевидного неконтролируемого роста нуждающихся в помощи уже в первые недели войны возник Всероссийский союз городов, который объединил усилия по оказанию помощи семьям призывников²⁶⁹. Все же для центральных властей активизация деятельности земских структур в провинциальной России не представлялась совершенно положительным явлением. Существовала угроза, что «общественники» из земств начнут позже выдвигать политические идеи или лозунги. Важно было перехватить инициативу и возглавить благотворительные потоки, освятив их монархическими именами и символами.

«Императорские комитеты и общества» в провинциальной России

В первые месяцы войны активную деятельность по оказанию помощи семьям солдат в тыловых регионах Российской империи развернули общественные комитеты, создаваемые при городских самоуправлениях и земствах. Направлениями их деятельности в том числе были: 1) поиск бесплатного помещения с отоплением тем семьям, ко-

²⁶⁸ Журнал очередного Тамбовского уездного земского собрания сессии 1914 г. Тамбов, 1915. С. 674-676.

²⁶⁹ Известия главного комитета Всероссийского Земского Союза. Ассигнования губернских и уездных земств на нужды, вызванные войной. М., 1916. С. 12-58.

торые не имели собственного жилища; 2) оказание мирской помощи в хозяйстве, при уборке сена, хлеба, вспашке, молотье, рубке и заготовке дров, в ремонтах изб и хозяйственных построек семьям нижних чинов, находящихся на действительной службе, а также семьям внебрачных, не имеющих права на получение казенного пособия; 3) организация бесплатной медицинской помощи; 4) устройство детских приютов, общежитий, мастерских и т. д.²⁷⁰

Понятно, что эти организации являлись, как правило, филиалами или отделениями общероссийских благотворительных организаций, созданных по инициативе императора и членов императорской семьи и ими опекаемые. Совершенно справедливо мнение Н.Л. Матвеевой, что эти учреждения и ведомства играли роль государственных органов призрения²⁷¹. Они имели центральное управление, получали значительную государственную поддержку, вели успешную профессиональную деятельность в социальной сфере. Но важно учитывать и следующее обстоятельство, что в регионах Российской империи, в частности в Тамбовской губернии, распоряжения из столицы подлежали неукоснительному выполнению и лично контролировались губернатором или его заместителями. С этими «императорскими комитетами» охотно сотрудничали провинциальные общественные и благотворительные организации, им переводили деньги местные меценаты, дворянские сообщества, купеческие корпорации и пр.

Для региональных благотворителей и чиновников это была очень понятная и привлекательная возможность проявить верноподданнические чувства и лояльность престо-

²⁷⁰ Отчет состоящего под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством общества повседневной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям за 1915 г. Пг., 1916. С. 15.

²⁷¹ *Матвеева Н.Л.* Благотворительность и императорская семья в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 19.

лу. В этом смысле инициативы столицы получали в регионах яркую и системную поддержку, что позволяло совершенствовать систему социальной опеки и защиты нуждающихся детей-сирот в военные годы.

Еще одним системообразующим фактором взаимодействия провинциальных отделений и центра была сложившаяся и неуклонно соблюдавшаяся практика открытости и обязательного обнародования планов и результатов социальной работы по призрению отдельных групп населения. Регулярно публиковались специальные статистические сборники, справочники, ежегодные отчеты, которые позволяли демонстрировать реальные достижения этих структур.

Четким признаком европеизации и модернизации гражданских инициатив, инноваций общественного служения, проявлений благотворительных действий был неукоснительно соблюдавшийся принцип оказания помощи всем нуждающимся независимо от национальности, вероисповедания и сословно-классовой идентификации. Нередким было взаимодействие и сотрудничество самых разных этноконфессиональных организаций и обществ. Приветствовалось участие женщин, привлечение молодежи и детей. Более того, детские образы в контексте оказания помощи семьям призывников, детям-сиротам и пр. являлись наиболее востребованными и часто «эксплуатировались» ради демонстрации всеобщего патриотизма и единения самодержавия, общества и населения страны²⁷².

Для центральных властей вполне очевидной была необходимость создания «супер-структуры», объединяющей правительственную, общественную и частную деятельность под эгидой монархического благоволения. 11 августа 1914 года именным высочайшим указом был образован

²⁷² Щербинин П.П. Повседневная жизнь детей и подростков в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. Тамбов, 2016. С. 106.

Верховный совет по призрению семей лиц, призванных на войну под августейшим председательством императрицы Александры Федоровны.

Тамбовское отделение Верховного совета приступило к работе уже в первой половине сентября 1914 года. Председателем стал, как это было всегда в подобных случаях, тамбовский губернатор, действительный статский советник А.А. Салтыков. Во всех уездах губернии немедленно были учреждены уездные комиссии²⁷³. Кроме этого, под председательством губернатора начал работать комитет по сбору пожертвований, было выпущено специальное воззвание к населению Тамбовской губернии с предложениями жертвовать²⁷⁴. Призыв губернатора не мог не встретить «горячего» сочувствия и «воодушевления», и «обильным потоком потекли пожертвования как деньгами, так и вещами».

Затем был образован специальный Комитет для расходования средств. Всего с 1 августа 1914 года по 1 сентября 1916 года было собрано 198033 руб., из которых выдано: на одежду детям призванных – 300 руб.; на помощь семьям призванных – 5000 руб.; на приюты для детей-сирот – 10000 руб. Всего было израсходовано 137092 руб.²⁷⁵

При сборе пожертвований всегда должен был неукоснительно соблюдаться принцип легализации, то есть обязательного одобрения губернатором такого сбора. В первые недели войны нередко возникали споры и коллизии при

²⁷³ Известия Верховного Совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. Спб., 1915. Выпуск 6, май–июнь.

²⁷⁴ Отчет о деятельности состоящего под августейшим Ею Императорского Величества госпожи императрицы Александры Федоровны председательством Верховного Совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов, и подвластных ему учреждений с 11 августа 1914 г. по 1 января 1916 г. Пг.: Государственная типография, 1916. С. 200.

²⁷⁵ Тамбовский край. 1916. 18 сентября.

сборе пожертвований на вполне патриотические цели. После решения Священного Синода об образовании в каждом приходе попечительского совета о семьях лиц, находящихся в войсках, с предоставлением права советам производить сбор пожертвований в приходе, губернатор издал распоряжение начальникам полиции о содействии в этих мероприятиях. Однако одновременно он напомнил Тамбовскому архипастырю, что «по смыслу распоряжения правительства губернаторам должно быть известно и осведомлено обо всех разрешенных в пределах их губерний сборах пожертвований, дабы иметь через агентов наблюдение за тем, чтобы не допускать незаконные сборы. Это обязывает все ведомства и лица, получившие это разрешение, заблаговременно поставлять в известность губернаторов»²⁷⁶. Таким образом, местные власти осуществляли тотальный контроль над всеми проявлениями даже вполне патриотических инициатив в провинции.

Такая организация, как Комитет Великой княгини Елизаветы Федоровны, значительные суммы расходовала на оказание помощи детям призванных на войну солдат. С уходом отцов в армию в деревне осталось немало детей, не имевших матери и превратившихся в сирот. В феврале 1915 года Тамбовское отделение Елизаветинского комитета открыло в местном Мариинском приюте 50 вакансий для сирот воинов. Всего по стране за год было открыто 9 приютов и яслей, где призревало более 1,5 тыс. детей, среди которых были слепые, глухонемые, умственно-отсталые, неизлечимо больные и увечные дети. В 50 губерниях существовали отделения комитета, где были устроены приюты для детей призванных²⁷⁷.

²⁷⁶ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8766. Л. 105.

²⁷⁷ *Матвеева Н.Л.* Благотворительность и императорская семья в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 90.

Если призрение сирот воинов в основном передавалось в ведение общественных благотворительных организаций, в числе которых ведущее место принадлежало Романовскому комитету, то оказание помощи детям нижних чинов сельского состояния, призванных из запаса и ополчения на действительную службу, находилось исключительно в компетенции земств. Но, несмотря на отпускаемые земскими учреждениями средства, были случаи, когда дети-сироты нуждались в дополнительной опеке. В подобных ситуациях свое содействие местным самоуправлениям оказывал уже Романовский комитет.



Согласно положению, комитет предоставлял помощь лишь детям сельского состояния от 2 до 12 лет и не оказывал непосредственной помощи ни семьям нуждающихся, ни их родственникам. Она состояла, главным образом, в предоставлении детям-сиротам пособий из средств государственного казначейства и ассигновании земскими учреждениями сумм на устройство новых и расширение существующих сиротских домов, их отделений и общежитий.

Романовский комитет не выдавал пособий ни самим детям, ни их родственникам непосредственно, а оказывал помощь детским учреждениям. К началу 1915 года по России было открыто 18 приютов и 16 общежитий при начальных училищах. Комитет выделил также средства на расширение 130 приютов, в которых призревало 5,6 тыс. детей, обеспечил почти 8 тыс. детей запасных и ополченцев горячей пищей, теплой одеждой и обувью, установил 225 стипендий для крестьянских сирот и детей запасных, выделил свыше 20 тыс. рублей на призрение 450 сирот²⁷⁸. К 1917 году комитет помогал 45 тыс. детей в 770 приютах.

Приюты делились на разные типы в зависимости от возраста воспитанников, их содержания, трудовой направленности и пр. Существовали мелкие сельские приюты для детей от 2 до 12 лет, дневные ясли, крупные сельскохозяйственные приюты, общежития при ремесленных мастерских, монастырские приюты и пр. Если маленьких детей обучали в основном грамоте и не сложному рукоделию, то подростки овладевали уже различными специальностями и ремеслами.

Таким образом, вполне очевидно, что государственные, общественные и благотворительные организации играли важную роль в организации помощи детям-сиротам, несколько смягчали тяжелое экономическое положение и условия жизни таких детей.

Алексеевский комитет и призрение детей-сирот в годы Первой мировой войны 1914–1917 гг.

Коллизии с применением законов о государственном обеспечении пособием семей призванных довольно успешно разрешал и Алексеевский комитет. Пособия, выдавае-

²⁷⁸ *Матвеева Н.Л.* Благотворительность и императорская семья в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 100.

мые им, по сути, являлись пенсиями из казны²⁷⁹. Это значительно усиливало авторитет и влияние Комитета, свидетельствовало о стабильности выплат и опоре на бюджет, а не только на частные инициативы.

Начавшаяся Первая мировая война 1914–1918 гг. поставила вновь задачу обеспечения детей-сирот, отцы которых пали на полях сражений. Дело в том, что по законам от 23 и 25 июня 1912 года о призрении нижних чинов и членов их семейств не устанавливалось никаких денежных дольностей для детей нижних чинов, кроме пенсий круглым сиротам. Причем сиротам, имеющим право на получение пособия от Алексеевского комитета, назначались либо причитающиеся им пенсии, либо пособия от Комитета, в зависимости от того, какой из этих двух способов призрения окажется более выгодным для каждого из сирот. Как правило, пособия Комитета превышали пенсионные правительственные оклады²⁸⁰.

Если у солдатского сироты оставалась жива мать, то таким семьям, сколько бы детей в этой семье не было, приходилось довольствоваться от казны, в большинстве случаев, вдовой пенсией в размере 48 руб. в год. Между тем по правилам, установленным Алексеевским комитетом, вдова рядового, имеющая трех детей, принятых под покровительство Комитета, получала пособие на их содержание, в зависимости от места жительства ее детей до смерти отца, в размере от 72 до 126 руб. в год, а при четырех детях пособие это достигало 96–168 руб. в год.

Та же ситуация складывалась и относительно семей нижних чинов, лишившихся трудоспособности на войне. Таким образом, пособие от Алексеевского комитета было

²⁷⁹ *Матвеева Н.Л.* Благотворительность и императорская семья в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 97.

²⁸⁰ Обзор деятельности Алексеевского Главного комитета за десятилетие 1905–1916 гг. Пг., 1915. С. 40.

больше и выгоднее для детей-сирот, чем пенсии по закону от 25 июня 1912 года.

В итоге, Комитет единогласно заключил, что на всех детей-сирот начавшейся войны надо распространить правила, установленные для детей лиц, погибших или утрачивших трудоспособность в войну с Японией, и возложить призрение таких детей на Алексеевский комитет²⁸¹. Правила были установлены 2 сентября 1914 года положением Совета Министров по 87 статье Основных государственных законов Российской империи.

Для уточнения офицерских и солдатских детей-сирот в 1914 году были разосланы в губернии 300 тыс. экземпляров опросных бланков. Кроме того, подробные и краткие объявления о призрении детей-сирот были опубликованы в «Правительственном вестнике», «Русском инвалиде», «Армейском вестнике», «Кронштадском вестнике», «Военной летописи» и «Сельском вестнике». Объявления о пособиях были расклеены в лазаретах, больницах и других лечебных заведениях, выдавались на руки нижним чинам, зачитывались в воинских подразделениях. Всего по России было разослано почти 450 тыс. объявлений.

Необходимо заметить, что размер детских пособий не зависел от возраста, и пособия выдавались в одинаковом размере до 16 лет. Ежегодные пособия были установлены в размере 24 руб. в год, и если жили в городах, то 30 руб., а если в городах, где население было свыше 150 тыс. человек, то 42 руб. в год. Так, 30 руб. выплачивали в уездном городе Козлов и Моршанске со слободами²⁸².

Важно учитывать, что пособие выдавалось и внебрачным и приемным детям солдат²⁸³. Это была явная новация

²⁸¹ Обзор деятельности Алексеевского Главного комитета за десятилетие 1905–1916 гг. Пг., 1915. С. 42.

²⁸² Там же. С. 57.

²⁸³ Там же. С. 64.

в организации призрения таких детей, что позволило получать пособия тем детям-сиротам, которые прежде на это не могли рассчитывать.

В 1914 году под покровительством комитета было 83146 детей, в 1915 – 81561 ребенок²⁸⁴. В Тамбовской губернии в 1915 году призревалося 7124 ребенка²⁸⁵. В 1916 году Алексеевским комитетом о детях нижних чинов, призванных на войну, призревалося 343428 детей, из которых 6420 детей были офицерскими, и 337008 – детьми нижних чинов²⁸⁶.

Дамские комитеты и помощь детям-сиротам в годы войны

Женские организации (дамские комитеты, союзы женщин и др.) активно участвовали в оказании помощи детям солдат. Дамские комитеты специально занимались помощью осиротевшим детям, а также открывали ясли, очаги (так называли детские сады) для детей солдаток, чтобы последние могли искать себе работу и средства для существования. Так, в Тамбове в 1915 году действовал дамский кружок по распространению ремесел среди детей солдат, призванных в армию. Для них были организованы сапожная и переплетная мастерские, столярное отделение²⁸⁷. В уездных городах региона также открывались различные учреждения для детей-сирот из солдатских семей. Заметим, что все же наиболее важной и существенной патриотические женские объединения в российской провинции считали работу в госпиталях, сбор пожертвований для раненых и на другие «военные» нужды.

²⁸⁴ Обзор деятельности Алексеевского Главного комитета за десятилетие 1905–1916 гг. Пг., 1915. С. 86.

²⁸⁵ Там же. С. 112.

²⁸⁶ Охрана материнства и младенчества. 1917. № 1 (январь). С. 104.

²⁸⁷ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 9155. Л. 401.

Сословные организации и выделение средств на поддержку детей-сирот

В период войны продолжали достаточно активно проявляться и инициативы сословно-корпоративных организаций. 14 августа 1914 года предводители тамбовского губернского дворянства собрались под председательством предводителя князя Н.Н. Чолокаева. Постановлено присоединиться к общедворянской организации и внести в нее 100000 руб. на нужды войны, а также ассигновать 20000 руб. на помощь семьям лиц из потомственных дворян, а также помощь семьям личных дворян, проживших в Тамбовской губернии не менее 3-х лет и ушедших на войну. Но необходимо учитывать, что для тамбовских дворян было гораздо актуальнее продемонстрировать учет общегосударственных интересов. Так, в пять раз больше средств (10000 руб.) было ассигновано на воздушный флот²⁸⁸.

Активно проявляло себя при сборе пожертвований на нужды солдатских детей-сирот и «Общество повседневной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям». По всей стране открывались филиалы этого общества, а отчеты о сборе средств на нужды детей-сирот публиковались в столичных сборниках²⁸⁹.

В уездах структуры общества возглавляли совершенно разные по своему социально-сословному и профессиональному статусу люди. Председателями обществ являлись в уездных городах Тамбовской губернии: в Борисоглебске – доктор Н.В. Никольский, в Кирсанове – уездный воинский начальник С.Н. Ерманов, в Козлове – член уездного земства П.Г. Кебадзе, в Липецке – генерал-майор Л.А. По-

²⁸⁸ Тамбовские отклики. 1914. 15 августа.

²⁸⁹ Отчет состоящего под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством общества повседневной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям за 1915 г. (10-й год существования). Пб., 1916.

здеев, в Спасске – частный поверенный Н.Н. Старов и Темникове – уездный предводитель дворянства Н.Н. Енгалычев.²⁹⁰ Это свидетельствовало о том, что в организации входили разные «общественники», которые могли представлять свои точки зрения на технологии сбора пожертвований и реальную помощь нуждающимся детям-сиротам.

Так, в Тамбовском уезде в с. Тулиновое общественным комитетом был открыт санаторий для больных детей воинов на 60 человек²⁹¹. Иногда подобные инициативы предлагали и сельские общества. В мае 1915 года общество крестьян села Малые Пупки Козловского уезда ассигновало 500 руб. на учреждение приюта для детей-сирот, чьи отцы погибли на войне²⁹².

Понятно, что аналогичные решения принимались и в других тыловых губерниях Российской империи, но важно учитывать, что все же, как правило, инициативы санкционировались «свыше» (из столицы). Не случайно, 7 июля 1915 года последовал Указ Сенату о необходимости повсеместного учреждения земледельческих приютов для детей и сирот воинов.

Заметим все же, что к началу 1917 года у населения Тамбовской губернии значительно угас патриотический порыв. Причин было несколько: и усталость от войны, и недобрые вести с фронта, и разочарование в деятельности правительственных структур и местного самоуправления по обеспечению фронта и тыла необходимыми вещами и припасами, рост цен на продовольствие и предметы потребления и пр. «Тамбовский земский вестник» констати-

²⁹⁰ Отчет состоящего под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством общества повседневной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям за 1915 г. (10-й год существования). С. 125.

²⁹¹ Там же. С. 396.

²⁹² Тамбовский край. 1915. 30 мая.

ровал 26 января 1917 года: «Плодотворная деятельность многих открывшихся попечительств и кружков постепенно начала угасать, прекратились мало-помалу и пожертвования, и в конце концов многие попечительства и кружки должны были прекратить свое существование, и многие если еще не прекратили, то представляют собою очень жалкий вид и не приносят никакой пользы населению. Народ стал искать развлечений. Суррогаты, карточная игра...»²⁹³.

Спустя три недели в том же издании были опубликованы размышления о поквартирном сборе пожертвований: «...Все чаще раздаются теперь голоса недовольных этими сборами... горожане неохотно принимают сборщиков пожертвований. Все это обывателю надоело, прискучило, обыватель устал от всей той тяжести, которую наложила на него небывалая война. Уже нет того подъема духа, который мы наблюдали в начале войны.

Продовольственные неурядицы, некоторый рост цен решительно на все окончательно убивают обывателя и заставляют его заботиться только о самом себе. Былого общественного настроения, желания жертвовать собой и своими достатками уже нет... Сборы надоели не одним тем, кто жертвует, но, быть может, и еще более тем, кто производит сборы. Едва ли приятным покажется ходить по квартирам, обивать пороги, стучать в двери в то время, когда явно не хотят вас принимать. Но что же делать. Мы живем в исключительное время. Жертвуйте же, граждане Тамбова, в пользу пострадавших от войны»²⁹⁴.

«Козловский земский вестник» приглашал 16 февраля 1917 года жителей города принять участие в церковном сборе «в пользу Романовского комитета на призрение де-

²⁹³ Тамбовский земский вестник. 1917. 28 января.

²⁹⁴ Тамбовский земский вестник. 1917. 26 февраля.

тей воинов, павших на поле брани»²⁹⁵. До революционных потрясений в Тамбовской губернии оставалось только две недели...

Организация размещения и призрения детей беженцев в годы Первой мировой войны 1914–1917 гг.

Прибытие беженцев в Тамбовскую губернию началось приблизительно с середины августа 1915 года²⁹⁶. Основная задача для местных властей состояла в том, чтобы без нарушения интересов местного населения разместить в губернии большую массу «пришлого люда», среди которого большинство не имело средств для самостоятельного существования в новых условиях, а женщины, дети и старики требовали немедленной помощи в предоставлении им крова и пищи.

Для урегулирования движения поездов с беженцами 25 сентября 1915 года в Тамбове состоялись совещания представителей Рязанско-Уральской, Юго-Восточной и Киево-Воронежских железных дорог, а также представителей губернских учреждений Саратовской, Самарской, Тамбовской, Орловской и Воронежской губерний. В результате был установлен ряд маршрутов, по которым беженцы с 5 октября 1915 года следовали в разные губернии на указанные станции назначения целыми поездами, по 1500 человек в каждом, не подвергаясь на промежуточных станциях сортировке и регистрации²⁹⁷.

С северо-западного фронта в Тамбовскую губернию беженцы поступали по нескольким направлениям: со стороны Орла через Елец, на Липецк и Лебедянь, где произво-

²⁹⁵ Козловский земский вестник. 1917. 16 февраля.

²⁹⁶ Тамбовский губернский комитет помощи беженцам. Выпуск II. Материалы Губернского совещания представителей земств и городов бывшего в Тамбове 21 октября 1915. Тамбов, 1915. С. 25.

²⁹⁷ Там же. С. 27.

дилась выгрузка, и на Грязи. С этих станций поезда следовали в трех направлениях: на Козлов и далее на Тамбов и Кирсанов, на Усмань и Борисоглебск. Из Смоленска поезда шли на станцию Богоявленск, откуда направлялись на север губернии, в район Моршанского и других северных уездов, на Козлов и на юг губернии. Северные линии железной дороги пропускали также поезда, идущие от Москвы и Тулы (Московско-Казанская, Сызрано-Вяземская железные дороги). Беженцы прибывали на станции Сасово, Нижнее Мальцево, Торбеево, Кустаревка и другие, где их распределяли по уездам губернии²⁹⁸. Для многих губерний крупное транзитное значение имели узловые станции Тамбов, Козлов, Богоявленск и Грязи. На станциях не раз образовывались заторы из-за одновременного прибытия нескольких поездов²⁹⁹.

Беженское движение нарастало неравномерно, и из-за большого числа прибывающих станции не всегда могли справиться с суточным прибытием беженских поездов. Значительная часть беженцев оставалась на станциях до следующих суток. Так, в Елатьму беженцы присылались партиями не более 1500 человек в каждой, но не ежедневно, а с промежутком в два дня после прибытия очередной партии. Такое же количество беженцев прибывало на станцию Сасово, но с промежутком в один день. На станции Сасово имелись помещения, примерно на 30 человек каждое, где беженцы получали горячую пищу, ночевали и на следующий день отправлялись по назначению. В основном обеды для беженцев готовились из одного горячего блюда

²⁹⁸ Доклад Тамбовского губернского комитета ВЗС губернскому совещанию 9 августа 1915 г. по вопросам организации помощи беженцам. Тамбов, 1915. С. 2, 19-20.

²⁹⁹ Тамбовский губернский комитет помощи беженцам. Выпуск II. Материалы Губернского совещания представителей земств и городов бывшего в Тамбове 21 октября 1915 г. Тамбов, 1915. С. 25-26.

с мясом: суп, щи, борщ. По существовавшим ценам на июль–август 1915 года такой обед стоил 18 к. на человека, детям выдавали молоко и белый хлеб из расчета 7 к. на ребенка. Если на некоторых питательных пунктах, например, Коршуновском питательном пункте Моршанского уезда, специальные помещения, в которых можно было бы кормить беженцев, отсутствовали, местные комитеты раздавали обеды на руки беженцам в своей посуде, отбирая выданную посуду по окончании обеда³⁰⁰.

Были организованы столовые и питательные пункты на узловых и пропускных станциях. При питательных пунктах имелись котлы надлежащей емкости – на пропускных станциях на 1000–2000 порций, кипятильники для воды, достаточное оборудование посудой. В некоторых случаях, когда беженцы размещались по квартирам, пищевое довольствие передавалось им в виде продуктового пайка на определенное время³⁰¹. Губернским комитетом были выработаны нормы довольствия. Для приготовления горячей пищи на одного человека полагалось: мяса 4 фунта, прочих продуктов на 3 к., дров на 1 к. и черного хлеба 2 фунта, чай на одного человека 1/2 золотника, 5 золотников сахара, 1 фунт черного хлеба и дров на 1/2 к., при ценах на мясо 7 р. за пуд, хлеб – 1 р. 30 к. за пуд, чай – 1 р. 80 к. фунт и сахар – 8 р. пуд³⁰².

Наглядно ситуация с прибытием беженцев в Тамбовскую губернию отражена в протоколе заседания Общественного комитета помощи жертвам войны от 29 июня 1915 года: «количество беженцев столь велико», что «даже вопрос помощи семьям запасных отходит на второй план, так как то дело уже налажено, а это требует организации»³⁰³.

³⁰⁰ ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 3. Л. 19, 21.

³⁰¹ Там же. Л. 13.

³⁰² Там же. Л. 20.

³⁰³ Там же. Л. 23.

Ежедневное прибытие в Тамбовскую губернию десятков тысяч голодных, больных и оборванных людей поставило земскую и городскую администрацию в сложные условия. Надо было своевременно организовать разгрузку поездов на узловых и пропускных станциях и, не нарушая дальнейшего следования беженцев, предоставить необходимую помощь нуждающимся. Несмотря на свою новизну и на те вполне естественные трудности, которые возникают при организации любого нового дела, транзит беженцев, прием и распределение их по губернии, благодаря соединенным усилиям земских и городских властей, осуществлялись без каких-либо крупных сбоев, приобретая характер планомерной системы.

По данным на 1 апреля 1916 года, собранным Отделом по устройству беженцев Всероссийского Земского и Городского союзов, Тамбовская губерния занимала первое место по числу осевших беженцев среди большинства губерний России – 127251 человек³⁰⁴.

Как предусматривалось планом губернской организации, во всех уездах Тамбовской губернии образовались уездные комитеты, объединившие представителей земских и городских самоуправлений, которые в некоторых случаях действовали самостоятельно, не имея объединяющего органа. Как уездные, так и городские комитеты в своей работе опирались на специально созданные общественные организации, захватившие в свой круг представителей разных общественных групп и слоев населения. От степени участия этих общественных организаций зависела скорость оказания на местах помощи беженцам, а также экономия средств.

³⁰⁴ Тамбовский губернский комитет помощи беженцам. Журнал представителей земств и городов Тамбовской губернии по вопросам организации помощи беженцам, созванного Тамбовским губернским земским собранием 5 сентября 1916 г. Тамбов, 1916. С. 2.



Общество
Борьбы с Дѣтской
Смертью.

ПОМОГИТЕ
ДѢТЯМЪ—
ЖЕРТВАМЪ
В О Й Н Ы.

9—10 Ноября
1914 года.

МОСКВА.



Благотворительные
открытки. 1914 год.
(из коллекции
Игоря Ерополова)

Наиболее развитой была деятельность подобных учреждений в Тамбове, так как здесь осело наибольшее число беженцев, не менее 10 тыс. человек, и имелась готовая организация – Тамбовский общественный комитет, возникший с самого начала войны, цель которого состояла в оказании помощи «жертвам войны всем без различия национальностей и вероисповедания». Комитет насчитывал в своем составе более 300 человек. Общественным комитетом были открыты и находились в его ведомстве питательные пункты, общежития, приюты для детей различных возрастов и престарелых. Комитет осуществлял регистрацию всех беженцев, обследовал их материальное положение. Необходимо отметить, что это был самый крупный общественный комитет, открытый в регионе в военные годы, который занимался призрением семей беженцев.

При содействии земских организаций в Тамбовском уезде образовалось 105 сельских комитетов, действовавших под общим руководством и контролем уездного комитета. Уполномоченным данных комитетов принадлежала руководящая и контролирующая роль, получение и передача на места денег из уездного комитета, надзор за отчетностью. Таким образом, уже в самый наплыв беженцев в Тамбовскую губернию местные органы власти и, прежде всего, земства при поддержке общественности создали целую сеть учреждений, комитетов и организаций для решения беженского вопроса.

Местные жители в целом поначалу с сочувствием встречали транзитных беженцев, предоставляли им приют в дождливую погоду, жертвовали продукты питания и корм для скота. Житель Моршанска Н.Е. Васильев и его жена предоставили для беженцев свой дом-дачу с отоплением на зиму, молочную корову и корм. Н.В. Попова, имея свою большую семью, взяла на воспитание из барака маль-

чика 6 лет, потерявшего родителей³⁰⁵. Нередкими были и частные инициативы отдельных помещиков, купцов, других жителей Тамбовской губернии. Так, вдова генерала О.Г. Вельяминова перевезла в свое имение в с. Пластины Усманского уезда 64 ребенка-сироты из беженцев Гродненской губернии, уступив свой барский дом из 30 комнат³⁰⁶. Служащими магазина Шоршорова (армянина по национальности) было пожертвовано в пользу детей беженцев-армян 28 руб. 60 коп. Деньги были отосланы в Армянский центральный комитет³⁰⁷.

Подобных случаев отзывчивости и сочувствия к нуждавшимся беженцам со стороны населения Тамбовской губернии было немало. Однако уже в мае 1916 года местные власти указывали на массовое выселение беженцев из квартир при совершенной невозможности найти свободное помещение. Недовольство, вызванное пребыванием беженцев по обывательским квартирам, наблюдалось повсеместно. В селе Пановы кусты Тамбовского уезда с октября 1916 года осело около 700 беженцев. Местный комитет приготовил им квартиры, заготовил продукты и разместил. Но затем хозяева стали просить дать им семьи поменьше «ввиду крайней тесноты», другие – совсем освободить их от квартирантов³⁰⁸. В селе Большая Грибановка Борисоглебского уезда местное население «весьма недоброжелательно относится к беженцам, отказывает им во всем необходимом»³⁰⁹. По сообщениям из Липецкого уезда, «хозяева квартир сплошь и рядом отказывают беженцам в топливе и воде»³¹⁰.

³⁰⁵ Моршанский телеграф. 1915. 12 сентября.

³⁰⁶ Тамбовский край. 1916. 5 июля.

³⁰⁷ Тамбовский край. 1915. 17 апреля.

³⁰⁸ Тамбовский край. 1917. 7 февраля.

³⁰⁹ Борисоглебский вестник. 1917. 4 октября.

³¹⁰ Тамбовский земский вестник. 1917. 5 февраля.

ПОМОГИТЕ ВЪЖЕНЦАМ!
ПОМОЩЬ НЕОТЛОЖНА
ВРЕМЯ НЕ ЖДЕТ!



ЖЕРТВУЙТЕ НА ПРИЗЪНІЕ ВДОВЪ и СЕМЕЙСТВЪ УБИТЫХЪ ВОИНОВЪ.

Комитетъ Братолюбиваго Общества въ текущемъ году построилъ во владѣніи О-ва, въ Грузинахъ, по Соколовскому пер., подъ № 3, изображенныя на этомъ открытомъ письмѣ два дома для вдовъ и семействъ убитыхъ воиновъ.

Средства для постройки были собраны въ прошломъ году, въ суммѣ 50968 руб. 53 коп., черезъ продажу „національнаго флага“, кромѣ того получены на тотъ же предметъ отдѣльные пожертвованія и ассигновано Обществомъ 20.000 рублей.

Дома оборудованы по самымъ новѣйшимъ правиламъ строительной техники, имѣютъ 78 комнатъ и на возведеніе ихъ затрчено около 120.000 руб.

Комитетъ Общества, желая предоставить дома въ бесплатное пользованіе жертвамъ войны, обращается съ призывомъ къ московскому населенію вложить свою лепту въ дѣло призванія вдовъ и семействъ убитыхъ воиновъ.

3 октября 1915 г.

СБОРЪ 30-31 МАЯ



СИРОТАМЪ
ВОИНОВЪ.

72 49 1882007

Благотворительные
открытки.
1914–1915 годы.
(из коллекции
Игоря Ерополова)

Несколько спорным является вывод И.В. Беловой, которая в своей добротной монографии «Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг.» делает вывод о том, что благотворительная деятельность отличалась массовой и всеобщей поддержкой населения в течение всего военного периода³¹¹. Данный тезис опровергается многочисленными свидетельствами того, что желание жертвовать беженцам резко снижается уже в 1916 году, почти сходя на нет к 1917 году.

Беженцы и национальные комитеты и организации по их поддержке

Вполне очевидно, что национальные беженские организации были едва ли не самыми эффективными в плане оказания социальной поддержки нуждающимся соплеменникам. Они были для них «своими» и проявляли ярко растущее национальное самосознание.

На территории Тамбовской губернии действовали многочисленные национальные организации: польские, еврейские, литовские, латышские и др. Наиболее активной в регионе была еврейская организация. Евреев в губернии насчитывалось свыше 6 тыс. человек, расселенных преимущественно по городам: в Тамбове осело свыше 2 тыс. человек, в Борисоглебске и Козлове по 1200 человек, в Кирсанове – около 700, в Усмани – 450, в Лебедяни – около 300, в Моршанске – 550 и в Липецке около 150 человек. Отдельные семьи евреев расселили в северных уездах. Евреи-беженцы обслуживались как представителями центральных московских еврейских организаций: Московским еврейским обществом помощи жертвам войны, обществом

³¹¹ Белова И.В. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг.: монография. М.: АИРО-XXI, 2014. С. 142.

охранения здоровья, ремесленного труда и распространения просвещения, так и существующими во всех указанных городах еврейскими комитетами. Как и другие национальные организации, еврейская пользовалась средствами из общего источника – городских и уездных комитетов помощи беженцам, частными средствами, полученными путем добровольных пожертвований, а также субсидиями Московского еврейского общества жертвам войны³¹².

«В Моршанске при поддержке города и местных еврейских общин организована комиссия по сбору пожертвований для беженцев. Их снабдили предметами первой необходимости, некоторым выделены квартирные деньги. Моршанцы приходят и приносят хлеб, булки, баранки. Прибывших беженцев еврейская община разместила по квартирам»³¹³. Таким образом, беженцы-евреи обслуживались в Тамбове и уездных городах своими организациями, средства которым отпускал губернский комитет, но вследствие препятствий в этом со стороны губернатора они долгое время не получали пайка в равной мере с остальными беженцами. Вопрос был урегулирован лишь к концу 1915 года.

Беженцы-евреи расселялись не только в городах, но и в других удобных местах для их размещения в Тамбовской губернии. Так, во второй половине сентября 1915 года в крупном промышленном селе Рассказово, расположенном в 30 верстах от Тамбова, появились евреи из занятых неприятелем губерний царства Польского. Затем стали прибывать поляки, литовцы и, наконец, малороссы. Через не-

³¹² Доклад Тамбовского губернского комитета ВЗС губернскому совещанию 9 августа 1915 г. по вопросам организации помощи беженцам. Тамбов, 1915. С. 4; Тамбовский губернский комитет помощи беженцам. Вып. III. Журнал заседания губернского совещания 3 декабря и губернского комитета 17 декабря 1915 г. Тамбов, 1916. С. 15-19.

³¹³ Моршанский телеграф. 1915. 4, 8 августа.

которое время еврейских беженцев направили в Саратовскую губернию. Но спустя месяц в Рассказово осталось более 1000 человек, в основном женщин и детей.

В селе сразу же образовался местный комитет помощи беженцам, в состав которого вошли лица интеллигентных профессий: врачи, учителя, служащие. Они организовали для семей беженцев сборы вещами и продуктами, а также собрали деньги – кружечный сбор дал 602 руб. 04 коп.³¹⁴

Чтобы быть осведомленным о полном количестве беженцев, осевших в губернии, Тамбовский губернский комитет обязал все местные власти, начиная с 7 сентября 1915 года, три раза в месяц – 10-го, 20-го и 30-го числа – подавать сведения в форме списков о числе прибывших в район уезда новых беженцах, разделяя их на национальности, причем учет по городам и уездам производился отдельно³¹⁵.

Дети-беженцы и организация их призрения

Во время передвижения беженцев из оккупированных областей во внутренние губернии страны наблюдались случаи разделения семей беженцев. Всероссийские земский и городской союзы во второй половине 1915 года вывезли из местностей, прилегающих к фронту, несколько тысяч детей беженцев, потерявших своих родителей, и поместили их в приюты, организованные в разных местах: Тамбовской, Московской, Ярославской, Орловской, Рязанской губерниях³¹⁶.

В Тамбовской губернии приюты для потерявшихся в пути детей устраивались на узловых станциях, затем эти дети переводились в приюты для беженцев постоянного типа. Из них наиболее крупными были: в Тамбове – два

³¹⁴ Народная нива. 1915. 7 октября.

³¹⁵ ГАТО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 2. Л. 13, 82.

³¹⁶ Там же. Д. 4. Л. 1.

приюта на 80 человек, в Подостровном, район станции Сасово, – на 80 человек, в Темникове на 100 человек и в Липецке – на 50. Все указанные приюты содержались на средства, полученные от земского и городского союзов³¹⁷.

Иногда и сами дети-беженцы устраивали сборы пожертвований. В середине апреля 1916 года в уездном Моршанске был проведен сбор пожертвований в пользу детей-беженцев. «Обслуживался сбор исключительно самими учащимися беженских школ. В редких случаях были отказы на призыв о «копеечке» в торговых предприятиях в центре города, хотя наблюдалась какая-то усталость с жертвованиями. Сельские жители с участием и отзывчивостью жертвовали на базаре, в чайных и по копеечке (свыше 40 руб.)»³¹⁸. В г. Тамбов 25 сентября 1916 года состоялся кружечный сбор в пользу Литовской женской гимназии. Собрано было в 109 кружках – 984 руб. 36 коп.³¹⁹

Примечательно, что власти повсеместно старались широко использовать образы детей для формирования общественных настроений для оказания помощи беженцам. Красочные и выразительные рисунки детей-беженцев служили основой для пропаганды включения в компанию по сбору пожертвований. В 1915 году еженедельник «Летопись войны» опубликовал фотографии двух улыбающихся детей-беженцев под заголовком «Беженцы не унывают». В 1916 году в журнале «Родина» бал напечатан рисунок «Два бегства»: на нем семья беженцев была изображена рядом с бегущими из Вифлеема Марией, Иосифом и младенцем Иисусом³²⁰.

³¹⁷ Тамбовский губернский комитет помощи беженцам. Вып. III. Журнал заседания губернского совещания 3 декабря и губернского комитета 17 декабря 1915 г. Тамбов, 1916. С. 17.

³¹⁸ Моршанский телеграф. 1916. 23 апреля.

³¹⁹ Тамбовский край. 1916. 11 октября.

³²⁰ *Гетрелл П.* Беженцы в России в годы Первой мировой войны // Исторические записки. 2001. № 4. С. 52.



Шнейдер А.П. Молитва беженцев-галичан

Из всей массы детей-беженцев современники выделяли несколько категорий: 1) те, кто умирали, не выдерживая тягот и трудностей после ухода из дома; 2) те, кто заболели и имели позже значительные проблемы со здоровьем; 3) дети, потерявшие в дороге своих близких, осиротевшие и потерявшиеся³²¹. Современники признавали, что самой хрупкой группой беженцев являлись дети, многие из которых затерялись в сутолоке беженского движения и еще больше осиротели. Тяжелые, часто губительные даже для взрослых, условия жизни беженцев представляли особенно благоприятную почву для развития детской заболеваемости и смертности. Ночевки в поле в холодные осенние но-

³²¹ Фроммет Б. Борьба с «военной» психологией // Свободное воспитание. 1916–1917. № 6. С. 38.

чи, непригодная для детского организма грубая пища, выдаваемая на питательных пунктах, изнурительная жизнь в продолжении месяцев в повозке, и наконец, грязь, как необходимое следствие кочевой жизни, – все это способствовало развитию эпидемий и болезней среди детей³²².

У некоторых матерей-беженок стали проявляться ощущения бессилия и беспомощности в борьбе за существование своих детей. Ослабленные и изголодавшиеся матери желали уже смерти своим детям, не видя возможности их выводить и выкормить. Смертность среди беженцев-детей до 10 лет превосходила смертность среди коренного населения в 4 раза³²³.

Важнейшими потоками, пополнявшими ряды детской преступности и проституции, были также дети-беженцы. В работе П. Гетрелла указывается, что «нужда и отчаяние» вынуждали многих женщин-беженок и даже детей 7–8 лет заниматься проституцией³²⁴. Ф. Шустер в статье «Дай мне кусочек хлеба, и я дам тебе девушку» справедливо отмечает, что проституция являлась для беженцев одним из способов обеспечить свое собственное выживание и сохранение жизней членов семьи в военное время³²⁵. Не случайно, дети беженцев были одной из самых уязвимых категорий населения Российской империи в военные годы.

³²² В. К. Заботы о детях беженцев на Юго-Западном фронте // Призрение и благотворительность в России. 1916. № 4. С. 276.

³²³ Охрана материнства и младенчества. 1917. № 5 (сентябрь–октябрь). С. 466.

³²⁴ Гетрелл П. Беженцы и проблемы пола в России во время Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война (материалы международного коллоквиума). СПб., 1999. С. 126.

³²⁵ Шустер Ф. «Дай мне кусочек хлеба, и я дам тебе девушку». Бедность, контрабанда, шпионаж и проституция во время Первой мировой войны в еврейском контексте // Мировой кризис 1914–1920 годов и судьбы восточноевропейского еврейства / отв. ред. О.В. Будницкий. М., 2005. С. 16.

Эвакуированные из западных губерний учащиеся размещались на базе действующих учебных заведений, что сразу же привело к скученности, переполнению классов, занятиям в две смены и т. п.³²⁶. Отделения Татьянинского комитета в губерниях России выдавали пособия на приобретение учебников, одежды, вносили плату за учеников-беженцев. Содержались и многочисленные общежития для учащихся³²⁷.

Массовый исход беженцев сделал насущной организацию их регистрации и поиска потерявшихся членов семей. Особое внимание было обращено на поиск родителей потерявшихся детей. Фотографии и списки имен детей публиковались в «Известиях Комитета Татьяны Николаевны», в рядке крупных столичных газет, распространяемых в России. К 1 января 1917 года в картотеке Комитета имелись данные о 17 тыс. детей-беженцев, из которых было разыскано и возвращено в семьи примерно 4000 человек³²⁸.

Со второй половины 1915 года были организованы специальные летучие отряды-поезда, предназначенные для собирания в тыл отставших от семей детей-беженцев. Детей привозили в крупные города, в основном в поволжские, где их определяли в приюты.

В связи с войной во всех воюющих государствах отмечался рост беспризорности детей и значительное увеличение детской преступности. Власти пытались организовать помощь беспризорным, открывались всевозможные

³²⁶ *Ватник Н.С.* Учащаяся молодежь в годы Первой мировой войны // *Номо belli – человек войны в микроистории и истории повседневности: Россия и Европа XVIII–XX вв.: материалы Российской научной конференции.* Нижний Новгород, 2000. С. 115.

³²⁷ *Благотворительные организации Калужской губернии в годы Первой мировой войны: монографическое историко-краеведческое пособие / И.С. Писаренко и др.* Калуга, 2001. С. 67.

³²⁸ *Матвеева Н.Л.* Благотворительность и императорская семья в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 134.

убежища, приюты, ясли, очаги. Однако отсутствовала координация усилий различных организаций и ведомств. Для выработки единой стратегии и тактики по проблемам детской беспризорности и преступности по инициативе Всероссийских земского и городского союзов в Москве с 17 по 20 марта 1916 года работало совещание, в котором приняли участие более 300 представителей общественных самоуправлений, педагогических и общественных организаций.

Программа совещания была разбита на три отдела: 1) организация помощи детям в связи с войной; 2) виды призрения и обучения детей; трудовая помощь; 3) меры государственной и меры общественной помощи детям.

Отдел по устройству беженцев Всероссийских земского и городского союзов с самого начала своей деятельности по призрению детей установил особую систему их регистрации, что дало ему возможность издать три печатных списка детей-сирот и потерянных родителями. В эти списки вошло свыше 11000 детей, помещенных в приютах, основанных в различных местах преимущественно по почину земцев.



В 1917 году Отдел по устройству беженцев опубликовал список более 1000 детей, которые были потеряны родителями. Эти сведения были взяты со слов беженцев, разыскивавших своих детей³²⁹. Наиболее типичными причинами потери детей были: «отстал на станции», «взят сестрой милосердия», «остался на попечение односельчан», «попал в солдатский обоз», «сдан в приют для беженцев» и др. В списках публиковались и имена детей, которые не знали своих фамилий³³⁰.

На 1 июня 1916 года в России было 3254301 беженец, в Тамбовской губернии – 124656, а в Тамбове – 11885³³¹.



³²⁹ Список детей беженцев, разыскиваемых родными через посредство Отдела по устройству беженцев Всероссийских земского и городского союзов. М., 1917. С. 2.

³³⁰ Список детей беженцев: сирот и потерявших родителей. Всероссийские земский и городской союзы. Отдел по устройству беженцев. 1916. Вып. 1. Январь. С. 45.

³³¹ О числе беженцев в империи на 1 июня 1916 г. // Призрение и благотворительность в России. 1916. № 6. С. 630.

Чтобы помочь родителям найти своих потерявшихся детей, Союзы периодически в небольших брошюрах печатали списки детей, помещенных в приюты, с указанием фамилии, имени ребенка, если помнит, возраста, названия местности, где он ранее жил, если это известно, и где теперь находится³³². Кроме этого, для поиска потерявшихся родственников отдел Всероссийских земского и городского союзов организовал Центральное справочное бюро, куда поступали все запросы и заявления со стороны заинтересованных лиц. Для этих целей отдел выработал особые карточки, которые рассылались во все учреждения помощи беженцам. В данном случае основная работа на местах по наведению справок о потерявшихся и составлению запросов осуществлялась земствами, как наиболее осведомленными о состоянии беженцев своих уездов³³³. К январю 1915 года бюро располагало 150 тыс. адресами и организовало два выпуска списков адресов беженцев.

Финансирование содержания беженцев в регионе

В течение всего периода, от начала массового поступления беженцев в Тамбовскую губернию и до октября 1915 года, средства на обеспечение беженцев поступали неравномерно, с большим опозданием. Если бы не земские управы, из касс которых приходилось широко пользоваться кредитом, то весьма возможно, что во многих уездах помощь беженцам на долгие недели была бы прекращена, что, конечно, отразилось бы самым бедственным образом на их положении.

По данным на 1 апреля 1916 года, на долю Тамбовской губернии пришлось выселенцев-беженцев 127251 человек. Из них взрослых 77728 и детей 49423 человека. Эпидемии, холера и дизентерия, занесенные в 1915 году, не получили

³³² ГАТО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

³³³ Там же. Д. 2. Л. 78.

широкого распространения потому, что земствами в самом начале были приняты энергичные меры для изоляции больных на пунктах Козлов, Тамбов и Грязи³³⁴. Для предотвращения распространения инфекционных заболеваний все беженцы, прибывающие в Тамбовскую губернию, проходили медицинский осмотр и обязательно посещали баню.

Тамбовский общественный комитет помощи пострадавшим от войны постановил 26 сентября 1916 года создать в губернском Тамбове учреждение под названием «Капля молока», чтобы обеспечить детям беженцев и семей запасных солдат без различия национальностей нормальное питание. Общественники констатировали, что «значительная смертность среди детей грудного возраста, а также огромное большинство заболеваний детей указанного возраста, по мнению врачей, зависит исключительно от ненормального питания как в смысле неправильного его введения, так и в смысле недоброкачества получаемых продуктов»³³⁵.

Общественный комитет планировал снять помещение, в котором можно было бы оборудовать стерилизацию доставляемого с ферм молока, приготовление отваров круп, риса, муки и пр., которые выдавались бы кормящим матерям. Тамбовское земское собрание рекомендовало выделить пособие в размере 1000 руб. на открытие «Капли молока» в 1917 году³³⁶.

Дети составляли значительный процент общего числа беженцев. Так, среди беженцев города к 1 октября 1915 года из 5393 человек было 2327 детей, к 1 февраля 1916 года

³³⁴ Журнал Тамбовского уездного земского собрания очередной сессии 1915 г. Тамбов, 1916. С. 235.

³³⁵ Доклады Тамбовской губернской земской управы Тамбовскому губернскому земскому собранию очередной сессии 1916 г. Тамбов, 1916. С. 7.

³³⁶ Там же. С. 8.

из 10257 человек – 4073 ребенка, к 1 марта 1916 года из 10497 человек – 4153 ребенка, к 1 июня 1916 года из 11885 человек – 4827 детей и т. д. То есть, практически, каждый третий беженец в городе Тамбове был несовершеннолетний³³⁷. В целом по России, среди обследованных к 1 января 1917 года 1218176 беженцев в 38 губерниях России дети до 7 лет составляли 17,4 % общего числа беженцев³³⁸.

Революционные события 1917 года и последовавший вскоре выход России из войны способствовали обострению социальных процессов на селе. Положение беженцев ухудшалось с каждым днем. Демобилизованные солдаты вытесняли их как чуждый элемент из занимаемых ими в деревнях помещений, заменяя вместе с тем во всех отраслях труда. Распределение продуктов среди беженцев наравне со всеми жителями встречало дружный отпор со стороны крестьян. Появлялись «приговоры» о немедленном принудительном выселении беженцев как людей пришлых. И если дело не доходило до расправ, то единственно благодаря тому, что пошли слухи о скором возвращении беженцев на родину³³⁹. Реальный процесс возвращения беженцев на родину начался только весной 1918 года и растянулся в Советской России до 1924 года. Но уже в начале 1918 года новым Советским правительством были отменены казенные пайки и ликвидированы все организации, оказывавшие помощь беженцам.

Участие тамбовского земства в судьбе беженцев, деятельность общественных комитетов и организаций можно оценить положительно. Материальный достаток беженцев совместными усилиями местных самоуправлений и благо-

³³⁷ См.: Статистический справочник. Тамбовская городская управа. 1915. № 10, 11; 1916. № 1, 2, 5.

³³⁸ Охрана материнства и младенчества. 1917. № 2 (март–апрель). С. 224.

³³⁹ ГАТО. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 74. Л. 170 об.

творительных акций общественности удалось удержать на уровне прожиточного минимума вплоть до Октябрьских событий 1917 года и начавшейся Гражданской войны, вызвавших новый шквал встречных миграционных потоков.

Развитого нищенства среди беженцев Тамбовской губернии отмечено не было. К тому же беженцы, предупрежденные о «воспрещении попрошайничества», в целом не нарушали запрета. Подавляющее большинство не хотело из-за этого лишиться пусть небольшой, но гарантированной государством материальной помощи, которую им выдавали местные комитеты. Кроме этого, в Тамбовской губернии была налажена система разовых благотворительных выдач наиболее нуждавшимся семьям.

Социальные учреждения и благотворительные учреждения для детей в Тамбовской губернии в военные годы

В годы войны продолжали работать и прежние «довоенные» приюты и учреждения для призрения детей-сирот и подкидышей. В 1915 году Тамбовским губернским правлением была издана «Справочная книжка. Адрес-календарь Тамбовской губернии за 1915 год», которая позволяет оценить число приютов и сиротских домов в губернии, состав их попечителей, учредителей и заведующих.

№ п/п	Город	Название	Кто возглавлял	Члены
1	2	3	4	5
1	Моршанск	Сиротский дом	Городской голова	Почетный гражданин
2	Моршанск	Александровский детский приют	Титулярный советник	Коллежский регистратор
3	Моршанск	Попечительное общество о крестьянском детском приюте	Купец	Купец, дворянин

1	2	3	4	5
4	Темников	Благотворительный комитет	Действительный тайный советник	
5	Усмань	Детский приют	Вдова купца	
6	Шацк	Ольгинский детский приют трудолюбия	Княгиня	Статский советник
7	Шацк	Воробьевский детский приют	Городской староста	
8	Шацк	Земский приют для подкидышей	Врач	
9	Тамбовский уезд, с. Рассказово	Приют для сирот при фабрике братьев Асеевых в с. Рассказово	Жена врача	
10	Усманский уезд	Детский приют в имени «Гаршино» Вельяминовых	Дворянин	
11	Липецк	Уездное попечительство детских приютов учреждений ведомства императрицы Марии и детский приют В.А. Хренникова	Уездный предводитель дворянства	Дворянин, почетный гражданин, земский начальник
12	Тамбов	Дом трудолюбия	Дворянка, жена подполковника	
13	Тамбов	Тамбовское губернское попечительство о детских приютах (Мариинский приют)	Губернатор, супруга губернатора	Губернский предводитель дворянства, епископ, председатель губернской земской управы, купец
14	Тамбов	Приют для слепых детей Крестовоздвиженского братства	Протоиерей	Княжна, купчиха, дворянка

1	2	3	4	5
15	Тамбов	Александровские ясли при Ольгинском трудовом убежище	Супруга начальника губернии	
16	Тамбов	Нарышкинский приют для арестантских детей	Дочь священника	Священник
17	Тамбов	Губернский земский сиротский дом	Надворный советник	Надворный советник
18	Тамбов	Носовский городской приют	Купец	
19	Тамбов	Носовский городской приют для девочек	Почетный гражданин	
20	Тамбов	Земский ремесленно-воспитательный приют	Губернский предводитель дворянства	
21	Козлов	Попечительное общество об Ольгинском приюте трудолюбия для мальчиков	Купец	Личный почетный гражданин, купец, мещанин
22	Козлов	Общество «Ясли»	Без титулов	
23	Козлов	Александроневский приют для детей	Вдова купца	
24	Козлов	Городская «Николаевская» богадельня, с сиротским при ней отделением	Вдова почетного потомственного гражданина	Мещане, купцы, протоиерей

Источник: Справочная книжка. Адрес-календарь Тамбовской губернии за 1915 год. Тамбов: Издание Тамбовского губернского правления, 1915. С. 85-91.

Вполне очевидно, что в период войны сохранялась в целом система благотворительных учреждений в Тамбовской губернии. В губернском городе Тамбов и половине (шести из двенадцати) уездных городах действовали объединения горожан по поддержке детей-сирот. Лидировал, как это было и повсеместно, губернский центр, имевший семь учреждений по призрению детей, на втором месте был крупный купеческий город Козлов, в котором было сосредоточено 4 учреждения, по три имелось в Шацке и Моршанске и по одному в Темникове, Усмани и Липецке.

К учреждениям типа детский приют относились 17 из 24, а остальные были сиротскими домами, яслями, трудовыми убежищами.

В годы войны продолжалось финансирование тамбовским земством имевшихся в губернии детских сиротских учреждений. Единственное в Тамбовской губернии училище для слепых детей по обращению Крестовоздвиженского братства получило пособие на 1917 год, как и в 1916 году – 1000 руб.³⁴⁰ Также выделялись пособия Ольгинскому трудовому убежищу и Александровским яслям по 600 руб., а также Ольгинскому приюту Трудолюбия для мальчиков в г. Козлов.³⁴¹ 29 земским стипендиатам в Тамбовском Мариинском детском приюте решено было увеличить пособие с 103 до 180 руб. в год³⁴².

Кроме того, открывались и новые организации в крупных селах Тамбовской губернии. Так, в июле 1915 года в селе Кочемировка Темниковского уезда открылся комитет Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества для оказания помощи преимущественно

³⁴⁰ Доклады Тамбовской губернской земской управы Тамбовскому земскому собранию очередной сессии 1916 г. Тамбов: Типография губернского земства, 1917. С. 2.

³⁴¹ Там же. С. 3.

³⁴² Там же. С. 11.

семьям призванных на войну, имеющим малолетних детей³⁴³. Председательницей являлась дворянка Мария Александровна Новосильцева, а членами были: священник Николай Сергеевич Славолубов, агроном темниковского земства Иван Исаевич Алексеев и земский начальник Николай Павлович Леман.

Само же Всероссийское попечительство было создано по указу Николая II 13 мая 1913 года и находилось по покровительством императрицы Александры Федоровны. В Положении о Всероссийском попечительстве об охране материнства и младенчества указывалось, что оно стремится к уменьшению детской смертности, устраивая приюты для матерей и детей, молочные кухни, детские лечебницы и пр. Примечательно, что спустя несколько лет при советском режиме идея охраны материнства и младенчества была успешно реабилитирована и стала одним из главных пропагандистских символов советской власти.

Необходимо учитывать, что в период войны происходило постоянное перераспределение земских стипендий и финансирования в пользу детей-сирот солдат. Но «отнималось» финансирование у обычных «невоенных» сирот, живших в регионе. Так, тамбовские земцы реагировали на письмо Министра внутренних дел тамбовскому губернатору от 1 ноября 1916 года, в котором он призывал земские самоуправления принять участие в «великом деле оказания помощи образованию детей георгиевских кавалеров путем учреждения новых и представления предпочтительно перед другими существующих стипендий в мужских и женских высших, средних, низших профессиональных и иных учебных заведениях»³⁴⁴.

³⁴³ ГАТО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 272. Л. 3.

³⁴⁴ Доклады Тамбовской губернской земской управы Тамбовскому губернскому земскому собранию очередной сессии 1916 г. Тамбов, 1916. С. 1.

Весьма показательным было и решение земского собрания о том, чтобы предоставить из 181 стипендии, имеющих в сиротском доме, по 2 стипендии от каждого уезда (по 1 мужской и 1 женской) для сирот или полусирот детей георгиевских кавалеров и учредить при Тамбовском ремесленном училище 12 стипендий по одной для каждого уезда. Фактически 36 стипендий планировалось изъять у «обычных» сирот и передать детям-сиротам георгиевских кавалеров.

В целом, в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. в Тамбовской губернии действовала разветвленная и вполне эффективная система социальной поддержки детей-сирот. Происходило удивительное сочетание и взаимодействие столичных благотворительных инициатив и региональных проявлений милосердия в отношении осиротевших детей. Можно констатировать, что общественные благотворительные и социальные мотивы по поддержке сирот были успешно реализованы и достаточно успешно выдержали испытания в условиях тотальной Первой мировой войны.



г. Тамбов. Общий вид с запада
(из личного архива М. Климковой)



г. Тамбов. Общий вид
(из личного архива М. Климковой)

Глава II

Социальная политика и дети-сироты в Советской России (1918–1930 гг.): региональные аспекты

II.1. Революционные события в Тамбовской губернии и трансформации благотворительных учреждений и системы социальной защиты (1917–1918 гг.)

Революционные события в Тамбовской губернии в марте 1917 года шли по типичному провинциальному сценарию. О революционных переменах никто не думал и никто не готовил «победу» революционных или радикальных элементов в аграрном патриархальном регионе. Да и само начало 1917 года ничем не отличалось от других военных лет, все текло своим чередом, и жизнь в регионе ничто не нарушало. Деревня приспособилась к военной повседневности и даже богатели от военных заготовок и роста цен на продукты в городах. В городах нарастало напряжение из-за нехватки продовольствия, наплыва беженцев, военного поста, усталости от войны. Но в целом жители Тамбовской губернии до марта 1917 года жили спокойно и привычно. Благотворительные учреждения, детские приюты и училища работали в привычном режиме, но стали возникать трудности со снабжением продовольствием и обмундиро-

ванием. Стало не хватать денег на содержание заведений. На 1 января в Носовском приюте в губернском Тамбове дети по-прежнему получали пособия от различных структур: 31 девочка и 21 мальчик от Елизаветинского комитета, 10 мальчиков и 11 девочек являлись земскими стипендиатами, 40 мальчиков и 95 девочек содержались за счет средств губернского попечительского комитета³⁴⁵.

Совершенно ошеломляющими стали для провинциалов телеграммы из столицы и известия об отречении императора от престола. Фактически революция «пришла» и «победила» в Тамбовской губернии по телеграфу. Новости о свержении монархии добрались до Тамбова с опозданием. Губернатор не знал, как реагировать на происходящие в столице события и на всякий случай приказал запретить доставку телеграмм и газет из столицы. Когда это стало невозможно, он поспешил признать перемены. Члены городской думы, собравшись на экстренное заседание, учредили исполнительный комитет, приветствовали новую власть в стране. Губернатор и архиепископ Кирилл призвали население сохранять спокойствие. Обязанности губернского комиссара Временного Правительства перешли к председателю губернской земской управы Ю. Давыдову.

Заметим, что февральско-мартовские события в столицах и отречение Николая II вначале мало отразились на системе социальной защиты детей в Тамбовской губернии. Первые революционные недели марта и апреля 1917 года характеризовались лишь снятием портретов императора и уничтожением символов самодержавия на зданиях. Примечательно, что с восторгом и ликованием встречали известия о революции молодежь и учащиеся средних специальных учебных заведений, которые были самыми активными участниками митингов и праздничных манифестаций. Но

³⁴⁵ Статистический ежемесячник Тамбовской городской управы. 1917. № 1 (декабрь). С. 18.

среди них не замечалось воспитанников сиротских учреждений и других обездоленных детей, так как они уже начали ощущать «близость и неотвратимость перемен», которые не несли им ничего позитивного, а представляли прямую угрозу для их финансового обеспечения и существования благотворительных заведений.

Развитие событий в регионе показало, что дети-сироты не ошиблись в своих опасениях. Уже к лету 1917 года крестьяне перешли фактически к «черному переделу», захватывая помещичьи земли, уничтожая поместья и расхищая скот, инвентарь и имущество землевладельцев. Это привело вначале к сокращению, а затем и к прекращению финансирования большинства социальных учреждений. Дело в том, что при царском режиме до 1917 года приюты, убежища, сиротские дома и ночлежки для детей почти полностью содержались за счет местных благотворителей (купцов, предпринимателей, представителей дворянства и пр.), которые строили здания, открывали учреждения для детей и полностью их содержали. Они же выделяли и дарили землю, которая сдавалась в аренду, а также открывали счета в банках, и проценты шли на содержание, обучение детей и вполне обеспечивали воспитанников всем необходимым. Но когда осенью 1917 года земля была захвачена местными крестьянами, разгромлены более 120 помещичьих имений, а процентные бумаги были аннулированы, то источники средств иссякли. Только на текущие нужды выделялись небольшие деньги местными земскими и городскими структурами.

16 июня 1917 года «Тамбовский земский вестник» сообщал, что положение городских благотворительных учреждений критическое. На их содержание необходимо около 200 тыс. рублей. Городской благотворительный комитет попросил городскую думу выдать средства из запасного благотворительного капитала на нужды военного

времени³⁴⁶. Смета на 1917 год на содержание благотворительных учреждений увеличилась более чем на 100 тыс. руб. по причине дороговизны³⁴⁷. Но этого все равно было явно недостаточно.

Между тем в столице еще в марте 1917 года Временное правительство образовало Министерство государственного призрения. Приказами министра государственного призрения И.Н. Ефремова и его заместителя А.Г. Бакунина от 4 марта, 8 и 10 июля, 7 и 12 августа 1917 года начались структурные изменения. Упразднялись «Верховный Совет по призрению раненых и павших воинов», «Опекунский Совет учреждений императрицы Марии Федоровны», «Совет Человеколюбивого общества» и другие учреждения³⁴⁸. Вскоре и в Тамбовской губернии были ликвидированы весьма успешные, авторитетные и влиятельные учреждения, связанные со старым режимом: Ольгинской приют, приюты Романовского комитета, Носовская богадельня, приют Крестовоздвиженского братства и др.

Впрочем, Временное правительство не препятствовало развитию благотворительной деятельности в российской глубинке. Только отчеты о пожертвованиях деятельности писались теперь не губернатору, а губернскому комиссару Временного правительства³⁴⁹. Часто туда же, скорее по инерции, продолжали поступать редкие сообщения о сборе населением пожертвований в пользу детей-сирот. В июне 1917 года крестьяне деревни Арги Шацкого уезда собрали 175 руб. 78 коп. в пользу детей из семей павших воинов

³⁴⁶ Тамбовский земский вестник. 1917. 16 июля.

³⁴⁷ Там же. 18 августа.

³⁴⁸ *Бобровников В.Г.* Социальные преобразования Временного правительства (март–октябрь 1917 г.) // Известия Волгоградского государственного технического университета: проблемы социально-гуманитарного знания. 2014. № 5. С. 67-70.

³⁴⁹ ГАТО. Ф. 25. Оп. 1. Л. 961.

полков³⁵⁰. 29 июня 1917 года в селе Инжавино Кирсановского уезда местные женщины произвели сбор для устройства в Тамбове дома ремесел для детей воинов и собрали на эти цели 485 руб.³⁵¹

В регионах происходила значительная, невиданная прежде, активизации инициативы женских организаций и отдельных женских групп. Именно Тамбовские женщины выступили в апреле 1917 года с предложением провести ревизию благотворительных учреждений в Тамбовской губернии. Демократический союз женщин Тамбовской губернии по поручению губернского комиссара Временного Правительства создал комиссию по заботам о детских нуждах. 20 апреля 1917 года члены этой комиссии решили провести предварительное обследование Мариинского детского приюта, в том числе находящихся там яслей. Однако начальница приюта Теннис посчитала бумагу губернского комиссара не обязательной для исполнения и не разрешила осматривать детей. По мнению членов комиссии, дети в приюте имели нездоровый вид, многие из них больны чесоткой и имели слабое физическое развитие, которое не соответствовало их возрасту³⁵².

Активистки не успокоились и направили свое обращение Съезду учителей Тамбовской губернии, проходившему в мае 1917 года, в котором отметили, что детские приюты, имеющиеся в Тамбове, испытывают денежный кризис. Пожертвований от благотворителей не поступает. Лотерей и спектаклей в пользу приютов не проводится. Арендные взносы с собственности на землю не выплачиваются. «Вследствие этого они не могут не только прийти на помощь в новых случаях приема в приют, но им грозит даже

³⁵⁰ Шацкий народный листок. 1917. 19 июля.

³⁵¹ Известия Тамбовского Совета рабочих, крестьянских, солдатских депутатов. 1917. 27 июля.

³⁵² Тамбовский земский вестник. 1917. 23 апреля.

опасность сокращения комплекта детей, находящихся в настоящее время в приютах. Думается, что свободная Россия по-другому взглянет на свою обязанность о беспомощных детях. Дело это должно находиться или в руках государства, или же отдельных корпораций. Подготовка к решению этого вопроса должна начаться тотчас же»³⁵³. Примечательно, что идеи перехода системы призрения в государственные структуры и то, что именно государство должно стать единственным «опекуном» и «душеприказчиком» несчастных сирот и всех, кто нуждался в призрении и заботе, появились задолго до большевистских лозунгов. Водоворот революционной волны все перемешал в умах и сердцах современников, и многие идеи, доктрины коммунистического режима были «слизаны» у других партийных объединений или социальных групп и оформлены большевиками как их собственные инициативы. В данном случае важнее оценить гендерные акценты мотивации провинциалок, которые считали важным поддержать самых обездоленных и несчастных детей и подростков.

Горожане также были встревожены ситуацией с призрением слепых детей и финансированием училища, в котором они содержались, обучались и воспитывались. «Тамбовский земский вестник» сообщал, что в городском исполнительном комитете были получены сведения, что училище-приют для слепых из-за отсутствия средств может быть закрыто. Была образована комиссия для обсуждения ситуации, и вся надежда оставалась на частные пожертвования³⁵⁴. В итоге, существовавшее более 10 лет, училище при Крестовоздвиженском братстве было закрыто из-за отсутствия средств в августе 1917 года, а воспитанники распущены³⁵⁵.

³⁵³ Протокол общего собрания Тамбовского губернского учительского съезда 12 мая 1917 г. Б. м., Б. д. С. 62.

³⁵⁴ Тамбовский земский вестник. 1917. 8 июня.

³⁵⁵ Там же. 5 августа.

Развязка с проблемой финансирования из столицы благотворительных учреждений в регионе наступила в конце года. 20 декабря 1917 года «Тамбовский земский вестник» опубликовал циркуляр с разъяснениями Министерства государственного призрения земским и городским самоуправлениям, в котором поясняло, что оно с самого начала своей деятельности считало важным передать местные учреждения социальной помощи в ведение местных самоуправлений. Насильственное вмешательство в деятельность министерства не позволяет снабжать социальные учреждения в провинции денежными суммами, поэтому министерство просит, согласно постановлению Временного правительства, немедленно принять социальные учреждения на попечение органов самоуправления³⁵⁶. Обещание позже компенсировать расходы земств и городских дум ничего не меняло. Стало понятно, что столица отказалась от всякой поддержки учреждений социальной защиты в провинции. Теперь регионы могли рассчитывать только на свои ресурсы, которых уже почти не имелось. Впереди были «новации» военного коммунизма, реквизиции, конфискации и прочие ликвидационные мероприятия новой власти...

Впрочем, зима 1917–1918 гг. не показывала скорых перемен и горьких испытаний для населений Тамбовской губернии. Еще работали предприятия и учреждения, трактиры и рестораны, бурно развивалась спекуляция и самогонварение, а на события в Петрограде и известия о победе большевиков жители посматривали с иронией и недоверием. По оценкам некоторых современников, к власти в столице пришла «банда», и она не должна была долго продержаться³⁵⁷. Да и как должны были оценивать жители России так называемые «политические элиты», в которых действительно было немало людей, сидевших в тюрьмах и «мо-

³⁵⁶ Тамбовский земский вестник. 1917. 20 декабря.

³⁵⁷ Воспоминания священников о 1917 г., из личного архива автора.

тавших сроки» за экспроприации и банальные грабежи, которые сами «сидельцы» относили к весьма популярным политическим преступлениям. Даже в самой Тамбовской губернии важные посты занимали «пострадавшие» от царского режима лица. Лидер «антоновщины» Александр Степанович Антонов, в юности вступивший в партию социалистов-революционеров, отметившийся в многочисленных уголовных преступлениях, в 1917 году возглавлял подразделения милиции, в том числе в Кирсановском уезде. Его личность – это вполне типичный пример прихода к руководству различными властными структурами в провинции бывших уголовных элементов. В революционные годы именно такие «проверенные», пострадавшие при «старом режиме» товарищи были очень востребованы и назначались на различные должности, в том числе и в системе социального обеспечения в регионе. Происходила криминализация местной власти, являвшейся составной частью коммунистического режима.

Важно учитывать, что и местных, и присланных из центра большевиков не «беспокоили» нормы морали, права и демократические ценности. Насилие, диктат, произвол и самоуправство, безнаказанность и «кумовство» являлись неотъемлемой частью управления и образа мыслей рассматриваемого периода. Уже в январе 1918 года власть перешла к большевистско-эсеровским Советам, что повлекло упразднение городских дум, земских учреждений, имевших богатый опыт местного самоуправления. Важно учитывать, что события 1918 года в Тамбовской губернии почти на столетия определили политику и практику управления и жизни в регионе. Традиции первых революционных лет оказались очень живучими и на долгие десятилетия становились визитной карточкой местных управленцев.

26 января 1918 года был опубликован Декрет по Народному Комиссариату государственного призрения, по

которому содержание всех приютов для малолетних детей было отнесено к общегосударственным расходам, а сами они, а также санатории, колонии, учреждения для больных и дефективных детей и другие учреждения для несовершеннолетних переходили в распоряжение коллегии призрения несовершеннолетних³⁵⁸. Государство обещало взять на себя всю ответственность и расходы в деле заботы о детях-сиротах и других слабо защищенных слоях населения. Многим казалось, что, наконец, наступает обещанный большевиками «социальный рай», и все нуждающиеся и страдающие обретут поддержку, почувствуют заботу родного советского государства.



Празднование первой годовщины
Октябрьской революции в г. Тамбове
(из коллекции В.А. Ермакова)

³⁵⁸ Сборник Декретов Народных Комиссаров. Сб. № 2. По комиссариату социального обеспечения (призрения). Тамбов, 1918. С. 21.



Провозглашение советской власти в Елатомском уезде
Тамбовской губернии. 11 декабря 1917 г.
г. Сасово, Елатомский уезд, Тамбовская губерния
(ГАСПИТО. Ф. П-9248. Оп. 1. Ед. хр. 5022)

С 26 апреля 1918 года изменилось и название комиссариата, который теперь стал – Народным комиссариатом социального обеспечения РСФСР. Решения, принятые Наркоматом в 1918 году, заложили основы новой, господствовавшей в стране в течение семи последовавших десятилетий, системы государственного социального обеспечения, в которой не оставалось места для частной или общественной благотворительности.

Лозунги и призывы из столиц очень часто оказывались для провинции пустым звуком и ничего не значили при отсутствии финансирования. Первичные архивные документы и другие источники однозначно свидетельствуют о том, что вся система финансирования детских учреждений в нестоличных губерниях была кризисной и унижительной, неэффективной и недостаточной. Контрольно-финансовый подотдел отдела социального обеспечения Тамбовского

губисполкома с горечью констатировал в 1919 году, что сложилось крайне затруднительное финансовое состояние, «которое за последнее время настолько обострилось, что дальнейшая плодотворная работа губернского и уездных Отделов поставлена под вопросом и в некоторых случаях ей грозит даже полная остановка, если не будет найден какой-нибудь выход из создавшегося положения»³⁵⁹.

Отсутствие средств с самого начала крайне неблагоприятно отражалось на деле развития социального обеспечения в Тамбовской губернии. Весь 1918 год приходили лишь мелкие авансы, а пришедшая в конце года сумма не соответствовала расходам и надобностям по смете. В 1919 году на содержание отделов было выделено лишь 13 % запрашиваемого, а для детских домов пришло лишь 9 % необходимых средств³⁶⁰. Как можно было жить, кормить и воспитывать детей-сирот за 1/10 часть от норматива? О чем думали столичные комиссары и управленцы? Как они оценивали возможности и перспективы выживания детей-сирот, у которых кроме обещанной государственной поддержки не было других возможностей для спасения от голода и нищеты?

В стране фактически происходило непрерывное реформирование прежней дореволюционной системы призрения и социальной защиты, продолжавшееся до 30-х гг. XX века. Это был этап противоречивых, драматических, нередко бестолковых и импульсивных перемен. Заметим, что советская власть с самого начала отрицала принцип благотворительности, но считала, что объем и характер заботы о детях должно было определять только государство. Лозунги: «Дети – наше будущее!», «Охрана детства – лозунг советской власти», «Дети – цветы жизни» стали на долгие десятилетия политической стратегией построения

³⁵⁹ ГАТО. Ф. 1566. Оп. 1. Д. 32. Л. 368.

³⁶⁰ Там же. Л. 369.

«настоящего» и «правильного» социального государства. На практике же новая власть не смогла обеспечить даже необходимый минимальный уровень для элементарного выживания значительного числа детей-сирот и подростков-беспризорников.

Коллегия по делам местного хозяйства 10 мая 1918 года приняла решение расформировать приют для сирот воинов в г. Тамбов. Дети переводились в бывший Мариинский детский приют. Всего там находилось 42 ребенка в возрасте от 2 до 14 лет. 22 июня 1918 года Тамбовский отдел социального обеспечения констатировал, что в Тамбове в местных благотворительных учреждениях содержалось более 700 престарелых и малолетних круглых сирот. До революции главный источник доходов этих учреждений составляли земельные участки и проценты с ценных бумаг.³⁶¹ Но после выхода закона о социализации земли денежные доходы в городскую кассу прекратились, а с 1918 года и процентные бумаги были аннулированы.

В постановлении подведомственной комиссии тамбовских губернских комиссаров просвещения и социального обеспечения от 2 августа 1918 года было постановлено: в интернат должны были приниматься преимущественно сироты и дети беднейшего населения. Остальные поступали только на свободные вакансии и с особого разрешения комиссариата социального обеспечения за установленную плату. На иждивении отдела социального обеспечения находились дети в домах социального обеспечения № 1 (бывший Александринский институт), № 2 (бывший Сиротский дом), № 3 (бывший Мариинский приют), № 4 (бывший приют арестантских детей), № 7 (бывший Елизаветинский приют), № 8 (приют подкидышей при губернской советской больнице), № 9 (приют для детей при бывшем ремесленном училище), № 10 (колония малолетних

³⁶¹ ГАТО. Ф. Р-1566. Оп. 1. Д. 7. Л. 26.

преступников), № 12 (бывший дом трудолюбия), № 13 (бывший дом Носовской богадельни). Содержание всех этих домов и детей целиком находилось в ведении Отдела социального обеспечения, но учебную часть должен обеспечивать губернский отдел народного образования³⁶².

Весьма важным мероприятием отдела соцобеспечения этого периода была борьба с религиозным «мракобесием». Так, 30 октября 1918 года вышло распоряжение по дому социального обеспечения № 1: «Немедленно распорядиться снятием икон в дортуарах и прочих помещениях. Кроме того, предлагается: сделать распоряжение о прекращении реверансов; прекращении молитв вечерних, утренних и обеденных; прекращение употребления французских слов и фраз между воспитанницами и воспитательницами»³⁶³.

Несмотря на декларацию об опеке над всеми детьми нового государства, с осени 1918 года стал ярко проявляться классовый принцип комплектования детских учреждений, а также учет партийной принадлежности родителей. В инструкциях по приему детей прямо указывалось, что предпочтение отдается детям бедноты, детям красноармейцев и членов партии. Примечательно, что детские учреждения должны были немедленно избавиться от икон, молитв, священников и «старорежимных» книг, которые подлежали публичному сожжению. В постановлении губсобеса указывалось об удалении «из библиотек всех вредных и вообще ненужных книг».

Названия детских приютов и домов должны были соответствовать партийной идеологии. В Тамбове появились детские учреждения (дома) имени Розы Люксембург, Бебеля, Энгельса, Маркса и т. п.³⁶⁴, в Козловском уезде – имени Володарского и Урицкого. Кто были эти люди ни дети, ни

³⁶² ГАТО. Ф. Р-1566. Оп. 1. Д. 7. Л. 124.

³⁶³ Там же. Л. 156.

³⁶⁴ Там же. Л. 172.

часто их воспитатели не знали, но понимали, что это что-то важное и имеющее значение для их судеб.



Детский дом в доме Асеевых
(из фондов Тамбовского областного краеведческого музея)

Весьма типичной в контексте реформирования системы призрения детей была история с дворцом местных «олигархов» купцов Асеевых, которые снабжали шинельным сукном русскую армию. Весной 1918 года местные власти предложили организовать в Тамбове летние колонии для детей беднейших граждан. ...Коллегия по делам местного хозяйства постановила реквизировать дом Асеева и все надворные постройки усадьбы с садом и огородом. Все владельцы при этом подлежали выселению. Это произошло 6 мая 1918 года. В конце 1922 года дом был передан отделу народного образования для организации приюта. 13 февраля 1923 года губсоцвосу получил распоряжение приступить «немедленно к организации опытно-показательного детского дома имени Тамбовского губисполкома» в бывшем доме Асеева, назначив воспитателя, врача и служащего-

го, ответственного за снабжение и оборудование детского дома. В 1924 году дом М.В. Асеева перешел в ведение системы здравоохранения. Вначале здесь лечились больные с открытой формой туберкулеза, верхний этаж занимали взрослые, а внизу располагались дети.

В 1918 году в Кирсановском уезде в селе Караул в имении Б.Н. Чичирина в роскошном барском доме разместились детский дом «Красная звезда». В детский дом направлялись дети погибших селян в период Гражданской войны.

В октябре–ноябре 1919 года было проведено тотальное обследование имевшихся домов социального обеспечения в Тамбовской губернии. В уездные и губернский отделы социального обеспечения и народного образования были разосланы опросные бланки, которые следовало заполнить и переправить в губернский центр. Его результаты показали: «антисанитарию во дворах домов социального обеспечения, в каждом из них переполнены выгребные ямы, из которых разливается по двору их содержимое, образовывается грязь, которая издает сильное зловоние. В некоторых домах выливаются помои прямо из кухонь на открытый двор»³⁶⁵. В некоторых домах соцобеспечения из-за отсутствия топлива не было отопления, и в помещениях было очень холодно. В некоторых домах температура не доходила до 6 градусов. Дети в доме № 10 спят на соломе, которая постелена на полу³⁶⁶. Обследование выявило опасную заболеваемость детей и нарушения в их содержании по большинству разделов отчета о проверке детских учреждений.

Приведем пример одного из таких обследований детского дома имени Энгельса, которое провел врач Пригожин 9 ноября 1919 года: «Дети бледны, грязны; у многих

³⁶⁵ ГАТО. Ф. Р-1566. Оп. 1. Д. 7. Л. 317.

³⁶⁶ Там же. Л. 317 об.

экземы волосистой части головы. Большое количество детей страдает стоматитами. Ввиду отсутствия у большинства обуви, с наступлением холодной погоды вынуждены сидеть в помещении, где воздух почти не вентилируется. ...Перед обедом дети руки не моют... Мыла для умывания нет абсолютно. За обедом вследствие отсутствия ложек многие едят пищу прямо из тарелок грязными руками; или же дождавшись, когда поедят более счастливые товарищи, берут у них ложки и тотчас отправляют их себе в рот, а это, разумеется, наиболее верный способ передачи заразы. Многие пьют воду из ракушечника. Тотчас после обеда некоторые дети, ползая под столом, собирали крошки из-под стола и ели их. Едва ли чем-то другим, кроме голода, можно объяснить это явление... часто дети разрывают мусорную кучу во дворе и выбирают оттуда что-то съедобное... Пища однообразная, по 4–5 дней дается одна чечевица. Молоко дается крайне редко. Больных 58 детей из 240, то есть 25 %»³⁶⁷. Аналогичные результаты были в других губерниях Советской России.

Совнарком 19 ноября 1918 года принял решение о передаче детских домов в ведение отделов социального воспитания Наркомпроса³⁶⁸. Это перевод несколько раз откладывался по причине ожидания все новых указаний и инструкций из столицы. Так, в марте 1919 года были уточнены данные о количестве детских учреждений социального обеспечения в Тамбовской губернии и количестве детей в них. Всего призревалося 1639 детей. Виды учреждений и наполняемость их воспитанниками отражена в фотодокументе.

Лидировал Козловский уезд, где призревалося 348 детей, в доме социального обеспечения для девочек имени Урицкого, для мальчиков имени Володарского, в ремесленном приюте № 6, доме младенца и трех домах соцобес-

³⁶⁷ ГАТО. Ф. Р-1566. Оп. 1. Д. 7. Л. 179.

³⁶⁸ Там же. Л. 18.

НАЗВАНИЕ ДОМОВ СОЦИАЛЬН. ОБЕСПЕЧ.	Коли- чество детей.	НАЗВАНИЕ ДОМОВ СОЦИАЛЬН. ОБЕСПЕЧ.	КОЛ во: дет
УСМАНСКИЙ УЕЗД.			
1/ Дом призрения № 2 в г. Усмани	17		
2/ " " № 4 " "	20		
3/ " " № 5 при сельце Басильевке/Поворск. волости /.	31		
ШАЦКИЙ УЕЗД.			
1/ Дом Младенцев	26		
2/ Детский приют при дом №	10		
	1639		

ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 92. Л. 60

Но фактически это решение было исполнено в Тамбовской губернии только в конце июля 1919 года³⁶⁹. С этого периода учреждения соцвоса находились под контролем и опекой органов народного образования, что, впрочем, очень мало влияло на их финансовое положение и условия содержания, обучения и воспитания детей-сирот.

³⁶⁹ ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 92. Л. 64.

II.2. Кадры решают все?! Кто и как занимался воспитанием и обучением в детских социальных учреждениях

Знаменитый лозунг сталинской эпохи «Кадры решают все!» приобретал особое значение в первые годы советской власти. Возникали серьезные противоречия и коллизии по поводу возможности использования «старых» кадров системы социальных учреждений: приютов, сиротских домов, убежищ, яслей и т. п. Если вопросов по поводу зданий и учреждений, доставшихся от царского режима, не было, и практически все заведения, в которых призревались дети-сироты, использовались, как правило, по тому же назначению, то проблема кадрового обеспечения решалась по принципу слов Интернационала: «Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем мы наш, мы новый мир построим: кто был ничем, тот станет всем!». Кадры старого режима не вписывались в программу воспитания нового человека эпохи «диктатуры пролетариата».

Первые масштабные гонения на воспитателей и преподавателей из «бывших» приютов начались со второй половины 1918 года. Самыми первыми «выпроваживались» священники и все лица, имевшие отношения к церкви. Губернский отдел народного образования постановил 25 октября 1918 года: «Лица духовного звания к работе в школах не могут быть допущены не только в качестве преподавателей, но и на другие должности». Как отмечалось далее, «ввиду того, что некоторые из них облачались в светскую одежду, следует требовать от них официальный документ от высшего епархиального органа (епископата или совета) о снятии сана». Далее, в соответствии со 8-й статьей

Положения о единой трудовой школе под школьными работниками подразумевались лишь преподаватели, школьные врачи и инструкторы физического труда. В новых советских детских и образовательных учреждениях не было места институту классных наставников, их помощников и классных дам. Эти должности с 16 октября 1918 года упразднились, а все помощники классных наставников и классные дамы считались уволенными³⁷⁰.

Стоит все же понимать, что «ликвидация» старых кадров не была импульсивным явлением, а отвечала тем направлениям развития системы социального обеспечения, которые формировались новой советской властью. Важны были, как это бывало и раньше, руководящие инструкции и директивы из столицы. Не случайно, в распоряжении по Народному комиссариату социального обеспечения от 31 октября 1918 года четко указывалось в правилах организации детских домов, что «весь лишний административный и служебный персонал, которым переполнены наши дореформенные приюты, должен быть распушен. Не должно быть экономок, кастелянш, бухгалтеров, уборщиц комнат, швейцаров и т. п. На детские дома в 35–40 человек школьного возраста полагается не менее двух воспитательниц, одна из них заведующая приютом и три лица физического труда: кухарка, дворник, прачка. Воспитателями должны быть лица с педагогическим образованием, стоящие на Советской платформе»³⁷¹.

В Тамбовской губернии немедленно отреагировали на команду «сверху». По постановлению коллегии Тамбовского губернского комиссариата социального обеспечения было решено «уволить от должности без права вознаграждения на безработицу, как паразитический элемент, вредящий делу бывшую начальницу, кухарку, сапожных масте-

³⁷⁰ Вестник просвещения. 1919. № 1-2. С. 21.

³⁷¹ ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 92. Л. 27.

ров»³⁷² из дома соцобеспечения № 1. Увольнялись, как правило, самые опытные и умеющие, но «политически ненадежные» воспитательницы. В ноябре 1918 года заведующий отделом социального обеспечения обратился в Тамбовский губернский отдел труда с просьбой удалить «воспитательниц Луцкую, Экман, Симанович, Предтечинскую, Дубасову, Болдыреву, так как встречается крайняя необходимость в обновлении в самом непродолжительном времени воспитательского персонала ввиду полного несоответствия этого персонала требованиям, которые должны быть предъявлены к таковому персоналу в современной трудовой школе»³⁷³. Заметим, что увольняемые воспитательницы имели многолетний стаж и опыт работы, прекрасно разбирались в психолого-педагогических проблемах, отличались прекрасной репутацией и были очень уважаемыми людьми в губернском центре. Их основной «бедой» было «неправильное» происхождение и высокие нравственные качества, порядочность и интеллигентность, которые были лишними и не востребованными при новом коммунистическом режиме.

Понятно, что изгонялись из детских учреждений также и нелояльные советской власти воспитатели. Так, в июне 1918 года была уволена учительница Зинаида Савельева, переведенная из бывшего Мариинского приюта в бывшее Ольгинское трудовое убежище, которая заявляла, что комиссариат соцобеспечения, как и вся советская власть, построена на шпионаже³⁷⁴. Любое высказывание недовольства властью или сомнение в правильности партийных решений, критика действительности или сомнение в неизбежной победе коммунизма беспощадно наказывалось немедленным увольнением.

³⁷² ГАТО. Ф. Р-1566. Оп. 1. Д. 7. Л. 39.

³⁷³ Там же. Д. 9. Л. 126.

³⁷⁴ Там же. Л. 49.



Детский дом имени Ленина (№ 1)
(из фондов Тамбовского областного краеведческого музея)

Но места уволенных сотрудников все же надо было кем-то заполнять. Власти пытались изначально использо-

вать для работы в «новых» детских домах и воспитанниц бывшего института благородных девиц. Воспитанницам старших классов дома социального обеспечения № 1 было разрешено работать безвозмездными помощниками воспитателей в детдомах № 3, 4, 12 в свободное от занятий время, чтобы получить практику для своего будущего³⁷⁵. В октябре 1918 года пять таких воспитанниц были приняты на работу воспитательницами. Охотно принимались на образовавшиеся вакансии воспитательниц и бывшие учительницы. Так, в ноябре того же года учительница Больше-Лозовской школы Вера Ивановна Михайлова принята на должность воспитательницы³⁷⁶. Все кандидатуры проходили «строгое» согласование, и их возможное назначение сопровождалось обязательной проверкой и перепиской с уточнением их мировоззрения, верности новым социалистическим идеям.

Еще одной характерной чертой развития кадровых «перемен» в детских социальных учреждениях было написание руководящих должностей лицами с криминальным сознанием и наклонностями. Сохранились многочисленные зафиксированные свидетельства о том, что кадры учреждений и отделов социального обеспечения соответствовали духу времени, отличались проявлениями анархизма, вседозволенности и насилия. В уездах Тамбовской губернии, где особенно сильным был кадровый голод, случайные, нередко криминальные элементы охотно интегрировались во властные структуры и пополняли управленческий аппарат детских учреждений. Не случайно, в мае 1919 года на заседании Липецкого уездного комитета РКП(б) специально обсуждался вопрос о местном отделе социального обеспечения. Бывший заведующий отделом социаль-

³⁷⁵ ГАТО. Ф. Р-1566. Оп. 1. Д. 7. Л. 57.

³⁷⁶ Там же. Л. 109.

ного обеспечения Архангельский за убийство милиционера Проскурина был исключен из партии и отдан под суд.

Другой заведующий отделом Романов был снят с должности и подлежал мобилизации в армию. Его предшественник Истомин «допускал разнузданность и пьянство в приютах и воспитательном доме», занимался «развратом, пьянством и картежной игрой по приютам и в воспитательном доме»³⁷⁷. Было принято решение «исключить его из партии коммунистов (большевиков) и предать его суду революционного трибунала» за преступления по должности³⁷⁸. Такая кадровая чехарда являлась вполне привычной, и новые «советские номенклатурщики» вполне успешно перепрыгивали с должности на должности, имея часто недостаточное представление, а чем же они и как управляют.

По справедливому наблюдению А.А. Дика, жизнь воспитанников детских домов напрямую зависела от воспитателей и обслуживающего персонала этих учреждений. Среди работников детских учреждений 1920-х годов было немало воспитателей, преданных своему делу, но встречались и те, кто небрежно относился к своей профессии³⁷⁹. Из писем в редакцию газеты «Тамбовская правда» в 1922 году стало известно о «пьяных загулах» заведующего Бондарским детдомом³⁸⁰. Такое поведение руководителя детского дома было нередким. Работники детских домов, разбросанных по губернии, чувствовали удаленность своих учреждений от губернского центра и контролирующих органов, «купивались свободой». Так, губернский отдел ГПУ в своей информационной сводке по Кирсановскому уезду за 30

³⁷⁷ ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 222. Л. 23.

³⁷⁸ Там же. Л. 24.

³⁷⁹ Дик А.А. Учреждения для беспризорных детей в Тамбовской губернии 20-х гг.: реалии повседневной жизни // Труды кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического университета: сб. науч. тр. Вып. IV. СПб.: Нестор, 2006. С. 114.

³⁸⁰ ГАТО. Ф. Р-1499. Оп. 2. Д. 5. Л. 2.

сентября – 6 октября 1922 года отмечал повсеместное грубое обращение с детьми, применение репрессивных мер путем раздевания догола, невыдачи пищи³⁸¹. Тамбовские чекисты были взволнованы фактическим издевательством над несчастными детьми и информировали властные структуры о творящихся безобразиях и преступном поведении «новых советских воспитателей».

Совершенно справедливы оценки Т.С. Смирновой о том, что сотрудники детских учреждений делились в основном на две категории: энтузиасты своего дела и случайные люди, в число которых входил и уголовный элемент. Первых, к сожалению, оказалось меньшинство. Подавляющую часть персонала детских домов составляли люди, которым просто надо было где-то работать, как-то обеспечивать себя и свои семьи³⁸².

Все же наиболее кардинальные изменения кадрового состава детских учреждений стали происходить после постановления Совнаркома о выведении из отделов социального обеспечения в отделы народного образования всех приютов и детских учреждений с детьми от 6 до 17 лет³⁸³. В программной статье «К вопросу о подготовке школьных работников», опубликованной в марте 1919 года, отмечалась важность проведения специальных курсов по подготовке «новых школьных работников», которые призваны «работать в условиях претворения в плоть и кровь идей коммунизма, должны обладать материалистическим мировоззрением»³⁸⁴. Весьма четким был и принцип отбора на должность в детские учреждения: «Не коммунистически

³⁸¹ ГАТО. Ф. Р-1500. Оп. 1. Д. 51. Л. 221.

³⁸² Смирнова Т. С. Дети страны Советов: от государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1940 гг. Москва; Санкт-Петербург, 1915. С. 227.

³⁸³ ГАТО. Ф. Р-1566. Оп. 1. Д. 16. Л. 1.

³⁸⁴ А. К вопросу о подготовке школьных работников // Вестник просвещения. 1919. № 3-4. С. 7.

мыслящему работнику в условиях текущего момента не может быть места в школах Советской Республики»³⁸⁵.

В этом же номере губернского «Вестника просвещения» о своих претензиях к состоянию детских приютов, перешедших по наследству подотделу соцвоса (социального воспитания) от старого режима, заявила и Е. Васильева. По оценкам новой руководительницы – заведующей подотделом губернского соцвоса гунаробраза, предстояла огромная работа, «чтобы вычистить Авгиевы конюшни, где еще пахнет начальничеством, угодничеством, ...где все вертится вокруг маленьких дряг и где еще ни разу центром внимания не был ребенок и вопросы, связанные с его воспитанием»³⁸⁶. Для подтверждения своих доводов Е. Васильева приводила результаты проведенной в октябре 1918 года ревизии детских учреждений в городе Тамбове: «В Губотделе Социального Обеспечения дело поставлено из рук вон плохо. *Остались даже прежние дамы патронессы*. Ребята в приютах голодают, ходят раздетые, *несмотря на массу тратящихся средств*». Большая часть служебного персонала – это швейцары, няни, швеи, прачки, уборщики и уборщицы, повара, дворники, кухарки, истопники и т. п.

Региональные функционеры от образования считали, что собственно воспитателей чрезвычайно мало. Так, на «Дом Революции», где помещались два приюта, на 534 воспитанника и воспитанниц приходилось только около пятнадцати воспитателей. В доме имени Бебеля вообще не было воспитательниц, кроме заведующей, которая практиковала хождение детей в церковь, а главным занятием было обучение рукоделию, чтобы готовить детей к «прислуживанию зажиточным». Советские управленцы откровенно призывали избавиться от бывших классных дам и классных

³⁸⁵ А. К вопросу о подготовке школьных работников // Вестник просвещения. 1919. № 3-4. С. 8.

³⁸⁶ Там же. С. 13.

наставников в силу их «полной неподготовленности, почти полной негодности»³⁸⁷.

Приводились примеры вопиющих безобразий в детских приютах, что должно было подтвердить некомпетентность педагогов и воспитателей. В отчете о Мариинском приюте за октябрь 1918 года отмечалось, что дети не доедали, были плохо одеты и заброшены, оставались без присмотра: «При входе в приют, первое, что бросается в глаза – одинокие фигурки, сидящие вдоль стен с согнутыми коленями и прижатými к ним подбородками. Вид апатичный. Выводит их из этого состояния только еда – единственная радость в их жизни. Очевидно, из желания протянуть эти минуты наслаждения, дети не съедают все за столом, а уносят в виде запасов за пазухой часть еды (кашу, мясо и т. п.). Суп они *выпивают*, потому что ложек не хватает для всех, а вместо того, чтобы дождаться ложки своего товарища, – проще вылить себе суп прямо в рот из тарелки; при этом платье получает свою порцию, о чем свидетельствует его грязный и засаленный вид... В промежутках между едой дети занимаются добыванием сырой картошки, капусты и всяких отбросов, которые уничтожаются с жадностью»³⁸⁸ (данные проверок показали, что детские дома получали лишь 10 % продуктов, которые полагались при детском питании).

В ноябре 1919 года Тамбовский губернский подотдел социального воспитания потребовал немедленно приступить «к перевыборам всех воспитательских персоналов в детских домах, приютах, колониях, других детских учреждениях, находящихся на территории уезда»³⁸⁹. Пожалуй, наиболее красноречивым был ответ одного из уездных от-

³⁸⁷ А. К вопросу о подготовке школьных работников // Вестник просвещения. 1919. № 3-4. С. 14.

³⁸⁸ Там же. С. 14.

³⁸⁹ ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 213. Л. 21.

делов образования Тамбовской губернии: «Отдел народного образования сообщает, что произвести перевыборы воспитательного персонала в детских домах, приютах и колониях не пришлось, так как указанного персонала в детских учреждениях совершенного не было»³⁹⁰. Для работников в уездах часто совершенно непонятны и нереалистичны были распоряжения из губернских органов управления, не говоря уже о декретах Совнаркома. Это были как будто разные миры и совершенно другие понятия, термины и указания. В этом крылось одно из самых главных противоречий политики управления Советской России: центр часто не знал жизни глубинки, не пытался понять, как же живет провинция, и требовал лишь следовать в фарватере неизбежных реформ и реорганизаций.

Кадровые перемены хорошо отражены в немногочисленных мемуарах современников, работавших в детских домах в Тамбовской губернии. Именно эти личные источники позволяют реконструировать, восстановить кадровые катаклизмы в системе социального воспитания первого десятилетия советской власти.

Один из таких очевидцев эпохи – Николай Иванович Сомов – работал в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. в Тамбовском епархиальном училище. Но революционные события 1917 года, ломка и реорганизации всех учебных заведений Тамбовской губернии привели к тому, что уже к середине 1918 года опытные преподаватели и воспитатели практически всех образовательных и воспитательных учреждений региона теряли работу и оставались совершенно без средств к существованию. Некоторые преподаватели и воспитатели подавали заявления в губнаробраз, заявляя о готовности работать в любом качестве при новой системе образования, другие устраивались бухгалте-

³⁹⁰ ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 213. Л. 23.

рами, библиотекарями и пр.³⁹¹ В воспоминаниях Н.И. Сомова указывается, что «...в детских домах было плохо с питанием и материальным обеспечением»³⁹².



Пионеры детского дома № 4 имени Н.К. Крупской в лагере. 1929 г.
(из фондов Тамбовского областного краеведческого музея)

Лидия Николаевна Малявина, судя по воспоминаниям ее воспитанников, в 1919 году окончила воронежскую гимназию и вскоре переехала в Тамбов, где начала работать в одном из детских домов воспитательницей, но уже через несколько недель была назначена заведующей. Когда этот детский дом № 1 был расформирован, то ее перевели воспитательницей в детский дом имени Чичканова, на-

³⁹¹ Сомов Н.И., Костина И.Н. О времени и о себе. Страницы жизни старого тамбовского педагога Николая Ивановича Сомова. Тамбов, 2009. С. 10.

³⁹² Там же. С. 14.

званный так в честь погибшего от «бандитов» одно из большевистских лидеров Тамбовской губернии. Заведовала этим детским домом его сестра Зинаида Дмитриевна Чичканова. После своего скорого отъезда в Москву она рекомендовала на должность новой заведующей детским домом «товарища Малявину»³⁹³. До 1923 года она была директором этого детского дома. В 1925 году так называемые «карликовые» детские дома г. Тамбова были объединены в один детский дом № 5 с контингентом воспитанников 360 человек. Л.И. Малявина была переведена туда вначале заведующей учебной частью, а потом, после перевода директора в Москву, сама возглавила это учреждение социально-го воспитания.

Спустя четыре года, в 1929 году, в газете «Тамбовская жизнь» появилась статья «Араповский кошмар», в которой сообщалось о преступном поведении руководства Араповского детского дома, когда расхищалось имущество детского дома, детей плохо кормили, и они бродили по лесам. Но в центр, как это было принято, посылались доклады о полном благополучии и порядке в детском учреждении. Заметим, что это тоже была вполне типичная ситуация, когда местные руководители рапортовали и сообщали лишь о позитивных результатах обучения и воспитания, которых могло и не быть. В результате руководство детского дома было отдано под суд, а Л.Н. Малявина и четыре других опытных воспитателя были направлены в качестве «педагогического десанта» в это неблагополучное детское учреждение. Вскоре «тамбовские товарищи», используя почти «макаренковские» методики, смогли наладить обучение и воспитание в детском доме, вернули его повседневную жизнь в нормальное спокойное русло.

³⁹³ *Гарбарев В.Е.* Большая семья. М.: Госучпедиздательство, 1949. С. 8-9.



г. Тамбов. Детский дом № 8. Кабинет директора
(из фондов Тамбовского областного краеведческого музея)



г. Тамбов. Детский дом № 8. Зал
(из фондов Тамбовского областного краеведческого музея)



г. Тамбов. Детский дом № 8. Лестница
(из фондов Тамбовского областного краеведческого музея)



г. Тамбов. Детский дом № 8. Спальня
(из фондов Тамбовского областного краеведческого музея)



г. Тамбов. Детский дом № 8. Учебный кабинет
(из фондов Тамбовского областного краеведческого музея)

Третья судьба воспитательницы детского дома отражена в воспоминаниях, которые оставила ее дочь Т.И. Коробьина. В ноябре 1918 года она вместе с матерью приехала из Москвы в Тамбовскую губернию, где находились две детские колонии для детей-беженцев из Западных губерний. Заметим, что такие «отправки» детей детских домов из столицы, северных или голодающих губерний не были исключением, а являлись привычными и обыденными. Тамбовщина считалась богатой хлебом и другими припасами, что сослужило ей плохую службу. Выкачки хлеба, нескончаемая продрозверстка привели к катастрофическим последствиям уже в начале 1920-х гг.

Из столицы очень часто поступали директивы, которые не могли быть выполнены, но они демонстрировали некомпетентность, высокомерие и заносчивость «московских товарищей». В мае 1919 года Председатель Совета защиты детей направил в Тамбовский губнаробраз письмо, в котором сообщилось о планах направить в Тамбовскую губернию более 7000 детей из Москвы, Московского уезда, Череповецкой и Новгородской губернии. Совет просил сообщить о времени оборудования колоний и телеграфировать, когда можно присылать детей и в какие пункты. В письме из Москвы грозно указывалось: «Все организации, работавшие и продолжающие работать в Тамбовской губ., должны подчиняться настоящему положению, прекратить сепаратную работу по организации колоний и предоставить результат своей работы в Тамбовскую смешанную комиссию по колониям»³⁹⁴. Впрочем, и местные власти пытались вывести из губернского центра в деревни и собственные детские дома. В январе 1919 года подоотдел социального воспитания проводил обследование и подготовку имений по Тамбовской губернии для устройства в них детских домов и колоний. Причиной этого являлось стрем-

³⁹⁴ ГАТО. Ф. 1404. Оп. 1. Д. 92. Л. 225-226.

ление разгрузить губернский центр ввиду продовольственного кризиса, эпидемий и критического положения квартирного вопроса в связи с формированием прифронтовой базы в Тамбове.

Автор воспоминаний указывает, что «мы испытали все «прелести» Гражданской войны: налеты банд, голод, сыпной тиф. Колония размещалась в двух усадьбах, в Воронцовке и Знаменке, и маме приходилось ходить и ездить туда и сюда. Надежды на безопасность не оправдались, потому что уже через полгода Тамбовская губерния оказалась «прифронтовой зоной» – с юга наступали деникинцы. Из-за этого колония переехала подальше от фронта, в Оторму. Мне в ту пору было 7–8 лет, маме – 34–35... Воспитателей, как таковых, не было, кроме очень милой и доброй Фани Карловны. Она приехала из Москвы с приютскими девочками и все время старалась держать их около себя. Они без конца плели из старой бумаги коробочки, корзинки, даже домики и паровозы... Главным лицом была Лидия Михайловна Никитина, заведующая колонией. Она была коми-зырянка из Сыктывкара. Не знаю, почему и как она попала в колонию. Была она очень энергична, требовательна, даже сурова. Ну, и мама моя тоже была там и доктором, и воспитательницей, и вообще «тетей Ниной»³⁹⁵.

В воспоминаниях отражена еще одна типичная ситуация, когда воспитателями, нянечками или медицинскими работниками назначались женщины, чьи дети уже находились в детских домах или колониях. «Летом 1919 года приехала из Москвы мать трех сестер (Поли, Дуси и Вари) и осталась работать нянечкой, а чуть позже – мать Кати и Бориса, Вера Николаевна Устинова. Она тоже осталась и

³⁹⁵ Детская колония в Тамбовской губернии в период Гражданской войны (1918–1920). Воспоминания Т.Ю. Коробьиной. 1974 г. URL: <http://www.domarchive.ru/chronica/307>

работала медицинской сестрой»³⁹⁶. В материалах тамбовских архивов сохранилось немало прошений матерей, соглашавшихся работать в детских домах, чтобы находиться рядом со своими детьми.

Все же новые власти прилагали усилия по подготовке кадров для детских домов и дошкольных учреждений. Так, в начале 1919 года уездный отдел народного образования в г. Лебедянь открыл курсы для подготовки работников по дошкольному образованию. Лицам, которые успешно оканчивали курсы, предоставлялись места в детских учреждениях³⁹⁷. Аналогичные курсы открывались в других уездах Тамбовской губернии.



Дом, в котором жили колонисты в Канищеве. 1920 год
(из фондов Тамбовского областного краеведческого музея)

³⁹⁶ Там же.

³⁹⁷ Вестник просвещения. 1919. № 4. С. 18.



Колонисты привезли воду. Канищево. 1923 год
(из фондов Тамбовского областного краеведческого музея)



Канищево. Работа по хозяйству. 1924 год
(из фондов Тамбовского областного краеведческого музея)



Колонисты в Канищеве. 1925 год
(из фондов Тамбовского областного краеведческого музея)

Среди работников и педагогического персонала этого периода наблюдалась явная гендерная диспропорция. Мужчины неохотно шли на должности, которые мало или почти не оплачивались. Кроме того, мобилизации мужчин на «защиту революции» «выкашивали» педагогические кадры и не давали перспективы брать в детские дома на работу мужчин. В июне 1919 года губнаробраз обратился в Наркомпрос с просьбой к Реввоенсовету об освобождении от призыва на военную службу хотя бы 50 % от состава слушателей педагогических курсов³⁹⁸. Ответа на эту просьбу получено не было...

Региональные власти все же не оставляли надежд каким-то образом «утолить» кадровый голод. В связи с военной и трудовой мобилизацией во всех учреждениях рабо-

³⁹⁸ Вестник просвещения. 1919. № 5-7. С. 38.

тали в основном женщины, а в детских домах количество мужчин-руководителей составляло лишь 2–3 %. В конце августа 1920 года в Тамбове открылись специальные курсы «Сестер и братьев социальной помощи и руководителей детских домов»³⁹⁹. Однако власти никак не решали проблемы с оплатой труда работников образования и воспитателей детских домов.

С ноября 1920 года в соответствии с декретом СНК большинство школ было передано на содержание трудовому населению. На заседаниях губисполкома констатировалось, что «крестьянство с подорванным урожаем и бандитизмом хозяйством слабо откликнулось на призыв помочь народному образованию. Школьные работники не получали ни от государства, ни от населения»⁴⁰⁰. Губоно работало по штатам, выработанным и утвержденным губисполкомом 29 марта 1921 года, затем шли постоянные сокращения штата. Спустя год штаты работников в учреждениях социального обеспечения и в детучреждениях были «сокращены до крайности. Вся работа с детьми свелась практически к призору»⁴⁰¹.

В конце 1921 года положение с жалованьем педагогических работников стало катастрофическим. Так, школьные работники почти совершенно не получали продуктов питания (им выделяли лишь 2–3 раза в год по 12 фунтов муки), и среди них наблюдались случаи нищенства⁴⁰². Учителя и воспитатели голодали и не имели возможности иного заработка и поддержки. Многие просто уходили из про-

³⁹⁹ ГАТО. Ф. Р-7512. Оп. 1. Д. 109. Л. 31.

⁴⁰⁰ Тамбовский губернский исполнительный комитет. Краткий обзор народного хозяйства Тамбовской губернии за 1921–1922 гг. Тамбов, 1922. С. 27.

⁴⁰¹ Там же. С. 30.

⁴⁰² Отчет Совету труда и обороны за период с 1 октября 1921 по 1 апреля 1922 г. Тамбов, 1922. С. 161.

фессии, после того как им в течение 1919–1921 гг. совершенно не выплачивали жалование.

Весьма остро проблемы с состоянием детских домов и их кадровым обеспечением обсуждались 22–26 августа 1921 года на губернской конференции работников детских домов. Представитель губсоцвоса Покровский в своем докладе откровенно «обрисовал положение детских домов в прошлом и картину тяжелого настоящего. Ввиду неблагоприятного положения в связи с продовольствием, с отсутствием оборудованных помещений, с огромнейшим недостатком подготовленных работников, с одной стороны, и с другой – стихийного наплыва всякого рода обездоленных детей местного края и детей голодного Поволжья, – работа в будущем предстоит очень тяжелая... важно сохранить и поддержать идею общественного воспитания посредством детских домов»⁴⁰³. Завгуботделением детдомов Травина отметила, что «главное препятствие – это недостаток умелых работников... Было запланировано открыть в губернии 120 детдомов, но по разным причинам, а главным образом по случаю неурожая и бандитизма, оказалось возможным открыть только 58 детских домов, между тем число детей, нуждающихся в приеме, с 7000 возросло более чем в два раза»⁴⁰⁴.

Выступающие указывали на «тотальную необеспеченность сотрудняками, до 25 % недостаток. Управление детскими домами неодинаковое – где единоличное, где коллективное. В одних домах руководит всей жизнью завхоз, в других – завдом»⁴⁰⁵. В последующие годы картина с обеспечением кадрами решалась недостаточно эффективно, и это было одной из самых главных проблем в системе социального воспитания после недостатка финансирования. В

⁴⁰³ ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 497. Л. 2.

⁴⁰⁴ Там же. Л. 2.

⁴⁰⁵ ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 497. Л. 2 об.

1920-е гг. началась подготовка работников образования на педфаке и педагогическом техникуме, но кадровый голод сохранялся достаточно долго, и главной проблемой оставалась квалификация и профессиональные качества воспитателей советских детских домов. Изгнание «бывших» воспитателей и классных дам, всех, кто имел опыт работы с детьми-сиротами, еще долго аукался в развитии системы социалистической педагогики и дидактики, методики и психологии, образования и воспитания.

II.3. Жизнь и судьба детей-сирот в годы Гражданской войны

Тамбовская губерния не являлась ареной сражений Белой и Красной Армии, но здесь размещались штабы Реввоенсовета, концентрировались войсковые соединения, организовывалось снабжение военных частей, проводились нескончаемые мобилизации. Но все же главным событием кровопролитной Гражданской войны явилась «антоновщина», размах и влияние которой на судьбы жителей региона и страны в целом были огромными. Крестьянская война под предводительством А.С. Антонова имеет богатый историографический и источниковедческий задел⁴⁰⁶. Изданы сотни работ российских и зарубежных авторов, в которых тщательно изучались лидеры крестьянского движения⁴⁰⁷,

⁴⁰⁶ Антоновщина. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920–1921 гг. / отв. ред. Л.Г. Протасов. Тамбов: Гос. архив Тамбовской обл., 2007; Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. («Антоновщина»): Документы и материалы / В. Данилов, С. Есиков, В. Канищев, Л. Протасов. Тамбов: Ред.-изд. отдел, 1994.

⁴⁰⁷ Сенников Б.В. Тамбовское восстание 1918–1921 гг. и раскрестьянивание России 1929–1933 гг. Сер. «Библиотечка россияведения».

применение химического оружия против повстанцев⁴⁰⁸, но «детско-юношеские» сюжеты «антоновщины» оказались недостаточно исследованы⁴⁰⁹.

Кровавый молох крестьянского сопротивления неслыханному и катастрофическому давлению продотрядов, унижений со стороны комиссаров и региональной большевистской элиты, слом традиционного уклада жизни и этноконфессиональных традиций, привычек аграрного социума нес анархию и голод, разрушал семьи и социально-общественные отношения на Тамбовщине.

Не вдаваясь в подробности ярких и трагических страниц «антоновского восстания», которое власти однозначно называли бандитским, контрреволюционным, антисоветским, а сами повстанцы – освободительным движением, можно заметить, что репрессии касались всех, кто прямо или косвенно был причастен к восстанию. Это были не только члены семей «бандитов», которые ушли или которых насильно увели в свои отряды восставшие крестьяне. Это были и те, кто жили рядом, находились неподалеку,

Вып. 9. М.: Посев, 2004; Тамбовское восстание 1920–1921 гг.: исследование, документы, воспоминания / под ред. А.В. Посадского. М.: АИРО–XXI, 2018; *Самошкин В.В.* Антоновское восстание. М.: Рус. путь, 2005.

⁴⁰⁸ *Bobkov A.S.* On the Issue of Using Asphyxiating Gas in the Suppression of the Tambov Uprising // *The Journal of Slavic Military Studies*. 2012. Vol. 25. № 1. P. 65-104.

⁴⁰⁹ *Щербинин П.П.* Дети русско-японской, подростки Первой мировой... Этапы взросления участников революции 1917 г. и Гражданской войны // Центр и периферия. 2015. № 3. С. 18-24; *Его же.* «Антоновщина» сквозь призму восприятия детей и подростков: выбор жизненного пути и его последствия в первой четверти XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 6 (80). Ч. 2. С. 113-115; *Елисеев В.* Дети после «Антоновщины» // Посев. 2013. № 7 (1630). С. 42-46; *Елисеев В.В.* Детство за колючей проволокой // *Filo Ariadne*. 2017. № 4.

кто когда-то покормил или дал ночлег нередко незваному, незнакомому «гостю» из леса.

Для нейтрализации восстания военные власти применяли тактику «выжженной земли», расстреливая родственников ушедших к «бандитам» крестьян, сжигая дома повстанцев, арестовывая и помещая в концентрационные лагеря членов их семей.

Нельзя не согласиться с утверждением авторов сборника «Дети ГУЛАГА» о том, что, придя к власти, большевики стали смотреть на детей из социально чуждых им слоев общества, как на политических противников. Их брали в заложники, мучили, убивали. Казалось бы, что общего между царскими и крестьянскими детьми? Но прошло совсем немного времени после расстрела царской семьи, и «во имя счастья трудящихся» стали брать в заложники и уничтожать крестьянские семьи, включая даже грудных младенцев⁴¹⁰.

Как же могли попасть в концлагеря дети? Насколько «эффективной» была система помещения в концлагеря членов семей «бандитов» и ушедших в леса крестьян? Что происходило в этих лагерях, и каковы были судьбы юных арестантов? Каким образом «антоновщина» повлияла на детское сиротство? Постараемся понять причины и поводы «давления» советской власти на детей, уточнив перспективы «детоубийства» и репрессий в отношении детей повстанцев. Но важно подчеркнуть, что в условиях Гражданской войны под раздачу и расправы попадали и члены семей коммунистов, комиссаров, местных активистов. По сути, дети несли полную ответственность за своих родителей, которые часто сами не понимали, в каком статусе они находятся, за что воюют и с кем сражаются.

⁴¹⁰ Дети ГУЛАГА. 1918–1956 / под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. С.С. Виленский и др. М.: МФД, 2002. URL: <http://deti-gulaga.blogspot.com/>

Как указывает О.В. Безай, с началом Гражданской войны у коммунистической власти возникла необходимость в создании мест заключения для изоляции своих политических противников. В апреле 1919 года Президиум ВЦИК принял решение об организации лагерей принудительных работ (концлагерей), а в мае одобрил инструкции о содержании там «социально-чуждых элементов»⁴¹¹. Важно заметить, что такие лагеря могли создаваться по решению губернских властей без согласования с центром.

Маховик политических репрессий и революционной вакханалии набирал обороты, и все больше детей в Тамбовской губернии становились сиротами и беспризорными. Не случайно уже 12 октября 1920 года завгубнаробраза в докладе в губисполком указывал, что подотдел охраны детства, учитывая «чрезвычайную трудность переживаемого момента и в силу этого быстрый рост детской беспризорности и колоссальное стремление широких масс населения поместить детей в детские дома, в частности особую остроту положения в настоящее время в связи с обязательным приемом в детские дома сирот, оставшихся на полный произвол судьбы после убитых и замученных бандитами партийных советских работников, с необходимостью принимать в детские дома детей, родители которых в силу малой сознательности примкнули к числу восставших и массовым поступлением детей – участников бандитского восстания (так, 30 сентября 1920 года в губнаробраз было приведено свыше 70 детей, участвовавших в восстании), констатирует абсолютную невозможность удовлетворить всю потребность размещения детей и подростков, если в

⁴¹¹ *Безай О.В.* Использование концлагерей в ходе подавления Тамбовского восстания 1920–1921 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2018. № 8. С. 19. URL: www.gramota.net/materials/9/2018/8/3.html

самом срочно порядке не будут предоставлены в распоряжение губнаробраза новые здания, могущие подойти под детские дома»⁴¹².

Было признано необходимым: использовать помещение ремесленно-воспитательной школы для нравственно дефективных детей, находящееся на Набережной № 10, для организации детского дома для детей участников восстания. По мнению участников совещания «...эта категория детей требует выделения их в особое помещение от прочих и применения особых мер педагогического воздействия»⁴¹³.

Власти рассчитывали, что «малолетние» дети, члены семей примкнувших к «бандитам» крестьян будут распределяться в детские дома до конца Гражданской войны⁴¹⁴. Однако вскоре стало понятно, что таких детей из «бандитских семей» слишком много, да и для их отцов была бы более «понятна и доходчива» в качестве меры устрашения система заложничества. С весны 1921 года в наскоро оборудованных губернским управлением принудительных работ концентрационных лагерях для заложников наряду со взрослыми в большом количестве содержались женщины и дети.

Так, в Кирсановском уезде был организован во время борьбы с «бандитами» временный лагерь, и за период 5-месячного существования там пребывало около 1200 человек⁴¹⁵. По сообщениям властей, кроме этого в уезде преступные дети изолировались и направлялись в приемник для дефективных детей⁴¹⁶.

⁴¹² ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 328. Л. 2.

⁴¹³ Там же. Л. 2.

⁴¹⁴ ГАТО. Ф. Р-179. Оп. 1. Д. 1032. Л. 32.

⁴¹⁵ Отчет Тамбовского губернского экономического совещания Совету труда и обороны за период с 9 февраля по 1 октября 1921 г. Тамбов, 1921. С. 20.

⁴¹⁶ Там же. С. 24.

Самой предпочтительной формой заложничества власти считали содержание жен и детей повстанцев в концентрационных лагерях. Эта практика активизировалась после назначения на должность командующего всеми вооруженными силами Тамбовской губернии М.Н. Тухачевского. В своем письме в ЦК РКП(б) от 20 мая 1921 года он указывал, что «совместно с боевыми действиями необходимо создавать резкий перелом в настроении крестьянской среды. Для этого, прежде всего, надо ударить по хозяйственным интересам крестьянства. Для этого решено семьи бандитов сажать в концентрационные лагеря, и в случае неявки бандита отправлять их вглубь РСФСР»⁴¹⁷.

В Тамбовской губернии создавались стационарные и полевые концентрационные лагеря: 1) № 1 в г. Тамбове; 2) № 2 в Тамбовском уезде, в помещении бывшего Трегужаевского монастыря; 3) № 3 в Борисоглебске; 4) № 4 Борисоглебский полевой; 5) № 5 Моршанский⁴¹⁸. В других источниках указывается, что было 7, а позже 10 концентрационных лагерей⁴¹⁹. Работа концлагерей переводилась на самоокупаемость и была направлена на изыскания средств путем использования труда заключенных на работах и на организацию производственной деятельности и сельского хозяйства. С июля 1921 года фактически не получалось никаких денежных ассигнований, образовалась значительная

⁴¹⁷ Цит. по: *Безай О.В.* Использование концлагерей в ходе подавления Тамбовского восстания 1920–1921 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2018. № 8. С. 19.

⁴¹⁸ Тамбовский губернский исполнительный комитет. Краткий обзор народного хозяйства Тамбовской губернии за 1921–1922 гг. Тамбов, 1922. С. 58.

⁴¹⁹ *Елисеев В.* Дети после «Антоновщины» // Посев. 2013. № 7 (1630). С. 42–46; *Елисеев В.В.* Детство за колючей проволокой // *Filo Ariadne*. 2017. № 4.

задолженность, и в лагерях создалось критическое положение: голод и заболевания тифом, холерой и т. п.

Все концентрационные лагеря были схожи между собой: «солдатские палатки, обнесенные проволочными заграждениями». Поступавшие в лагеря «бандиты» и члены их семей подлежали селекции. «Бандитов» отправляли вглубь страны в другие лагеря «по мере накопления», а заложников после двухнедельного пребывания. Если «бандит» в течение этого срока являлся с повинной и сдавался властям, то его семья освобождалась. Но важно понять, куда он мог возвратиться, если дома ушедших в леса или уведенных туда «антоновцами» крестьян безжалостно сжигали «оккупационной армией» М. Тухачевского?

Местные власти признавали, что в концлагеря поступало большое количество детей «с самого раннего возраста, даже грудные». Содержание малолетних детей ставило «администрацию лагерей в самое затруднительное положение»⁴²⁰. По оценкам В.В. Елисеева, только 20 июня 1921 года в концлагеря поступило до шести тысяч заключенных, большинство из которых являлось детьми⁴²¹. Именно дети были больше всего подвержены массовым заболеваниям. Росла и детская смертность.

В Тамбовской губернии была создана междуведомственная комиссия по содержанию детей-заложников в концлагерях, на которой обсуждались различные «детские» проблемы. 27 июня 1921 года было постановлено: «Ввиду большого наплыва в концентрационно-полевые лагеря малолетних, начиная с грудных детей, и непригодностью этих лагерей к длительному содержанию детей, последствием чего явились заболевания желудочного и простудного характера, признать необходимым в самом сроч-

⁴²⁰ ГАТО. Ф. Р-4049. Оп. 1. Д. 34. Л. 35.

⁴²¹ Елисеев В.В. Детство за колючей проволокой // *Filo Ariadne*. 2017. № 4.

ном порядке принять нижеследующие меры к улучшению положения детей:

А. Детей-заложников до 15-летнего возраста включительно содержать отдельно от взрослых в особых помещениях, жилых домах или бараках, отнюдь не в палатках – по возможности в черте лагеря... При детях-заложниках до 3-летнего возраста включительно имеют право находиться их матери-заложницы.

Б. Пищевым довольствием дети-заложники должны удовлетворяться по нормам, установленным в соответствии возрасту детей в домах матери и ребенка и в детских домах»⁴²².

Спустя пять дней, 31 июля 1921 года, на четвертом заседании комиссии по делам о содержании детей-заложников в концентрационно-полевых лагерях Тамбовской губернии присутствовали: председатель комиссии товарищ Погурский, члены: Белугин, Васильева, Лукина и Семенова и секретарь Вакар. На повестке дня было заслушивание докладов с мест. По предложению Е. Васильевой комиссия большинством голосов 3-х против двух дополнила повестку вопросом о разгрузке концлагерей от заложников, не подлежащих в них содержанию⁴²³.

«Постановили:

а) Обратиться в Особый Отдел с просьбой пересмотреть в первую очередь дела тех заложников, которые не подлежат содержанию в концлагерях согласно инструкции Полномочной комиссии ВЦИК, то есть беременных женщин и малолетних детей.

б) Предложить представителям местных межведомственных комиссий в срочном порядке произвести срочную перепись беременных женщин, грудных младенцев, круглых сирот и детей-заложников, взятых за родственников,

⁴²² ГАСПИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 1039. Л. 111.

⁴²³ ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 328. Л. 3.

которые уже явились, и представить данные переписи в органы Особого Отдела»⁴²⁴.

Уполномоченная по улучшению жизни детей в Тамбовской губернии Е. Васильева привела в своем докладе сведения о количестве детей, содержащихся в концлагерях Тамбовской губернии на 1 августа 1921 года (см. табл.).

Понятно, что данные сведения не могли быть абсолютно точными, так как они предоставлялись в центр с большим опозданием, тогда как в лагерях происходили постоянные перегруппировки в отношении заложников, к которым и относились находившиеся в лагерях дети⁴²⁵.

Наименование концлагерей	Детей до 3-х лет	Детей до 5 лет	Итого
Тамбовский № 1	74	147	221
Тамбовский № 2	3	–	3
Борисоглебский № 4	25	76	101
Моршанский № 5	3	8	11
Козловский № 7	10	15	25
Кирсановский № 8	130	50	180
Инжавинский № 9	2	12	14
Сампурский № 10	150	450	600
Всего	297	758	1155

Понятно, что данные сведения не могли быть абсолютно точными, так как они предоставлялись в центр с большим опозданием, тогда как в лагерях происходили постоянные перегруппировки в отношении заложников, к которым и относились находившиеся в лагерях дети⁴²⁶.

Однако вопреки требованиям об отправке детей из семей заложников в детские приемники они нередко про-

⁴²⁴ ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 328. Л. 3.

⁴²⁵ РГВА (Российский государственный военный архив). Ф. 33988. Оп. 2. Д. 315. Л. 256.

⁴²⁶ Там же. Л. 256.

должали содержаться в концлагерях вместе со взрослыми. Даже после проведения кампании по разгрузке концлагерей к осени 1921 года (восстание к тому времени было практически подавлено, и заложники с маленькими детьми были распущены по домам) там все еще находилось свыше 450 детей-заложников в возрасте от 1 до 10 лет⁴²⁷.

Опасаясь массовых эпидемий – тифа, дизентерии и холеры – власти продолжали «разгружать концентрационные лагеря», передавая матерей с детьми на места проживания, сообщая ревкомам, которые должны были брать их на учет. Таким образом, заложники, как члены семей «бандитов», переходили под контроль местных карательных структур. Наиболее «опасные», по мнению властей, семьи «бандитов» высылались в различные районы Советской России.

Конечно, учитывая проявления беспощадного русского бунта, ожесточение и кровавость схваток Гражданской войны, важно понимать, что сиротами становились не только дети восставших крестьян, но и дети коммунистов, милиционеров, продотрядовцев, чекистов, всех, кто активно поддерживал коммунистический режим. Несколько тысяч коммунистов и членов их семей подверглись жестоким расправам разъяренных местных жителей. В Гражданской войне все получали право на насилие и сполна реализовывали свои обиды и притеснения.

Система социальной защиты детей новой Советской России подверглась массированным деформациям и потрясениям в годы кровавой и братоубийственной Гражданской войны, которая в локальном своем проявлении – «антоновщине» – были одной из самых катастрофических для юных жителей Тамбовской губернии.

⁴²⁷ Елисеев В.В. Детство за колючей проволокой // *Filo Ariadne*. 2017. № 4.

Ситуация с многомиллионными беспризорниками, бродившими по стране, встревожила власти Советской России. 27 января 1921 года Президиум ВЦИК постановил организовать при ВЦИК Комиссию по улучшению жизни детей. Губернские чрезвычайные комиссии должны были немедленно связаться с представителями органов Наробраза, Наркомздрава, Собеса, Компроды и пр. и оказывать им максимальную поддержку в организации помощи нуждающимся детям. В двухнедельный срок должны были поступить сообщения в ВЧК с докладами о том, что сделано и что предстояло сделать. Возглавил Детскокомиссию председатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский.

9 февраля 1921 года состоялось заседание Межведомственной комиссии по организации помощи детям, пострадавшим от бандитизма. В комиссию под председательством губсобеза вошли представители губнаробраза, унаробраза, подотдела охраны материнства и младенчества, губраспреда и военного командования. Было постановлено организовать по два детских дома в наиболее пострадавших Тамбовском и Кирсановском уездах⁴²⁸.

Кроме того, члены комиссии выработали план по оказанию помощи пострадавшим детям. Его целью провозглашалась всесторонняя помощь детям, пострадавшим от бандитов путем изъятия их из района бандитизма и оказания им помощи на месте. Для изъятия детей и концентрации их в детских домах и приютах планировалось организовать летучки при санитарных отрядах военных частей. «Важно было подбирать детей, которые остались без родных вследствие Белого и Красного террора. Ввиду невозможности эвакуировать всех нуждающихся детей стараться устроить часть из них у местного населения, оказывая возможную помощь материального характера»⁴²⁹. Но требова-

⁴²⁸ ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 516. Л. 1-2.

⁴²⁹ Там же. Л. 2.

лись дополнительные средства для открытия детских домов. И уже 10 марта 1921 года председатель комиссии Сололова направила телеграмму в Москву в Наркомпрос с просьбой дополнительной организации шести домов ребенка и шесть детских домов для детей пострадавших от бандитизма. Всего на 1200 человек в возрасте от 0 до 17 лет...»⁴³⁰. Однако из столицы не было ни ответа, ни дополнительных средств. В результате, 16 марта 1921 года в г. Кирсанове был организован приемник для 15 детей⁴³¹. В Тамбове в детском доме № 1 Карла Либкнехта было размещено 39 детей от 1 до 15 лет⁴³².



Шефы, воспитатели и воспитанники детского дома им. Чичканова.
1921 г. г. Тамбов
(из фондов ГАСПИТО)

Именно 1921 год стал переломным в плане формирования особой очередности и «льгот» при зачислении в дет-

⁴³⁰ ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 516. Л. 46.

⁴³¹ Там же. Л. 48.

⁴³² Там же. Л. 55.

ские учреждения системы социального воспитания. Всего лишь несколько лет прошло после прихода к власти большевиков, которые поставили во главу угла «классовый принцип» и пролетарское сознание. Были забыты земские правила о всесловном приеме в детские учреждения, советские лозунги о том, что «Революционная власть признала всех детей детьми Республики», «Дети – цветы жизни». Становилось очевидно, что не все дети являлись «цветами», которые произрастали на пролетарских грядках. Начали формироваться «особые» списки, в которых указывались только самые приемлемые кандидаты для домов социального воспитания.



Похороны красноармейцев, погибших от рук антоновцев
(из фондов Тамбовского областного краеведческого музея)

В начале августа 1920 года была разработана и циркулярно разослана инструкция о приеме детей в детские дома:

1) В первую очередь должны были приниматься круглые сироты и дети красноармейцев, если отец на фронте, а мать умерла.

2) Полусироты, оставшиеся без присмотра:

а) дети красноармейцев, ушедших на фронт при живой матери;

б) дети, в отношении которых родители и лица их замещающие злоупотребляют своей властью:

1. подвергают детей истязаниям;

2. склоняя к совершению преступлений, к занятию нищенством, спекуляцией, проституцией и т. п.

3) Дети многосемейных.

4) Дети малосемейных.

5) «В деревнях детей следует принимать в том же порядке, не считаясь с площадью посадки и количеством лошадей и скота. Группировка детей в настоящем циркуляре произведена по степени беспризорности, которой и следует руководствоваться при приеме детей в Детские Дома. Однако каждый отдельный случай может обнаружить особенности, смягчающие или углубляющие степень беспризорности ребенка, вследствие чего может явиться необходимость его, как относящаяся не к одной, а к другой категории, так, например, ребенок может иметь родственников или близких лиц, своей заботливостью вполне заменяющих родителей, и, наоборот, наличие родителей (как видно из п. Б § 2), не исключая необходимости приема ребенка в Детский Дом. А посему каждый случай приема ребенка надлежит тщательному обследованию и при обнаружении тех или иных особенностей возможно изъятие из правила»⁴³³.

В начале 1921 года в селах Тамбовского уезда начали открываться детские сады и ясли. Так, в поселке Токаревка был открыт детский сад, рассчитанный на 50 детей в возрасте 5–8 лет. Было решено принимать туда первую очередь сирот, во вторую – детей красноармейцев, в третью – «детей пролетариата»⁴³⁴.

⁴³³ ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 855. Л. 7.

⁴³⁴ Вестник просвещения. 1919. № 4. С. 17.



Тамбовское восстание 1918–1922 гг. под руководством А.С. Антонова
(из фондов Тамбовского областного краеведческого музея)

Новая экономическая политика (НЭП) как катастрофа учреждений социального воспитания

Уничтожение (отмена) продразверстки традиционно считается важнейшим этапом развития Советского государства и результатом ответа властей на многочисленные восстания против коммунистической диктатуры, к числу которых относилась и «антоновщина». Однако курс новой экономической политики оказал самое сильное, катастрофическое воздействие на организацию, содержание детей, которая происходила в 1918–1919 гг. Надо было снова приспособляться выживать в условиях ограниченного или почти отсутствующего финансирования из столицы и искать возможности опираться лишь на местные средства, пытаться сохранить достигнутое в невероятно трудных условиях.

По признанию заведующего губнаробразом А. Абиндера, в ходе НЭПа по соцвосу на государственное снабжение

были приняты только детские дома. Однако из государственного продовольственного фонда обеспечивались пайком по Тамбовской губернии 2000 работников просвещения (из общего числа свыше 20000), 10000 детей в детдомах из числа свыше 18000⁴³⁵. Таким образом, лишь немногим более половины детей снабжались пайком, то есть детям выдавали лишь половину нормы на питание. В то же время власти констатировали все возрастающее количество беспризорных детей и планировали открытие новых детских домов для их спасения.

Новая экономическая политика привнесла в систему образования и воспитания принцип самообложения. Согласно этому принципу государство брало на себя только часть расходов по финансированию образовательных и воспитательных учреждений. По разработанному в губернском отделе социального воспитания (губсоцвосе) циркуляру, детские дома должны были финансироваться непосредственно населением по принципу самообложения. Ход кампании по самообслуживанию населения с первых шагов показал, что ждать успехов было нельзя. Крестьянство, с подорванным урожаем и бандитизмом хозяйством, слабо откликнулось на призыв помочь делу народного образования. Самообложение прошло в размере не более 3–4 %. Частичная помощь была оказана лишь 8–10 % школ⁴³⁶. Но даже НЭП и его отрицательное влияние на систему социального воспитания и заботу о детях-сиротах меркнет при освещении еще более страшного бедствия – голодовки. Рассмотрим, как одна «черная» полоса – «антоновщина», сменилась другой – «НЭПом».

⁴³⁵ *Абиндер А.* Новый эконом курс и народное просвещение // Вестник просвещения. 1921. № 8. С. 3.

⁴³⁶ Обзор народного хозяйства Тамбовской губернии. Тамбов, 1922. С. 26-29.

Голод в Тамбовской губернии в 1921 г. и попытки оказания помощи детям

Тамбовская губерния традиционно воспринималась властями как регион, куда можно было направлять голодающих детей из различных губерний, где были недороды, перебои со снабжением продовольствием, голодовки. Уже в 1919 году тысячи детей нашли спасение в уездах Тамбовской губернии. Для их размещения национализировались усадьбы помещиков. Так, в мае 1919 года в Лебедянском уезде для размещения 500 детей были национализированы усадьбы помещиков: Савинки (дом Шиловского), Троекурово (дом Русинова), Мамонтово (дом Попова) и др. В Сезеновском монастыре было намечено разместить 185 детей⁴³⁷. В 1919 году из столицы поступила директива о необходимости размещения голодающих детей из северных губерний. Столичные чиновники считали, что Тамбовская губерния с ее традиционным хлебных изобилием, имевшим место до 1917 года, и при новой власти может брать на себе снабжение хлебом не только армии, промышленных центров, но голодающих жителей различных регионов Советской России.

Впервые в советский период, кроме массированного сбора продразверстки продотрядами, тамбовским губернским властям было предложено рассмотреть вопрос об организации приема детей голодающих северных губерний. В протоколе № 7 от 1 апреля 1919 года заседания межведомственной комиссии губсобеза и и губнаробраза указывалось: «...срочно обследовать имения, а при распределении помещений в имениях отдавать их детским колониям»⁴³⁸. Предполагалось развернуть в Тамбовской губернии

⁴³⁷ *Кривошенин Н.В.* Город Лебедянь и его уезд в 1917–1921 гг. М., 2016. С. 288–289.

⁴³⁸ ГАТО. Ф. Р-14014. Оп. 1. Д. 140.

сеть летних детских трудовых колоний под эгидой Наркомпроса для детей северных голодающих губерний⁴³⁹. Особое значение придавалось Саровской пустыни, где новые власти собирались использовать сохранившиеся помещения. Однако этот замысел полностью не был реализован, так как многие уезды Тамбовской губернии стали близки к прифронтовой полосе. Об этом было заявлено на заседании той же комиссии 13 июля 1919 года: «...общий план разгрузки домов-приютов по колониям выработан быть не может ввиду близости во многих уездах прифронтовой полосы. Частичная разгрузка может быть проведена. В Темниковский Саров для использования ранее проведенных подготовительных работ по оборудованию колоний и для использования высланных на этот предмет продуктов решено переправить детей приютов Темникова и частью детей Тамбова»⁴⁴⁰.

Губернские власти обследовали все сохранившиеся губернии и искали помещения для размещения детских колоний⁴⁴¹. Заметим, что на Тамбовщину охотно направляли на летний период и детские дома из Москвы. Столица всегда старалась использовать потенциал провинции для заботы о своих детских домах.

Спустя два года, в сентябре 1921 года, когда население региона стало только приходить в себя после разрушительной «антоновщины», развернулась новая компания по размещению голодающих детей в Тамбовской губернии. На заседании губтройки по оказанию помощи голодающим детям Поволжья было постановлено: «...Принять в детские дома Тамбовской губернии 300 детей из голодающих губерний, каковых распределить в уездах, не пострадавших от бандитизма. Необходимо предложить Губотделу Нароб-

⁴³⁹ ГАТО. Ф. Р-14014. Оп. 1. Д. 140.Л. 21.

⁴⁴⁰ Там же. Л. 39.

⁴⁴¹ Там же.

раза произвести разгрузку детских домов от некоторых категорий. Исключить из детских домов всех достигших 18-летнего возраста, распределив их по учебным заведениям и определив их на службу. Исключить всех детей, имеющих трудоспособных родителей или родственников, живущих в том же селе или городе, оставив за последними право питания. Произвести разгрузку не менее 8 % детей. Закрыть интернаты, превратив их в детские дома. Детей состоятельных родителей исключить. С 1 по 7 октября устроить по всей губернии неделю помощи ребенку Поволжья»⁴⁴².

В октябре 1921 года в Тамбовской губернии началась неделя Помголода («Помощи голодающим»), и в городах проводились кружечные сборы, лотереи, концерты, сбор суррогатов, отчисления от заработков и пр. Но важнее всего было «выбрать» хлеб из деревни. И тамбовские власти постарались на славу. В отчете Тамбовского губернского совета Помголод отмечалось, что с момента создания этой организации по 1 июня 1922 года Тамбовская губерния была на положении благополучной по урожайности, и 90 % зерна вывозилось в Поволжье и прикрепленную Башкирскую республику.

Но после этого в самой Тамбовской губернии начался голод, и резко возросла смертность. Секретарь губкома Лотиков в своем отчете губкому РКП(б) отмечал, что голод охватил преимущественно южные уезды: Борисоглебский (120104 голодающих), Кирсановский (160000 голодающих), Усманский (свыше 100000 голодающих) и Тамбовский (60000 голодающих). Причем и в других уездах насчитывалось несколько сот тысяч человек, страдающих от голода. По сведениям специального обследования голодающих уездов, на каждые 100 случаев рождения приходилось в среднем 216 смертей, причем было установлено, что 72 % смертей происходило на почве голода. По данным

⁴⁴² ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 1318. Л.17.

губздравотдела, крестьянское население многих волостей, отчаявшись выжить в условиях голодовки, покидало целыми деревнями свои насиженные места и двигалось в поисках хлеба. Главная тяжесть голода падала на детей, которые гибли в этой обстановке сотнями⁴⁴³.



Голодающий ребенок, 1921 г., Тамбов
(из фондов ГАСПИТО)

Только с 1 июня 1922 года по ходатайству местных властей, а именно губисполкома, ЦК ПОМГОЛ ВЦИК признал саму Тамбовской губернию пострадавшей от невро-

⁴⁴³ Центр документации новейшей истории Тамбовской области. Ф. 840. Оп. 1. Д. 1391. Л. 140-141.

жая с предоставлением права расхода пожертвований на непосредственную помощь населению. Всего по губернии голодало 624168 человек, что составляло 18,82 % всей численности населения губернии⁴⁴⁴. Примечательно, что больше всего пострадавших от голода было в охваченных прежде «бандитскими выступлениями» уездах: Кирсановском (95350 человек), Борисоглебском (102504 человека), Усманском (134168), Тамбовском (71317) уездах. Количество умерших от голода по губернии составило 5760 человек.

Другим последствием голодных месяцев было появление в Тамбовской губернии новой волны беженцев из Поволжских губерний. Как будто повторялся 1915 год, и на Тамбовщину безудержным потоком катились толпы самоэвакуированных несчастных голодных людей со своими семьями. Многие «беглецы от голодной смерти» бросали своих детей на узловых станциях в Тамбовской губернии, надеясь, что здесь им смогут оказать помощь и поддержку. К январю 1922 года было развернуто 6 детских домов для детей-беженцев из Поволжских губерний, и это спасло тысячи детских жизней⁴⁴⁵.

В 1924 и 1925 гг. недород и гибель посевов, а также неумелая экономическая политика властей (на крестьян был наложен непомерно высокий размер сельхозналога) снова способствовали наступлению голода в Тамбовской губернии. Недород и голод вызвали панические настроения среди крестьянства, выражавшееся в переселении в более благополучные по урожаю губернии, переполнении городов и станций отдельными крестьянскими семьями, росте религиозных настроений: поиске «чудодейственных» колодцев,

⁴⁴⁴ Краткий обзор ГИК и его президиума за 1921–1922 отчетный год. Б. м., б. г. С. 553.

⁴⁴⁵ Отчет Тамбовского губернского отдела профсоюзов (за время с 1 сентября 1921 г. по 1 ноября 1922 г.). 6-му губернскому съезду профсоюзов. Тамбов, 1922. С. 167.

«обновлением» икон и пр.⁴⁴⁶. Только в деревне число голодающих достигло 651564 человека и 675528 детей. Для детского питания были организованы 100 столовых и 3 яслей, через которые прошло 644075 детей⁴⁴⁷. Эти цифры поражают воображение того, что же происходило в годы «заботливой» и «справедливой» советской власти в хлебоборобной Тамбовщине. Эти цифры оказываются еще более трагическими, если учесть, что Тамбовская губерния в 1923 году подверглась серьезно «обрезанию», и ее площадь сократилась вдвое. Размеры губернии в сравнении хорошо видны на картах 1919 и 1925 гг.

В марте 1925 года остро голодающих по данным Тамбовского губстатбюро было 725 тыс. человек, но по данным с мест 1141500 человек. В городах чувствовался острый недостаток продовольствия, а цена на ржаную муку доходила в мае 1925 года до 3 руб.⁴⁴⁸

Местные власти просили правительство о кредите и разрешении на завоз хлеба, но в завозе хлеба в губернию, как производящую, было отказано⁴⁴⁹. Были организованы 112 детстоловых (в них удалось покормить 24242 ребенка) и 12 яслей для голодающего населения⁴⁵⁰ и беспризорных детей. Число беспризорных детей резко росло и особенно за счет сельских жителей, где сильнее всего ощущался голод. И большую часть удалось удержать в деревне именно за счет открытия столовых для детей⁴⁵¹. Но к осени 1925 года положение стабилизировалось, и осталась только одна

⁴⁴⁶ Отчет Тамбовского губкома РКП(б) XVII-й губернской партийной конференции за время с декабря 1924 г. по ноябрь 1925 г. Тамбов, 1925. С. 3.

⁴⁴⁷ Там же. С. 10.

⁴⁴⁸ Отчет о работе Тамбовского губернского исполнительного комитета XI созыва. Тамбов, 1926. С. 5.

⁴⁴⁹ Там же. С. 9.

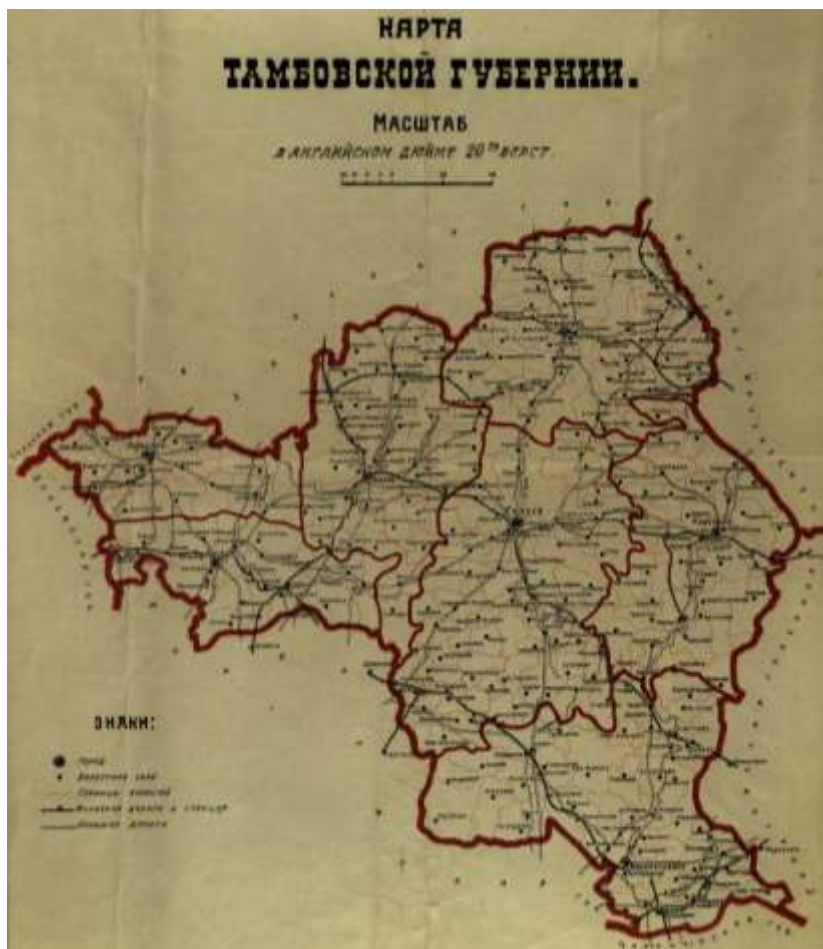
⁴⁵⁰ Там же. С. 13.

⁴⁵¹ Там же. С. 137.

детская столовая в Тамбове на 150 детей. С голодом было, наконец, покончено...



Карта Тамбовской губернии, 1919 год
(из фондов ГАТО. Ф. Р-4881. Оп. 1. Д. 2)



Карта Тамбовской губернии, 1923 год
(из фондов ГАТО. Коллекция карт. Ед. хр. 86)

II.4. Детские дома: организация управления, повседневная жизнь воспитанников (1919–1929 гг.)

С 1919 года детские дома стали на несколько десятилетий основной формой социальной защиты детей-сирот. В эти годы шла почти не прекращавшаяся их реорганизация и реформирование, связанные в основном с сокращением финансирования. Большинство аспектов специфики развития детских учреждений соцвоса (социального воспитания) раскрыты в отдельных разделах монографии, однако, специального рассмотрения требуют анализ особенностей системы обучения и воспитания, развития детского самоуправления, заболеваемости и выживания воспитанников, а также обыденная повседневная жизнь детей и подростков в этих социальных учреждениях.

Примечательно, что в первые годы советской власти местные руководители отделов социального обеспечения, а потом и социального воспитания настойчиво рекомендовали открывать приютские Советы или другие органы приютского детского самоуправления. Заметим, что дети охотно занимались выборами в такой детский Совет, писали резолюции, принимали решения и заслушивали отчеты о выполнении. Происходило почти калькирование (то есть почти детальное повторение) того, о чем слышали, читали и что видели дети в окружающем их мире. Воспитанники детских домов обращали внимание на самые волнующие их вопросы и откровенно о них говорили, но возможности практических изменений в окружающей жизни были все же минимальны.

Одним из направлений развития самоуправления в детских учреждениях было включение воспитанников в при-

ютские советы наряду со взрослыми. Так, в феврале 1919 года в детском доме № 2 имени Ленина прошло заседание по выборам воспитанников приюта в члены приютского совета. В протоколе собрания отмечалось, что «новая организация приютского самоуправления открывает широкое поле самодеятельности воспитанников, развивая в них чувства товарищеской солидарности и коммунистического общежития»⁴⁵². Понятно, что идеологические мотивы и принципы верности коммунистическим идеям провозглашались основой развития детского самоуправления. Воспитанники детского дома № 2 имени Ленина все же обсуждали на собраниях не коммунистические идеи, как хотелось бы их воспитателям, а писали протоколы о наиболее насущных для себя проблемах. Так, 18 марта 1919 года номером один повестки дня был вопрос «О белье». Было постановлено: «Сходить в баню как можно скорее, и сменить белье нательное и спальное»⁴⁵³. Вероятно, идеи коммунизма отступали все же на второй план по своей важности для детей, мечтавших не о светлом «коммунистическом рае», а о желании помыться и сменить нательное и постельное белье!

Из столицы приходили рекомендации, обязательные для исполнения в провинциальных детских домах, о развитии самостоятельности и особенностях системы воспитания в таких учреждениях. 31 октября 1918 года заведующая отделом детских домов Елизарова в своем распоряжении, разосланном по губернским отделам социального обеспечения, указывала на необходимость широкого привлечения детей к самоуправлению и самостоятельному установлению режима, дисциплины, поддержанию чистоты. В основу организации жизни воспитанников детских домов должно быть положено трудовое начало. Дети с малых лет

⁴⁵² ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 218. Л. 36.

⁴⁵³ Там же. Л. 47.

должны были приучаться помогать себе сами, исполнять сами всю посильную работу вокруг себя. «Для того чтобы труд этот был естественным и радостным, воспитательский персонал должен показывать в этом пример, обходясь с наименьшим количеством лиц физического труда и приучая к этому детей»⁴⁵⁴.

Реализуя такие рекомендации, в детском доме № 2 имени Ленина 17 марта 1919 года были уволены 12 служащих, и было введено почти полное самообслуживание. Утром после чая воспитанники занимались уборкой здания приюта: подметали и убирали спальни и другие помещения. С увольнением буфетчиков все работы по столовой стали исполняться воспитанниками: сами кипятили самовар, мыли посуду и всю столовую. Старшие воспитанники, ввиду отсутствия топлива, вместе с воспитателями почти каждый день отправлялись в лес на заготовку дров⁴⁵⁵. Труд как основа воспитания и жизнедеятельности детских домов стал фундаментальным базисом учреждений социального воспитания.

По мнению специально изучавшего особенности трудового воспитания и опыта работы детских домов в регионе Г.М. Скопцова, указывается, что одним из основных принципов социального воспитания детей в детских домах объявлялось трудовое начало, трудовое воспитание, которое должно было готовить воспитанников к самостоятельной жизни, формировать у них навыки самообеспечения и пролетарской, трудовой идеологии.

Архивные документы, периодическая печать, педагогические рекомендации свидетельствуют о значительном внимании к этой проблеме и разных методиках формирования у детей трудовых навыков. Заметим, что все же в начале 20-х гг. XX века в детских домах региона никаких

⁴⁵⁴ ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 92. Л. 27-28.

⁴⁵⁵ Там же. Д. 218. Л. 44.

специальных трудовых занятий у детей не было, лишь иногда они выполняли отдельные разовые поручения. Так, в Бондарском детдоме летом традиционно воспитанников посылали полоть просо и выполнять другие работы к частным гражданам⁴⁵⁶.

К 1923 году губсоцвос разработал систему работы в каждом детском доме и рабочий план жизни детских домов по сезонам: осень-зима и весна-лето. При некоторых детских домах были организованы мастерские и имелись участки. С 8 лет все дети обязательно должны были обучаться грамоте. Трудовая подготовка в учреждениях социального воспитания обычно велась по четырем основным направлениям:

- 1) в мастерских и сельхозах при детских домах;
- 2) в школах при учреждениях соцвоса;
- 3) обучение на производстве у кустарей и крестьян;
- 4) трудовое обучение в своем хозяйстве⁴⁵⁷.

Впрочем, власти признавали и вполне откровенно констатировали к 1924 году, что производственная база в подавляющем большинстве домов совершенно отсутствовала⁴⁵⁸. И призывы усиления трудового воспитания и самообеспечения детских домов были пустым звуком. Чаще всего трудовая подготовка детей в учреждениях соцвоса состояла исключительно в самообслуживании. В Моршанском уезде не было никаких мастерских и производственных ресурсов кроме одной переплетной на 20 человек. Ситуация стала немного меняться, когда детские дома наделялись земельными участками и дети привлекались к раз-

⁴⁵⁶ ГАТО. Ф. Р-1499. Оп. 2. Д. 5. Л. 1.

⁴⁵⁷ Скопцов Г.М. Трудовое воспитание и политехническое образование. Из опыта работы школ и детских домов Тамбовской области 1917–1961 гг. Тамбов, 1962. С. 34.

⁴⁵⁸ Экономические нужды Центрально-Черноземной области. Материалы по вопросу о хозяйственном и культурном восстановлении области. Воронеж, 1925. С. 111.

личным сельскохозяйственным работам. Так, в этом же году в Козловском уезде 2 городских и 3 уездных детских дома имели земельные участки и сады. Поздней осенью воспитанники этих детских учреждений привлекались для уборки овощей и фруктов, а также подготовке плодовых деревьев к зиме. Кроме того в детском доме имени В.И. Ленина работали столярная и сапожная мастерские, в доме-коммуне девушек (доме подростков) функционировала пошивочная мастерская. Все воспитанники перечисленных детских домов привлекались для работы в мастерских и изготавливали школьную мебель, обувь, белье и верхнее платье для всех детских домов. Фактически все эти мастерские находились на хозяйственном расчете за вычетом коммунальных услуг. В остальных же детских домах мастерских не было, и вся работа в них сводилась к починке белья и одежды.

Спустя три года, в 1927 году, из 3940 человек, воспитывавшихся в 54 детских домах, только 675 были заняты производственным обучением, а остальные осваивали только школьные учебные предметы⁴⁵⁹. Впрочем, отмечались случаи, когда воспитанники детских домов активно участвовали в организации и развитии своих трудовых навыков. В детском доме № 4 города Тамбова инициативу своего «трудового воспитания» взяли на себя сами дети. Конечно, вероятно, опытные воспитатели сумели направить стремление детей к самореализации самоуправлению в русло трудовых «подвигов». Тем более что для самих детей это была возможность вырваться из рутины серых будней. При детском доме была организована дружина, и, хотя запись туда была объявлена добровольной, почти все дети принимали в ней активное участие. Члены дружины само-

⁴⁵⁹ Скопцов Г.М. Трудовое воспитание и политехническое образование. Из опыта работы школ и детских домов Тамбовской области 1917–1961 гг. Тамбов, 1962. С. 34.

стоятельно заготавливали продукты на зиму, рубили и засаливали капусту, заготавливали картофель, обрабатывали детдомовский фруктовый сад. Участницы дружины – девочки, занимались также рукоделием.

Одним из важных видов деятельности дружинников было самообслуживание. Воспитанники сами поддерживали порядок в спальнях, мальчики и девочки три раза в неделю мыли полы, следили за чистотой своего обмундирования. Дети охотно чинили белье, очищали от мусора двор и тротуар, помогали дворнику колоть дрова, вели дежурство на кухне и в столовой⁴⁶⁰.

Важно заметить, что был создан и орган самоуправления – рабочая семерка. Она назначала дежурства по дому по очереди и без ущерба школьным занятиям. Дежурные вели дневники и затем отчитывались о своей работе перед общим собранием детского дома. Следует заметить, что общественные организации детских домов, которые широко развивали применение трудовых навыков у детей и подростков детских домов, были различные: Совет детского дома, детский исполком, сельскохозяйственная комиссия. Но работники наробраза и партийные функционеры активно рекомендовали развивать коммунистические формы самоорганизации и воспитания: пионерские отряды и комсомольские ячейки.

Конечно, ни дети, ни воспитатели, ни руководители детского дома не знали о системе А.С. Макаренко, но принципы воспитания и практика коммунаров, описанная в «Педагогической поэме», совпадали с тем, что применялось отдельными воспитателями в разных регионах Советского Союза. Примечательно, что при всех своих педагогических успехах А.С. Макаренко официальной педагогикой

⁴⁶⁰ Скопцов Г.М. Трудовое воспитание и политехническое образование. Из опыта работы школ и детских домов Тамбовской области 1917–1961 гг. Тамбов, 1962. С. 35.

того времени не признавался. Более того, в 1928 году метод Макаренко был запрещен к использованию, а его система воспитательного процесса была объявлена как «система не советская». Тем не менее, в отдельных детских домах стихийно, нередко случайно возникали и применялись аналогичные подходы обучения и воспитания.

Однако необходимо учитывать, что достаточно часто местные работники наробраза применяли систему создания и развития показательных, образцовых учреждений соцвса. Они были удобны, чтобы показать проверяющим из центра, как хорошо и успешно налажена работа детского дома, а также для трансляции передового опыта и конкретных наработок.

Собственно круг детских занятий зависел от организационной формы учреждения и от возраста его обитателей. В Островской колонии имелся огород из трех десятин земли, с которого получали хороший урожай картофеля. Огород обрабатывался силами воспитанников колонии.

В середине 20-х гг. XX века перед детскими учреждениями соцвса была поставлена задача дать их воспитанникам общее политехническое образование и практические трудовые навыки в целях подготовки их к общественно-полезной трудовой деятельности. Поэтому при детских домах стали устраиваться мастерские и кружки, самыми распространенными являлись сельскохозяйственные, существовали также столярные, кузнечные, слесарные, сапожные, бондарные и даже корзиночно-цветочные мастерские.⁴⁶¹ Понятно, что профессионально подготовленные подростки могли легче устраиваться на работу и содержать себя.

Не случайно в аграрной Тамбовской губернии была популярна организация сельхозов, которые были предназначены для подготовки сельских работников, которые бы умели применять различные формы землепользования и

⁴⁶¹ ГАТО. Ф. Р-2379. Оп. 1. Д. 12. Л. 98.

специализировались бы на востребованных отраслях сельского хозяйства (животноводстве, огородничестве, садоводстве и пр.)⁴⁶². Обычно сельхозы организовывались при детских домах подростков, и в них привлекались воспитанники от 12 до 16 лет.

Применялись и стимулирующие методы, которые привлекали бы воспитанников работать в мастерских. В 1929 году в Тамбове нормы питания для воспитанников, занятых в мастерских, были уравнены с нормами для рабочих.

Вернемся к особенностям формирования системы социального воспитания в детских домах Тамбовской губернии. Что же представляла собой собственно система социального воспитания и как должны работать ее учреждения? Это вопрос сильно волновал многих организаторов и руководителей региональных отделов просвещения в Тамбовской губернии. В статье «Система социального воспитания», опубликованной в № 8 «Вестника просвещения» за 1921 год, указывалось, что это учреждение наиболее родственное социалистическому обществу, то есть учреждение общественного, вне семейного воспитания. «Это детский дом со школой, школа-коммуна, дом подростков, в которых дети проводят всю свою жизнь в детском коллективе. Таков идеал. К этому идеалу мы идем через промежуточные формы школы обычного типа, школу полного дня, то есть школа плюс клуб, детдом без школы, дом ребенка, детсад и т. п.»⁴⁶³

Важной особенностью детских социальных учреждений была ликвидация раздельного призрения детей (мальчиков и девочек), существовавшая до 1918 года. Отдел дет-

⁴⁶² Скопцов Г.М. Трудовое воспитание и политехническое образование. Из опыта работы школ и детских домов Тамбовской области 1917–1961 гг. Тамбов, 1962. С. 36.

⁴⁶³ Система социального воспитания // Вестник воспитания. 1921. № 8. С. 19.

ских домов указывал, что центр «стоит за совместное по полу воспитание детей»⁴⁶⁴. Это было важное решение советской власти, которое она демонстрировала в первые годы своего существования, провозглашая широкий спектр женского равноправия. Другой характерной чертой развития детских домов было стремление размещать их в бывших помещичьих усадьбах, в том числе оборудованные детских колоний различного типа.

Но все же самыми сложными и тотальными проблемами детских учреждений первого десятилетия советской власти были заболеваемость и снабжение детей продуктами питания. И с тем и с другим ситуация складывалась часто катастрофическая, и это вызывало рост смертности, бегства из детских домов, которые не находили там спасения и защиты. Воспитатели и медицинские работники постоянно били тревогу по поводу заболеваемости и недостаточного детского питания. Из протокола служащих детского дома имени Революции от 14 июля 1919 года: «По продовольственному вопросу коллективом служащих отмечено крайне скудное и до поразительности однообразное питание детей. На конец июня и начало июля давали только чечевицу на первое и второе как в обед, так и на ужин. Других продуктов никаких: ни картофеля, ни капусты, ни пшена. Теперь все питание состоит из воды и манной крупы, без каких-либо приправ и приварочных продуктов и чечевицы на второе. По заявлениям фельдшерниц от однообразного и недостаточного питания дети уже болеют желудочными заболеваниями, цингой, стоматитом»⁴⁶⁵.

4 сентября 1919 года состоялось губернское заседание представителей детских домов, на котором были озвучены проблемы каждого детского дома и принимались резолюции по высказанным вопросам. Приведем лишь несколько

⁴⁶⁴ ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 92. Л. 27.

⁴⁶⁵ Там же. Д. 32.

высказываний, которые красноречиво свидетельствовали о состоянии детских учреждений.

Воспитатель Успенский из дома имени Ленина: «...За отсутствием пособий и материалов для имеющихся в доме мастерских, детей занять совершенно нечем. Детей нужно посылать в школы, но дети разуты и раздеты... Питание детей в плачевном состоянии. Дают только слеглое пшено и до невозможности засоренную чечевицу, жиров никаких, мясных продуктов не было с Пасхи, рыбы дети не получают с зимы. В лазаретах особой диеты нет, молока нет»⁴⁶⁶. В результате такого питания в детских домах появлялась цинга, стоматит, случаи смерти на почве истощения, анемия. Представители Дома революции и Энгельса подтверждали аналогичное состояние с продовольствием, указывали на большую смертность в лазаретах. В доме Бебеля также отмечалось отсутствие обуви, белья и платья.

При обследовании некоторых детских домов в 1921 году было зафиксировано, что дети ели соленые огурцы с водой. Они совершенно не получали молока⁴⁶⁷. В этом же году во всех пяти детских домах Темниковского уезда норма питания была сокращена до минимума, дети получали 3/4 фунта хлеба в день (что было меньше, чем норма хлеба для детей в начальные месяцы блокады Ленинграда) и 1 фунт картофеля, 6 фунтов мяса, 7 фунтов пшена, 1 фунт меда, 1 фунт жиров в месяц. Масло за неимением такового совсем не выдавалось⁴⁶⁸. В Островской колонии в 1922 году давался фунт хлеба на день, а обед и ужин были без жиров⁴⁶⁹.

⁴⁶⁶ ГАТО. Ф. 1404. Оп. 1. Д. 205. Л. 19.

⁴⁶⁷ Там же. Ф. Р-2379. Оп. 1. Д. 4. Л. 61.

⁴⁶⁸ Дик А.А. Учреждения для беспризорных детей в Тамбовской губернии 1920-х годов: реалии повседневной жизни // Труды кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического университета: сб. науч. ст. Вып. IV / под ред. А.А. Слезина. СПб., 2006. С. 112.

⁴⁶⁹ ГАТО. Ф. Р-1500. Оп. 1. Д. 20. Л. 78.

К 1923 году, судя по отчету губернского исполнительного комитета, все детские дома Тамбовской губернии были разбиты на следующие группы:

- 1) дома ребенка для детей в возрасте от 3 до 8 лет;
- 2) детдома школьного типа;
- 3) детдома сельского типа;
- 4) детдома дефективного ребенка.

Всего в Тамбовской губернии насчитывалось 84 детских дома, в которых воспитывались 6184 подростка⁴⁷⁰. Губсоцвос разработал систему работы в детском доме и рабочий план жизни детских домов по сезонам: осень–зима и весна–лето. При некоторых детских домах были организованы мастерские и имелись участки. С 8 лет все дети должны были обучаться грамоте.

Особую гордость в отчете чиновников вызывало приближение учреждений к общественно-политической жизни. В детских учреждениях г. Тамбова насчитывалось 100 комсомольцев и 2000 пионеров⁴⁷¹. Эти цифры не могут не вызывать сомнение, слишком они ровные и ничем не подтверждаются.

В 1924 году из детских домов было устроено и выпущено на работу 36 воспитанников. Кроме того, обучалось в педтехникуме 29 человек, в фельдшерском техникуме 30, и работают на производстве – 37 человек.

В мае 1923 года в губернии была проведена неделя «больного и беспризорного ребенка». В частях 19 дивизии были проведены беседы с красноармейцами, и выносились постановления об отчислении беспризорному и больному ребенку однодневного пайка, 2 % жалованья и добровольных пожертвований по подписному листу. Саперная рота

⁴⁷⁰ Год работы. Отчет Тамбовского губернского исполнительного комитета. Октябрь 1923 – октябрь 1924 г. Тамбов, 1924. С. 91.

⁴⁷¹ Там же. С. 82.

отчислила 1 % жалованья⁴⁷². Собирали деньги и представители профсоюзов: Союз химиков собрал по подписному листу 243 руб., Союз печатников – 1000 руб., Союз кожевников – 300 руб.

Комплектование детских домов проводилось строго по классовому принципу с предоставлением преимуществ детям крестьян и рабочих⁴⁷³.

По мнению губисполкома, необходимо было заботиться об обеспечении детских домов школьного и дошкольного типа одеждой и обувью. Детские дома являлись собственными учреждениями по борьбе с детской беспризорностью. В них попадали дети-сироты, не имеющие возможности существовать без посторонней помощи. Кроме питания, одежды и обуви необходимо вести в этих домах воспитание и обучение, содержать помещения и пр.⁴⁷⁴

Тамбовская губерния в 1923 году была уже в новых границах и на 1 января 1923 года насчитывала 96 учреждений по охране детства, 63 в городах и 33 в сельской местности, в них было 506 воспитателей и 6108 детей⁴⁷⁵. Из Липецкого уезда сообщали, что с ноября 1922 по ноябрь 1923 года там числилось 153 опекуна и 314 подопечных воспитанников. В детдомах было в среднем 750 человек⁴⁷⁶. Питание детей очень однообразное и скудное. Белья и одежды мало, обуви также. Много чесоточных больных, что объяснялось почти постоянным отсутствием мыла и недостатком белья. При детдомах имелась больница-«изо-

⁴⁷² ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 2173. Л. 7.

⁴⁷³ Хозяйственный план с пояснительной к нему запиской на 1923–1924 гг. Тамбов, 1923. С. 7.

⁴⁷⁴ Там же. С. 41.

⁴⁷⁵ Тамбовская губерния в новых границах (1 февраля 1923 г.): статистический обзор с картой и списком волостей. Тамбов, 1923. С. 101.

⁴⁷⁶ Липецкий уездный исполнительный комитет. Доклад 10-му уездному съезду советов о деятельности с октября 1922 по октябрь 1923 г. Липецк, 1923. С. 75.

лятор» на 50 коек, но фактически в ней лечилось 65 человек⁴⁷⁷. Дети, как правило, спали по двое, не было необходимых предметов ухода за больными. Из-за недостатка средств не было диетического и усиленного питания. В больнице побывало 665 детей, выздоровели 562 и умерли 38. В основном от туберкулеза и отеков. Необходимы средства. «Отсутствие средств – это зло детских домов»⁴⁷⁸. В отчете отмечалось, что «как последствие войны особенно замечаются в деревне сироты. В резолюциях и наказах делегатам крестьянство просит открывать детские дома, и необходимость их открытия в каждой волости чувствуется, но недостаток средств тормозит их развитие. Уисполком, вследствие скудости бюджета, не в состоянии помочь»⁴⁷⁹.

В 1924 году экономическое положение в детских домах оставалось сложным. В отчете Тамбовского губкома РКП(б) на XVII-й губернской партконференции за время с докладывалось о том, что положение в детских домах было очень тяжелое. Питание поставлено удовлетворительно, но с обмундированием очень плохо. Дети некоторых детских домов не могли даже выходить на свежий воздух за отсутствием обуви и одежды⁴⁸⁰.

В отчете о работе Тамбовского губернского исполнительного комитета XII созыва указывалось на следующую динамику состояния детских домов: в 1924 году было 96 домов и 6037 детей; в 1925 году было 63 детдома и 4990 детей; в 1926 году имелось 56 детских домов и 4550 детей.

В целом, сеть детских домов в Тамбовской губернии значительно сократилась, что являлось следствием:

⁴⁷⁷ Липецкий уездный исполнительный комитет. Доклад 10-му уездному съезду советов о деятельности с октября 1922 по октябрь 1923 г. Липецк, 1923. С. 87.

⁴⁷⁸ Там же. С. 88.

⁴⁷⁹ Там же. С. 5.

⁴⁸⁰ Там же. С. 61.

1) регулярной разгрузки детских домов, имеющих родственников;

2) посылки переростков на работу, подростков на производство в броню и в техникум на стипендии;

3) особо осторожного приема в детские дома.

В это период значительно усилилась политико-идеологическое воспитание в детских домах. В рядах РЛКСМ состояло 25 % подростков и переростков воспитанников детских домов, а в пионерской организации до 60 % общего числа детей.

С питанием, по мнению чиновников наробраза, дело было поставлено удовлетворительно, но с обмундированием дело обстояло плохо в силу бюджетных затруднений. Дети некоторых детских домов по-прежнему не могли выходить на свежий воздух из-за отсутствия одежды и обуви⁴⁸¹.

В 1926 году под опекой находилось в Тамбовской губернии 3588 человек и под патронатом 78 человек. На общественную помощь по борьбе с беспризорностью через общество «Друг Друзей» и детскую комиссию ГИК было израсходовано 27000 руб.⁴⁸²

Причинами постоянного уменьшения детей в детских домах было тяжелое состояние местного бюджета⁴⁸³. Дети, имевшие родителей или родственников, могущих их содержать, были исключены из детских домов. Кроме того, на количестве детей отразилось и некоторое улучшение материального положения тех лиц, дети которых были в детских домах, что дало им возможность возвращать детей к себе. Сокращение количества детских домов связано с

⁴⁸¹ Статистический справочник по Тамбовской губернии. Тамбов: Издание Тамбовского губисполкома, 1925. С. 137.

⁴⁸² Отчет о работе Тамбовского губернского исполнительного комитета XII созыва. Тамбов, 1927. С. 82.

⁴⁸³ Местный бюджет Тамбовской губернии на 1924–25 гг. Тамбов, 1925. С. 44.

уменьшением количества детей и с произведенной концентрацией детских домов.

В 1926/27 годах сеть детских домов снизилась по сравнению с предыдущим годом с 63 до 53, в них было 211 воспитателей и 3961 воспитанник, из них 73 % обучались в школах соцвоса. По семейному положению дети распределялись следующим образом: 40,3 % сирот имели родственников, 30,1 % сирот не имели родственников, 13,8 % имели только мать, 3 % – только отца, 11,9 % – неизвестно. Детдомов для нормальных детей в губернии 50, в них находилось 3801 ребенок, которые распределялись по возрасту следующим образом: от 10–12 лет – 27,8 % воспитанников, от 5–10 лет – 21,6 %, 14 лет – 12,6 %, 13 лет – 11,4 %, 15 лет – 9,6 %, 17 лет и старше – 6,7 %, до 5 лет – 1,9 %⁴⁸⁴.

Удивительно, но проверки детских домов в 1927 году снова выявили вопиющие проблемы с питанием, снабжением детей одеждой и обувью. Будто и не было десятилетия установления советской власти, выполнения обещаний обеспечить всем необходимым «цветы жизни». Приведем лишь несколько выдержек из официальных обследований детских домов.

Врач Буянов, обследовавший в 1927 году детские учреждения в Лебедянской волости Липецкого уезда, указал в своем отчете на чрезвычайно плохое состояние всех детских домов, а состояние детдома № 1 признал катастрофическим. «Уборочного инвентаря в нем никакого не было. Пол, окна и стены были покрыты толстым слоем грязи. Дети носили длинные волосы, в которых кишели вши и гниды. Утирались клочьями своих рубах. Большинство же совсем не умывались. Имелся один лоток, в котором дети купались. Воздух был перенасыщен аммиачным запахом

⁴⁸⁴ Бюллетень Тамбовского губернского статистического отдела. № 12. 1 ноября 1927 г. Тамбов, 1927. С. 14.

вследствие пропитывания стен мочой и калом. В качестве уборной использовались сараи во дворе»⁴⁸⁵.

В работе А.А. Дика отмечено, что в детдоме села Арапово не было классных помещений, занимались дети в спальнях, где было мало места даже для сна. Девочки помещались в трех комнатах. В первой на 3 кроватях спали 10 девочек среднего возраста, во второй на 13 кроватях – 14 девочек старшего возраста, в третьей на 9 кроватях – 10, девочки младшего возраста спали по двое. Таким образом, на 41 девочку приходилось всего 28 кроватей. Мальчики помещались в двух комнатах. В первой на 12 кроватях – 24 человека, в другой – на 14 кроватях – 27 человек. На нескольких кроватях, где спали самые маленькие дети, не было ни матрасов, ни подушек, а только одеяла на голых досках; некоторые кровати были поломаны⁴⁸⁶. В колонии с. Хлыстовка с мебелью ситуация обстояла похоже, спали тоже по двое на одной кровати⁴⁸⁷. В детском доме № 1, расположенном в Лебедянской волости, более 40 мальчиков проживали в двух комнатах общей площадью 18 квадратных метров, 14 девочек – в одной комнате площадью 8 квадратных метров⁴⁸⁸.

В детдоме села Бондари, дети ходили почти разутыми и раздетыми, несмотря на то, что в кладовой имелась одежда и обувь в достаточном количестве⁴⁸⁹. В детдоме № 1 Лебедянской волости нижнего белья ни у кого не было, верхнее белье пришло в полную негодность. Для того что-

⁴⁸⁵ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 971. Л. 99.

⁴⁸⁶ Дик А.А. Учреждения для беспризорных детей в Тамбовской губернии 1920-х годов: реалии повседневной жизни // Труды кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического университета: сб. науч. ст. Вып. IV / под ред. А.А. Слезина. СПб., 2006. С. 111.

⁴⁸⁷ ГАТО. Ф. Р-1500. Оп. 1. Д. 20. Л. 78.

⁴⁸⁸ Там же. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 971. Л. 99.

⁴⁸⁹ Там же. Ф. Р-1499. Оп. 2. Д. 5. Л. 1.

бы прибежать в другое помещение, многие прикрывали голое тело грязными и драными одеяниями. У многих от брюк оставались только клочья. Все были босыми, если не считать, что у 20 % имелась дырявая обувь⁴⁹⁰.

Горячее питание, как правило, давалось дважды в день. Во второй половине 1920-х годов ситуация с продовольствием налаживалась, но пища все равно была однообразной, обычным содержанием меню были щи, пшенная каша и картофельный суп⁴⁹¹. Обстановка, в которой пища принималась и готовилась, зачастую также не соответствовала ни гигиеническим нормам, ни современным представлениям о столовых в детских учреждениях. В столовой детского дома № 1 Лебедянского уезда весь кухонный инвентарь состоял из двух вмазанных в печь котлов, одной скамьи, одного стола и одной кружки для всех нужд детского дома. У немногих счастливиц имелись миски, которые переходили из рук в руки при еде жидкой пищи, которую за отсутствием ложек хлебали через край. Более густую пищу – кашу и картофель из супа – получали из котла в пригоршни, но, так как она была горячей, шлепали ее на подоконник, потому что стол не был доступен для их роста, чтобы далее остудить, перебрасывали ее на скамью или на подобранную на улице бумажку, а затем в рот. Однако доктор Буянов, проводивший осмотр детского дома в 1927 году, отмечал даже некоторое улучшение в процессе приема пищи воспитанниками детского дома по сравнению с прошлым осмотром, когда дети для того, чтобы остудить пищу, бросали ее на снег во двор⁴⁹².

Круг детских занятий зависел от организационной формы учреждения и от возраста его обитателей. В Островской колонии имелся огород из трех десятин земли, с

⁴⁹⁰ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 971. Л. 99.

⁴⁹¹ Там же. Ф. Р-2379. Оп. 1. Д. 15. Л. 70.

⁴⁹² Там же. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 971. Л. 99.

которых получали хороший урожай картофеля. Огород обрабатывался силами воспитанников колонии, которых было 31 человек (18 девочек и 13 мальчиков). Во время зимнего периода дети в колонии занимались по школьной программе образования, в летнее время – по дошкольной (проводились экскурсии)⁴⁹³. В детских домах трудовых занятий в начале 1920-х годов либо не велось вообще, либо, как в Бондарском детдоме, летом детей посылали полоть просо и выполнять другие работы к частным гражданам⁴⁹⁴.

В середине десятилетия перед детскими учреждениями была поставлена задача дать их воспитанникам общее политехническое образование и практические трудовые навыки в целях подготовки их к общественно-полезной трудовой деятельности. Но мастерские имелись не при всех детских домах. Так, в детдоме с. Арапово дети все свободное время были представлены самим себе. При этом необходимо учитывать, что в этом детском доме содержались в основном дети, больные сифилисом и малярией. Многие дети находились там по 7 и более лет (таких было 21 человек из 92). Пребывание детей и подростков в подобном доме в течение нескольких лет в истощенном состоянии, осознание своей отверженности не могли не отразиться на их психике. Сложившийся замкнутый микромир порождал свои обычаи, за пределами их логова они видели враждебный мир. Скверное отношение местного населения к воспитанникам детского дома усугубляло положение и поделило их на два враждебных лагеря. За несколько дней до приезда проверочной комиссии отмечался случай, когда кто-то убил у детей собаку, а они, встретив первого попавшегося крестьянина, напали на него и сильно избили. Кроме того, ребята старались причислить себя к какой-либо узкой группе, по признаку пола или возраста, и тогда они

⁴⁹³ ГАТО. Ф. Р-1500. Оп. 1. Д. 20. Л. 78.

⁴⁹⁴ Там же. Ф. Р-1499. Оп. 2. Д. 5. Л. 1.

все более замыкались. Существовал большой антагонизм между мальчиками и девочками, девочки часто избивались представителями «сильного пола». В подростковом возрасте начинали проявляться элементы ненависти к противоположному полу, а самой многочисленной возрастной группой в Араповском детском доме была группа 10–15-летних, которых было 55 человек, а вообще возраст воспитанников был до 19 лет⁴⁹⁵. Дети понимали, что они различаются не только физически, но и по стилю жизни; у девочек, например, в этом детском доме комнаты содержались в большем порядке⁴⁹⁶.

Учителей и воспитателей детского дома в с. Арапово нередко оскорбляли, был случай нападения и избияния учителей. Технический персонал детдома и без того жил в тяжелых условиях, большинство болели туберкулезом или малярией, а найти замену во время болезни было почти невозможно, даже их городские коллеги смотрели на них как на заразных. В своем заключении комиссия рекомендовала перевести 66 человек в нормальные детдома, так как они не представляли угрозы для окружающих, а дальнейшее их пребывание в стенах этого учреждения привело бы к окончательной их моральной гибели⁴⁹⁷.

Подводя некоторые предварительные итоги повседневной жизни детей в детских домах, важно отметить, что все-таки, несмотря на все трудности, связанные с нищетой, голодом и общей разрухой, со слабым кадровым составом, детские дома выполнили свою функцию и спасли большинство беспризорных детей от гибели. Советское государство хотя бы так смогло наладить механизм социализации брошенных детей и вернуть некоторую часть таких детей обществу.

⁴⁹⁵ Дик А.А. Указ. соч. С. 113.

⁴⁹⁶ ГАТО. Ф. Р-2379. Оп. 1. Д. 15. Л. 70.

⁴⁹⁷ Там же.

Условия жизни в детских домах во многих случаях были шокирующими. Они оставляли отпечаток на характере, поведении, образе мыслей во всей дальнейшей жизни детей. Воспитанники привыкали скудно питаться, к неустроенности в быту, антисанитарии и т. д. Менялся их характер и жизненные ориентиры. Однако учреждения для беспризорных 1920-х гг. смогли дать «детям улиц» самое необходимое – крышу над головой и хоть и скудное, но регулярное питание.

Все-таки была спасена хотя бы часть целого поколения новых строителей «коммунистического общества».

II.5. Власть народа и «дефективные» и «аморальные» дети

Понятие «дефективные дети» нередко связывается с социальной политикой Советского государства в 20-е гг. XX века⁴⁹⁸. Однако сам термин «дефективные дети», то есть нервные, отсталые, недисциплинированные, неуравновешенные и пр., сложился гораздо раньше и активно обсуждался педагогами, врачами, психологами, социологами и криминалистами на рубеже XIX–XX веков⁴⁹⁹. Об умственно-отсталых детях впервые заговорили в 1885 году, когда начал издаваться «Медико-педагогический журнал».

⁴⁹⁸ Колокольникова З.У., Подлесная Н.В. Учреждения социального воспитания для морально-дефективных детей в Приенисейской Сибири в 20–30-е годы XX века // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 1. С. 136-140 и др.

⁴⁹⁹ Кароли Д. Дети-инвалиды в дореволюционной и советской России // Малолетние подданные большой империи: Филипп Ариес и история детства в России (XVIII – начало XX века). [Сб. ст.]. М., 2012. С. 138-196.

Немного позже о детях-преступниках, как морально-дефективных, говорили на съездах представителей исправительных заведений Российской империи⁵⁰⁰. Причем социальная политика в России имела схожие черты с европейским опытом и развивалась в русле научно-педагогических воззрений на эту проблему в европейских государствах⁵⁰¹.

По мнению врача-психиатра В.П. Кашенко, «исключительные (дефективные дети)» делились на физически-исключительных, куда относились дети-калеки, слепые, глухонемые и т. п., и психически-исключительных: дети с недостатками психического развития, трудновоспитуемые, нервные, запущенные и беспризорные⁵⁰². Ему принадлежат многочисленные работы и предложения по созданию специальных лечебно-педагогических заведений для «умственно отсталых и морально отсталых детей»⁵⁰³. Он не был одинок – в стране предпринимались попытки организовывать так называемые вспомогательные школы и классы, все больше учителей и врачей обращалось к проблеме дефективности («детской исключительности»), многие специалисты делали ее предметом своих исследований. В 1913 году на I Всероссийском съезде по вопросам народного образования в Петербурге была принята специальная резо-

⁵⁰⁰ Дефективные дети и школа / под ред. В.П. Кашенко. М., 1912. С. 257.

⁵⁰¹ *Калинникова-Магнуссон Л.В., Магнуссон М.* Социальная политика в отношении детской «дефективности» в военно-революционный период и в первую декаду Советской власти (1914–1927 гг.) // Вестник Поморского университета. 2005. № 1. С. 158.

⁵⁰² *Кашенко В.П., Мурашев Г.В.* Исключительные дети. Дети нервные, трудные и слабоодаренные. Их изучение и воспитание / с пред. Н.А. Семашко. М., 1927. С. 52-53.

⁵⁰³ Дефективные дети школьного возраста и всеобщее обучение / В.П. Кашенко. М., 1910; Воспитание-обучение трудных детей: Из опыта санатория-школы / В.П. Кашенко, С.Н. Крюков. М., 1913; Проблемы изучения и воспитания ребенка / под ред. В.П. Кашенко. М., 1926 и др.

люция о вспомогательных школах для умственно-отсталых детей.

В 1917 году В.П. Кащенко пытался привлечь внимание Временного правительства к судьбе исключительных детей. В августе 1917 года на совещании при Министерстве государственного призрения он выступил с докладом «О психически дефективных воспитанниках средних учебных заведений». По докладу была принята резолюция о целесообразности создания сети специальных школ, о пропаганде борьбы с детской смертностью. Однако никакой реакции это предложение не встретило.

Идеи В.П. Кащенко о единой сети специальных школ для «аномальных» детей стали воплощаться в жизнь при советской власти. Согласно декрету СНК от 17 января 1918 года при комиссариате призрения (позже социального обеспечения) был образован Отдел дефективных детей, который в первую очередь принял меры к «извлечению несовершеннолетних из тюрем и размещению их по приютам»⁵⁰⁴. При отделе была создана коллегия, в которую вошли известные психиатры, педагоги и юристы для выработки норм государственной опеки, воспитания и просвещения детей. На места рассылались инструкции по реорганизации воспитательно-исправительных заведений для нравственно-дефективных детей.

Постановлением Совнаркома от 5 июня 1918 года специальные школы для нравственно-дефективных детей включались в систему народного просвещения как государственные учреждения. Дальнейшие организационные преобразования в сети специальных детских учреждений были направлены на размежевание функций между тремя комиссариатами: Наркомпросом, Наркомздравом и Нар-

⁵⁰⁴ Сборник Декретов Народных Комиссаров. Сборник № 2. По Комиссариату социального обеспечения (призрения). Тамбов, 1918. С. 6.

комсобесом. Это было определено декретом СНК от 10 декабря 1919 года, в соответствии с которым:

1) нервные и психически больные дети должны были воспитываться в учреждениях Наркомздрава (школы-санатории, школы-лечебницы и т. п.);

2) умственно-отсталые дети направлялись во вспомогательные школы Наркомпроса;

3) «телесно-дефективные дети (глухонемые, слепые, калеки) должны были воспитываться в специальных учреждениях Наркомпроса;

4) воспитание морально-дефективных детей планировалось в учреждениях Наркомпроса или Наркомздрава;

5) несовершеннолетние, обвиняемые в общественно-опасных деяниях, должны были определяться комиссиями о несовершеннолетних в учреждения Наркомздрава или Наркомпроса⁵⁰⁵.

Всего в Советской России к 1923 году было открыто 277 стационарных учреждений «правовой защиты детей»:

1) 169 учреждений обслуживали морально-дефективных детей в изоляторах, домах принудительного воспитания, домах и школах для морально-дефективных;

2) было открыто 58 домов для «умственно-отсталого детского населения и вспомогательных школ для приходящих умственно-отсталых детей»;

3) имелось также 50 детдомов и школ для слепых, глухонемых и колоний для физически-дефективных детей.

Из 19000 находящихся в стационарных учреждениях правовой охраны, 5500 детей и подростков приходилось на дома морально-дефективных, 3500 находилось в детских

⁵⁰⁵ Известия Всероссийского Центрального исполнительного комитета Советов. 1919. 12 декабря.

домах для умственно-дефективных, 2400 детей были в учреждениях для физически-дефективных⁵⁰⁶.

Новый политический режим в стране Советов особенно волновали «новые дефективные» дети-беспризорники и уличные дети и подростки. Понимаемые прежде «дефективные/больные» и «новые/дефективные» стали единой «армией морально-дефективных». Фактически термин «дефективные дети» расширился, получил самое широкое толкование и изменился на общее название «морально-дефективные». В первые годы советской власти к «большим-дефективным» детям присоединили бездомных и уличных детей, имевших криминальное прошлое. Особенно ярко этот подход проявлялся в провинции, где некому, некогда и ни к чему было проводить селекцию, анализ жизненных обстоятельств и здоровья таких детей, а проще было причислить их к морально-дефективным и поместить в особые детские дома и интернаты.

При этом, по оценкам специалистов, наиболее «страдали» при новом режиме «физически дефективные» дети: глухонемые, слепые, с нарушениями психики. Кроме того, при зачислении любого ребенка в спецучреждения учитывалось не только состояние здоровья, но и социальное происхождение, вероисповедание и этническая принадлежность. В целом, по всей Советской России лишь около 2000 детей были охвачены «специальной» помощью при общей потребности в ней 200 000 нуждающихся⁵⁰⁷.

Надо принять во внимание, что проблема обучения и воспитания таких «особых» детей возникла задолго до

⁵⁰⁶ *Бадулин В.В.* Учреждения социального воспитания // Народное образование в РСФСР (по статистическим данным Наркомпроса на 1-е апреля 1923 г.) / под общ. ред. К.А. Коноваловой. М., 1923. С. 10-12.

⁵⁰⁷ *Калинникова-Магнуссон Л.В., Магнуссон М.* Социальная политика в отношении детской «дефективности» в военно-революционный период и в первую декаду Советской власти (1914–1927 гг.) // Вестник Поморского университета. 2005. № 1. С. 161.

1917 года. Необходимо учитывать, что Первая мировая война 1914–1918 гг. и революционные катаклизмы, а позже последствия Гражданской войны резко обострили проблемы девиантного поведения, к которым относились детская преступность, проституция, алкоголизм и наркомания, выбросив от 7 до 9 млн детей⁵⁰⁸ на улицы и в подворотни.

По мнению Е.М. Балашова, преступность несовершеннолетних в предреволюционные годы не только выросла количественно, но и начала принимать новые формы. Во многих городах отмечался рост числа убийств, совершенных детьми и подростками нередко по ничтожному поводу⁵⁰⁹. Анализ семейного положения малолетних преступников свидетельствовал, что более половины детей, в этот период поступивших в исправительные колонии или тюрьмы, были сиротами, полусиротами или внебрачными детьми⁵¹⁰. Вполне очевидно, что именно эти подростки наиболее нуждались в поддержке государства, которое после 1917 года демонстративно заявляло: «Беспризорные, заброшенные, больные ребята должны стать родными, любимыми детьми Советской республики»⁵¹¹. Как же на практике обстояло дело с применением таких лозунгов и призывов в провинциальном социуме нестолических регионов?

⁵⁰⁸ Левитина М.И. (Маро) Беспризорные. Социология, быт, практика работы. М., 1925. С. 58; Рожков А.Ю. Борьба с непризорностью в первое советское десятилетие // Вопросы истории. 2000. № 11. С. 134-139.

⁵⁰⁹ Балашов Е.М. Школа в Российском обществе 1917–1927 гг. Становление нового человека. СПб., 2003. С. 152-153.

⁵¹⁰ Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1980. С. 87.

⁵¹¹ Крупская Н.К. К вопросу о морально-дефективных детях // Крупская Н.К. Собр. соч.: в 10 т. М., 1923.

Физически-дефективные дети и их социализация в Тамбовской губернии в 20-е гг. XX века

Относящиеся к физически-дефективным глухонемые дети получили в Тамбовской губернии возможности обучения, воспитания, обретения профессиональных навыков. Советский режим смог реализовать, хотя бы частично, долгожданную возможность социализации глухонемых детей в пределах региона. Заметим, что в имперский период Российской истории такой возможности на уровне губернии дети-инвалиды (глухонемые) не имели. Только в губернском Тамбове была реализована частная благотворительная инициатива в этом направлении. В 1888 году на очередном Тамбовском губернском земском собрании было рассмотрено прошение А.В. Лабутиной о назначении ей денежного пособия для открытия ремесленного отделения при частном 2-классном училище в г. Тамбов. Целью этого ремесленного отделения должно было стать обучение глухонемых и малоспособных детей переплетному, картонажному и игрушечному делу. Собрание одобрило прошение А.В. Лабутиной и назначило единовременное пособие в размере 300 руб.⁵¹²

Кроме того, отдельные глухонемые дети из Тамбовской губернии учились и воспитывались в Казанском и Пензенском училищах для глухонемых, за что тамбовское земство должно было перечислять средства на их содержание. Каждый воспитанник «стоил» земству 250 руб., и от Тамбовской губернии призревалось лишь 5 таких детей-инвалидов. В 1904 году Тамбовская уездная управа отказалась перечислять средства в Попечительство о глухонемых, находившееся в ведении императрицы Марии Федоровны, так как оно посчитало важнее открыть школы для глухонемых в губернии, где сотни детей нуждались в обучении и вос-

⁵¹² Сборник постановлений Тамбовского губернского земского собрания за 1865–1894 гг.: в 3 т. Тамбов, 1902. Т. 2. С. 1260.

питании, и было готово туда тратить земские средства⁵¹³. Земцы справедливо считали, что необходимо давать массовую, а не единичную поддержку глухонемым детям.

После 1917 года в Тамбовской губернии начали реализовываться отдельные программы поддержки глухонемых детей на основе специального обучения. Отметим, что декретом Совнаркома от 30 мая 1918 года учреждения образования для глухих детей были включены в систему народного образования⁵¹⁴. Тем самым, организация специального обучения детей с нарушениями слуха была провозглашена как государственная ответственность и забота.

Судя по воспоминаниям преподавательницы школы для глухонемых детей В.А. Поросятниковой, по распоряжению губнаробраза в апреле 1919 года в уездном городе Козлове была открыта школа для глухонемых. Она была рассчитана на 50 детей обоего пола. В 1919–1920 гг. в школе числилось 13 детей в возрасте от 8 до 17 лет⁵¹⁵. Архивные документы подтверждают данные, приведенные в мемуарах⁵¹⁶.

Отсутствие общежития приводило к тому, что школу для глухонемых детей посещали только городские дети. Однако в 1920 году занятия в школе были прекращены из-за отъезда преподавателей. В школе оставались лишь 5 глухонемых учащихся. Работники губнаробраза направили письмо в столицу в Центральный комитет глухонемых, но ответ так и не поступил. В сентябре 1920 года губнаробраз предложил Козловскому унаобразу в спешном порядке

⁵¹³ Журнал Тамбовского уездного земского собрания очередной сессии 1904 года: с приложениями. Тамбов, 1905. С. 741-742.

⁵¹⁴ История становления и развития специального обучения и воспитания детей с нарушениями слуха в Тамбовской области. Часть 1. Период 20–80 годов XX века / авт.-сост. и ред. Т.А. Николенко. Тамбов, 2009. С. 4.

⁵¹⁵ Там же. С. 6-7.

⁵¹⁶ ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 213. Л. 39.

преобразовать школу в детский дом для глухонемых⁵¹⁷. Это позволяло бы рассчитывать на государственную поддержку и увеличить число воспитанников до 70 человек.

Однако эти планы так и не были реализованы, и инициативу подхватил губернский Тамбов, где нашлись специалисты по дефектологии. 23 октября 1920 года были набраны дети в детский сад-интернат № 3 для глухонемых детей. Его заведующим был утвержден А.Н. Поросятников⁵¹⁸. В сентябре 1921 года сад-интернат был переименован в детский дом № 5 дошкольного типа. Возраст первых воспитанников колебался от 5 до 9 лет, и вскоре учреждение получило название Дом глухонемого ребенка. Воспитатели проводили экскурсии для детей, изготавливали с ними поделки, ухаживали за животными и развивали их в соответствии с программами для воспитания глухонемых детей дошкольного возраста.

В декабре 1921 года в Тамбове был организован детский дом № 16 школьного типа для глухонемых детей. Вскоре туда были переведены и дети дошкольного дома № 5. В анкете губоно о работе детского дома в 1921–1922 гг. отмечалось, что «...учреждение находится в блестящем состоянии, в высшей степени жизнеспособно»⁵¹⁹. Отметим, что все же из-за проблем и трудностей с организацией выявления детей с нарушениями слуха в обстановке хаоса, вызванного «антоновщиной», развалом экономики, слабой организационной работой структур органов народного об-

⁵¹⁷ История становления и развития специального обучения и воспитания детей с нарушениями слуха в Тамбовской области. Часть 1. Период 20–80 годов XX века / авт.-сост. и ред. Т.А. Николенко. Тамбов, 2009. С. 7.

⁵¹⁸ ГАТО. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 215.

⁵¹⁹ История становления и развития специального обучения и воспитания детей с нарушениями слуха в Тамбовской области. Часть 1. Период 20–80 годов XX века / авт.-сост. и ред. Т.А. Николенко. Тамбов, 2009. С. 8.

разования, в первые месяцы существования учреждений для глухонемых детей там насчитывалось лишь около 20 детей и подростков. Но все же самым важным и значимым явлением было сохранение данного специализированного учебно-воспитательного заведения в условиях тотального сокращения детского призрачия в годы НЭПа.

Местные власти признавали в конце 1922 года, что работа с физически дефективными детьми (слепыми и глухонемыми) была успешной, результативной и давала хорошие результаты. По оценкам проверяющих, работа по воспитанию слепых была поставлена удовлетворительно, велось обучение музыке и ремеслам, имелись доски, и велось обучение по системе Брайля. Так же активно действовали учреждения для глухонемых: там проводилось обучение устной речи, постановка голоса, обучение письму, ремеслам и графическим искусствам⁵²⁰.

Спустя четыре года, 19 декабря 1926 года было издано постановление Совнаркома РСФСР «Об учреждениях для глухонемых, слепых и умственно-отсталых детей и подростков», в соответствии с которым создавались специальные школы (интернаты и экстернаты) для детей школьного возраста. В мае 1927 года детский дом для глухонемых детей в г. Тамбов был реорганизован в школу для глухих, при сохранении при нем дошкольного отделения. К 1929 году в Тамбове имелись интернаты для слепых и глухонемых, которые обслуживали детей со всего Тамбовского округа.

Необходимо иметь в виду, что властям необходимо было заниматься и «условно» физически-дефективными детьми, которые болели серьезными социально опасными заболеваниями (сифилисом, туберкулезом и пр.). В ведении губздрави находился в 1923 году детский дом для ту-

⁵²⁰ Тамбовский губернский исполнительный комитет. Краткий обзор народного хозяйства Тамбовской губернии за 1921–1922 гг. Тамбов, 1922. С. 33.

беркулезных детей, открываемый в дачной местности в летнее время, а также дом для детей люэтиков (сифилитиков), где они содержались до выздоровления⁵²¹. Эти меры позволяли несколько сдерживать распространение опасных инфекций и поправлять здоровье больных детей, которые без лечения и ухода были бы обречены на гибель.

В Тамбовской губернии существовал и детдом для умственно-отсталых детей, которые не могли воспитываться в нормальных детучреждениях, но персонал не имел специальной подготовки, не был обучен для работы с такими детьми. К тому же снабжение дефективных детей, как пищевое, так и вещевое, производилось по норме обычных детучреждений, что являлось недостаточным для них, так как большинство являлись истощенными по причине нервных страдания, присущих таким детям.

Необходимо учитывать, что очень тревожной и опасной была санитарно-эпидемиологическая обстановка, уровень заболеваемости детей практически во всех детских домах Тамбовской губернии. При специальных обследованиях детских домов оказывалось, что детей физически дефективных было до 70 %, а в «Доме революции» из 500 человек имелось 150 детей с начатками туберкулеза. Много было также детей с наследственным и приобретенным сифилисом⁵²². Эти данные свидетельствуют, что многие воспитанники в детских домах в первые годы советской власти страдали различными, чаще всего социально-опасными заболеваниями (туберкулез, сифилис, чесотка, сыпной тиф, скарлатина и пр.).

В целом, можно сделать вывод, что попытки организации поддержки физически-дефективных детей (слепых, глухонемых, страдающих психическими расстройствами

⁵²¹ Год работы. Отчет Тамбовского губернского исполнительного комитета. Октябрь 1923 – октябрь 1924 г. Тамбов, 1924. С. 92.

⁵²² ГАТО. Ф. Р-7512. Оп. 1. Д. 109. Л. 30 об.

и др.) в Тамбовской губернии проводились в незначительном количественном и качественном измерении, носили нередко импульсивный характер и не решали проблему на уровне региона. По сути, лишь часть детей смогли проходить обучение, воспитание и социализироваться в специальных учебно-воспитательных учреждениях, а абсолютное большинство детей-инвалидов оказывались за бортом всякой государственной поддержки, рассчитывая лишь на возможную помощь родственников или ближайшего окружения.

Как же справлялись с социально-дефективными и аморальными детьми на региональном уровне? И насколько успешной была в Тамбовской губернии работа по социальной защите детей с иными проявлениями дефективности?

Заметим, что проблема социальной защиты дефективных детей в Тамбовской губернии в первые годы советской власти была неразрывно связана с детскими исправительными учреждениями. 24 марта 1919 года коллегия губоно приняла постановление об организации при губсоцвесе секции дефективных детей, и с января 1920 года эта секция начала работать⁵²³. 6 апреля 1920 года из ведения губздравотдела в ведение губсоцвеса была передана комиссия по делам несовершеннолетних, обвиняемых в общественно опасных деяниях.

При этом детские дома для «трудновоспитуемых детей» при Наркомпросе мало отличались от исправительных детских учреждений НКВД. Кроме того, при Наркомате социального обеспечения действовала специальная Комиссия несовершеннолетних, занимавшаяся организацией борьбы с детской преступностью. В соответствии с декретом

⁵²³ ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 102. Л. 54.

СНК РСФСР от 14 января 1918 года в столице, а позже и в провинции были созданы «Комиссии для несовершеннолетних», которые могли освободить подростка в случае признания его проступка незначительным либо направить его для исправления в соответствующее учреждение⁵²⁴. Фактически же в учреждениях для «социально-дефективных» детей содержались и дети-инвалиды, дети-калеки, все, кого власти относили к «физически-дефективным».

Руководитель подотдела социального воспитания губернатор Е.А. Васильева в своей программной статье, опубликованной в январе 1919 года в «Вестнике просвещения», заявила, что в Тамбовской губернии будут создаваться специальные учреждения и наблюдательные дома: а) дома для нормальных детей; б) санатории для больных и слабых; в) дома для дефективных детей; г) дома для слепых и глухих. Главной задачей считалось – «уничтожить условия, создающие кадры преступников, идиотов, больных и несчастных, и сделать общественный организм крепким и сильным, устранив из него дряблых членов»⁵²⁵. Однако столь амбициозные установки наталкивались на каждодневные трудности, недофинансирование, различные образовательные и воспитательные коллизии и конфликты в самих детских учреждениях.

Иногда «сложных» детей просто пересылали из одного учреждения в другое. Так, Кирсановский отдел народного образования просил вернуть в Тамбов пятерых «дефективных» детей (правонарушителей), так как в уездном городе не было и не планировалось организовывать дом для дефективных детей. В обращении указывалось, что «пребы-

⁵²⁴ Смирнова Т.М. Дети страны Советов: От государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1940 гг. Москва; Санкт-Петербург, 2015. С. 53.

⁵²⁵ Васильева Е.А. Задачи социального воспитания // Вестник просвещения. 1919. № 1-2. С. 10.

вание препровождаемых правонарушителей в детских домах нормальных детей немислимо: они деморализуют соприкасающихся с ними детей, ведут их к верной гибели»⁵²⁶. Тамбовский губернский отдел социального обеспечения аналогично просил в том же 1919 году срочно озаботиться созданием колонии для дефективных детей, в которую через 3–4 дня будут присланы дефективные дети из детского дома «Ленина» в количестве 6–8 человек, так как «...из-за блага нескольких дефективных детей преступно нарушать жизнь 170–200 детей, находящихся в доме «Ленина».

Летом 1919 года остро встал вопрос об организации приемника для «аморальных» детей в г. Тамбове. Для этого был передан дом № 133 про улице К. Маркса⁵²⁷, рассчитанный на 15 детей. Заведующий подотделом социального воспитания просил инспектора труда разрешить детям из приемника аморальных детей работать на разгрузке дров на пристани Казанского монастыря. Он считал, что детям от 14 до 17 лет важно предоставлять постоянные занятия ввиду не законченности оборудования вновь организуемого приемника⁵²⁸. Детей надо было чем-то занять, так как никаких учебных занятий или воспитательной работы с ними в этот период не планировалось. Кроме того, детей очень плохо кормили. Так, в июле 1919 года им отпускались только хлеб, пшено, чечевица, соль, сахар, чай. Ни жиров, ни овощей в горпродотделе не было. «Аморальные» дети питались очень скудно. Часто они были предоставлены сами себе и не имели постоянного надзора и заботы со стороны взрослых.

В октябре 1919 года Секретный отдел губчека Тамбовской губернии был вынужден обратиться в губотдел на-

⁵²⁶ ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 222. Л. 55.

⁵²⁷ Там же. Д. 223. Л. 2.

⁵²⁸ Там же. Л. 7.

родного образования: «По имеющимся сведениям в колонии малолетних преступников нет никакого надзора, так что находящиеся дети уходят из помещений на базар и там уже вновь продолжают свои гнусные поступки. Поэтому секретный отдел просит Вас принять все зависящие от Вас меры, дабы избежать дальнейших нареканий в строительстве советской власти»⁵²⁹. Для наказания провинившихся несовершеннолетних преступников имелся изолятор, находившийся в ведении Губнаробраза⁵³⁰.

Однако социально-политические, финансово-организационные метаморфозы системы образования и воспитания, общая нестабильность в регионе не давали возможности реализовать даже отдельные позитивные изменения в жизни детей. Так, единственная в Тамбовской губернии ремесленно-воспитательная школа для аморальных детей была занята в 1919 году под военный постой⁵³¹. Военные «оккупировали» также под расквартирование все удобные для них здания в городах Тамбовской губернии, безжалостно выпроваживая из них детей и детские учреждения. В Козловском уезде, по сообщениям властей, все «...имеющиеся школьные здания заняты под войсковые части 8 армии, и учебные занятия не проводились»⁵³². Из Усманского уезда сообщали, что уезд в 1919 году представляет собой прифронтовую полосу, а работников и специалистов не имелось. Но школу для дефективных детей открыть в уезде можно, если «взять для этой цели какое-либо из имений, в частности имение в Павловской волости»⁵³³. На бывшие дворянские имения советские управленцы рассчитывали и

⁵²⁹ ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 223. Л. 15.

⁵³⁰ Отчет Совету труда и обороны за период с 1 октября 1921 г. по 1 апреля 1922 г. Тамбов, 1922. С.146

⁵³¹ ГАТО. Ф. 1404. Оп. 1. Д. 221. Л. 6.

⁵³² Там же. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 213. Л. 39.

⁵³³ Там же. Л. 43.

позже, но большинство «дворянских гнезд» было уже разграблено, сожжено и уничтожено бессмысленным и беспощадным «русским бунтом».

Впрочем, в этот период отмечались и попытки реанимации и создания ремесленно-воспитательных школ для малолетних преступников, имевшихся прежде в Тамбовской губернии. Так, ремесленно-воспитательная школа для морально-дефективных, обвиняемых в общественно-опасных деяниях, носила название колония № 10. В этой колонии работали: Карл Людвигович Вааде – заведующий и исполняющий обязанности воспитателя; Карл Иванович Топс – огородник; Иван Антонович Гонуско – кучер; Семен Данилович Криворотов – сапожник. Единственным специалистом по работе с аморальными детьми был Евгений Михайлович Рубинов – воспитатель⁵³⁴. В августе 1919 года в Арженском советском хозяйстве Тамбовского района в 30 км от Тамбова в селе Рассказово была создана ремесленно-воспитательная школа для 100 детей-преступников. Однако власти так и не обеспечили это воспитательное учреждение необходимым инвентарем, огородами для работы и выращивания овощей. Но все же главной проблемой были кадры. Имевшиеся воспитатели не занимались детьми, и они были предоставлены сами себе, а один из воспитателей страдал чахоткой и «харкал кровью при воспитанниках»⁵³⁵. Подобная антисанитария и хаос в организации воспитательной работе приводили к частым побегам детей, а также их дополнительной криминализации и безнадзорности.

В 1919 году в Тамбовской губернии были организованы секции правовой защиты детей при уездных и губернском отделах народного образования. Кроме того, в уездах действовали комиссии о несовершеннолетних обвиняемых в общественно-опасных деяниях. Так, в уездном городе

⁵³⁴ ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 213. Л. 8.

⁵³⁵ Там же. Л. 11.

Липецк такая комиссия была создана 1 августа 1919 года и состояла из четырех членов: представителей отделов: народного образования, здравоохранения, социального обеспечения и юридического бюро. Было принято 56 дел из отделов народного образования и здравоохранения⁵³⁶. По каждому делу принималось конкретное решение, и составлялась отчетность.

Темниковский уездный подотдел охраны здоровья детей сообщал 25 октября 1919 года, что на очередном заседании комиссии было рассмотрено 16 дел. Было решено: два дела прекратить ввиду того, что они возникли до 25 октября 1917 года, и обвиняемым уже исполнилось 17 лет, одно дело было решено прекратить ввиду отказа потерпевшего от обвинения, пять дел отложили ввиду неявки обвиняемых⁵³⁷.

В Темниковском уезде в конце 1919 года были открыты две школы для дефективных детей по 100 человек. Кроме того, в ведении комиссии по делам несовершеннолетних преступников имеется 49 малолетних, обвиняемых в общественно опасных действиях⁵³⁸.

Иногда местные власти выступали с инициативами по совершенствованию надзора над несовершеннолетними. Так, из города Борисоглебска сообщали, что в марте 1919 года была создана уездная комиссия по делам о несовершеннолетних, обвиняемых в действиях общественно-опасных. Всего было рассмотрено 26 дел. Из общего числа малолетних 10 были оправданы комиссией, 15 были признаны действующими по недоразумению и отданы под надзор родителей и одного постановили поместить в воспитательно-исправительное заведение.

⁵³⁶ ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 349. Л. 9.

⁵³⁷ Там же. Л. 12.

⁵³⁸ Там же. Д. 213. Л. 34.

Комиссия предполагала сформировать штат братьев и сестер социальной помощи и устроить колонию для дефективных детей, куда бы она могла направлять малолетних. Однако все эти планы не были осуществлены, так как «вследствие эвакуации работа комиссии временно прекратилась»⁵³⁹.

В некоторых уездах Тамбовской губернии комиссии о несовершеннолетних так и не были созданы, а местные власти лишь просили прислать инструкции о том, кто и как будет содержать воспитателей – обследователей губздрав или гунаобраз, а также куда помещать подростков-преступников, если нет никаких специальных для них заведений? Нередко между чиновниками уездного и губернского уровней велась активная переписка, запрашивались инструкции и бланки, но не было реальной деятельности и результатов⁵⁴⁰.

Пытались включаться в проблему работы с несовершеннолетними работницы женотделов. Так, в тезисах к докладу подотдела Охраны детства на губплenumе отдела работниц 3 января 1921 года указывалось, что главная задача подотдела охраны детства дать государству здорового, работоспособного гражданина, воспитанного в коммунистическом духе.

Во исполнение данной задачи охраны жизни ребенка Подотдел планировал организовать широкую сеть детских домов, общественные столовые, снабжение обувью и одеждой как организованных, так и неорганизованных детей. Футуристический прогноз подотдела Охраны и детства был зафиксирован в производственном плане на 1921 год: «...открыть 120 детских домов по 60 человек в каждом, 3 школы для слепых, 3 школы для глухонемых, 14 приемников для аморальных детей, 3 школы для дефективных, 11

⁵³⁹ ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 213. Л. 20-21.

⁵⁴⁰ ГАТО. Ф. Р-7512. Оп. 1. Д. 109. Л. 9-10.

приемных пунктов на железнодорожных станциях...⁵⁴¹ Понятно, что в условиях НЭПа все эти планы остались неосуществленными и были лишь несбыточной мечтой женщин-активисток.

Более точные данные и реалистические планы прозвучали в докладе на губернском пленуме работниц 14 августа 1920 года. Докладчик Селецкий указывал, что «...все дела о преступности подростков выделяются из общей подсудности и передаются в отдел Охраны детства и носят лечебно-воспитательный характер. Война создала огромный контингент беспризорных детей. Каждый день с поездов привозят по 10–15 детей, совершенно предоставленных самим себе. Детские дома переполнены до 150 %, существует огромный недостаток почти во всех домах...

Принимая во внимание прежнее воспитание в приютах, которые не способны были из своих питомцев сделать человека с определенной подготовкой для дальнейшей самостоятельной жизни, отдел Охраны детства ставит себе боевую задачу: провести в детских домах трудовые принципы, дав в руки каждого воспитанника дело, которым он мог бы существовать в дальнейшей жизни»⁵⁴². Заметим, что новые советские управленцы активно использовали «военную» терминологию, которая, как им казалось, была бы более успешна и понятна для подчиненных. Частично элементы такой «милитаризации» вносились и в систему образования и воспитания для морально-дефективных детей.

В это же время отдел Охраны детей планировал устроить и институт «Сестер и братьев в социальной помощи», который брал бы на себя воспитание и защиту прав личности ребенка. Этот институт опекунов над личностью ребенка должен был содействовать воспитанию не только в общественных детских учреждениях, но и работать с деть-

⁵⁴¹ ГАТО. Ф. Р-7512. Оп. 1. Д. 109. Л. 1 об.

⁵⁴² Там же. Л. 30 об.

ми, живущими в семье. Примечательно, что Подотдел ставил своей задачей полную «ликвидацию дефектов физических и моральных» в Тамбовской губернии.

В 1920 году губздравотдел и губернская РКИ провели проверку детских домов в Тамбовской губернии. Она выявила катастрофическое положение с питанием, заболеваемостью детей, обеспечением их одеждой и т. п., стало очевидно, что нужна была межведомственная организация, которая бы координировала работу детских домов и вникала бы во все неотложные проблемы.

К осени 1921 года в Тамбовской губернии имелось 12 комиссий о несовершеннолетних правонарушителях, в составе которых были педагоги, медики и юристы. По характеру преступлений, совершенных подростками, выявлены были следующие показатели: 65 % воровство, 20 % – хулиганство, 10 % – спекуляция, 5 % – все (поджоги, подделка денег, оскорбление и пр.). Дети, прошедшие комиссию, подвергались: внушению, отдаче под опеку, помещению в детские дома, заключению в карцер. Как признавали сами члены комиссии, количество преступлений непрерывно возрастало в зависимости от ухудшения социальных условий вообще и роста дороговизны в особенности⁵⁴³.

В 1921 году для всех «дефективных детей» было устроены в Тамбовской губернии «особые» детские дома.

Как показывают данные таблицы, только губернский центр Тамбов сохранил некоторые учреждения для «дефективных» детей. Другие же из-за отсутствия средств, кадров и перспектив работы были ликвидированы.

Современники констатировали, что борьба с преступностью тормозилась отсутствием исправительных учреждений и плохой постановкой дела в существующих приемниках и домах для дефективных детей. Приемники были

⁵⁴³ Отчет Совету труда и обороны за период с 1 октября 1921 по 1 апреля 1922 г. Тамбов, 1922. С. 162.

очень плохо снабжены материально и педагогическими силами и большей частью перегружены⁵⁴⁴. Не случайно в «Вестнике просвещения» № 8 за декабрь 1921 года отмечалось, что в детском доме ребенок «должен был получать полное удовлетворение всех своих запросов», но возникали «непреодолимые препятствия: недостаток денежных и материальных средств, помещений, коммунистически воспитанного персонала, изобилие мертвящих традиций и т. п.». Руководители губернского наробраза констатировали, что «огромные массы детей, выпавшие из-под влияния семьи, не могущие быть приняты в нормальные учреждения соц. восп. и идущие по пути беспризорности, нищенства, спекуляции и правонарушений, нуждаются в сети «аморальных учреждений», в сети организаций по «Правовой защите несовершеннолетних», всякая нужда в которых совершенно отпадет, когда все дети страны будут воспитанниками нормальных детских домов»⁵⁴⁵.

№ п/п	Города	Характер учреждения	Рассчитан на количество детей	Находится детей
1	Тамбов	Детдом для слепых	40	20
2		Детдом для глухонемых	40	15
3		Детдом для трудновоспитуемых	40	35
4		Дом ребенка для глухонемых	12	–
5		Приемник для аморальных детей	40	20–30
6	Борисоглебск	Приемник	37	
7	Остальные города		Изолятор, приемник	Детей нет

⁵⁴⁴ Тамбовский губернский исполнительный комитет. Краткий обзор народного хозяйства Тамбовской губернии за 1921–1922 гг. Тамбов, 1922.

⁵⁴⁵ Вестник просвещения. 1921. № 8. С. 19–20.

Таким образом, спустя 4 года после революции 1917 года региональные руководители наробраза были уверены, что все дети в недалеком будущем будут воспитываться в системе социального воспитания в детских домах!

В целом, в отчете по социальному воспитанию в Тамбовской губернии за 1921–1922 гг. указывались достижения и результаты работы по социально-правовой защите несовершеннолетних. Борьба с детской социальной беспризорностью и дефективностью велась при наличии следующих учреждений: приемников-распределителей – 5, приемников-коллекторов – 1.

В Тамбове имелось 12 детских домов для дефективных детей (слепых – 1, глухонемых – 2, умственно-отсталых – 1, морально дефективных – 4, смешанного типа – 4). Было открыто 12 воспитательных школ.

Постановка учебно-воспитательной работы в детучреждениях велась на основе проведения в жизнь указаний, циркуляров из центра, их дополнений соцвосом. В Тамбове, в отличие от уездов, существовало личное инструктирование педперсонала работниками губнаробраза.

В детских домах для содержания дефективных детей преследовалась главным образом цель исправления характера и дурных наклонностей детей к хулиганству, бродяжничеству и пр. Однако суровая и скудная обстановка сама по себе толкала подростков к воровству и побегам⁵⁴⁶.

В колониях для малолетних преступников отсутствовали мастерские и нужная обстановка, которая была бы необходима для удержания воспитанников от преступных наклонностей. Часто дети и подростки были предоставлены сами себе и находились вне контроля воспитателей. Работники подобных учреждений выполняли по сути функ-

⁵⁴⁶ Тамбовский губернский исполнительный комитет. Краткий обзор народного хозяйства Тамбовской губернии за 1921–1922 гг. Тамбов, 1922. С. 33.

ции надзирателей и сторожей, но совершенно не занимались обучением и воспитанием детей и подростков.

По признанию работников губнаробраза, детская беспризорность заметно уменьшилась в связи с реализацией урожая и уменьшением голодания в 1922 году, но вследствие обще-социального потрясения губернии за последние два года вне домов находилось значительное число сирот, полусирот и детей экономически бедствующих жителей Тамбовской губернии, которые составляли в общей сложности не менее половины принятых в детдома детей. Эти дети не получали ни образования, ни должного питания и являлись беспризорными во всех отношениях⁵⁴⁷. К тому же в Тамбовской губернии из-за сокращения финансирования и недостатка средств были ликвидированы подотделы правовой защиты детей, а сотрудники этих учреждений сокращены и уволены.

По мнению специалистов губнаробраза, «детская дефективность проявлялась разнообразно: в состоянии недоразвития или поражения может находиться любая сторона физической или душевной организации ребенка или целый ряд сторон. Так, кроме чистых видов слепоты, глухоноты, моральной и умственной отсталости бывали и смешанные страдания, например, умственное недоразвитие на почве легкой глухоты, подслеповатости, недоразвития речи, нервности и т. д. Дореволюционная и современная практика воспитания и образования дефективных детей устанавливала очень сложную и дробную группировку дефективных детей внутри детучреждений». Но в условиях последствий «антоновщины» и геоклиматических кризисов (голодовок, засухи и пр.) сеть детучреждений была очень

⁵⁴⁷ Тамбовский губернский исполнительный комитет. Краткий обзор народного хозяйства Тамбовской губернии за 1921–1922 гг. Тамбов, 1922. С. 33.

примитивна, груба и далеко отставала в своем совершенстве от требований дефективной педагогики.

При дальнейшем планировании работы губнаробраз предлагал:

1) реорганизовать в Тамбове и открыть в Моршанске и Липецке «колонии для малолетних преступников»;

2) провести в губернии агиткомпанию за частное патронирование детей и разместить в этом порядке до 1000 человек;

3) реэвакуировать из Тамбовской губернии детей-беженцев;⁵⁴⁸

4) предлагалось открывать также «дома принудительного воспитания детей» и созвать съезд губнаробраза по борьбе с дефективностью и беспризорностью⁵⁴⁹.

Для рассмотрения дел о несовершеннолетних, обвиняемых в общественно опасных деяниях, действовали комиссии о несовершеннолетних при подотделе правой защиты несовершеннолетних унаробраза. К этому времени Уголовный кодекс понизил возраст полной ответственности перед судом за совершенные преступления до 16 лет⁵⁵⁰. Если подросток не поддавался мерам воспитательного воздействия, он направлялся в приемник для аморальных детей в г. Тамбов, впоследствии переведенный в бывшую колонию малолетних преступников. Общими мерами воспитательного воздействия были беседы, разъяснения и замечания, отдача детей под присмотр родителей или родственников, а также специальных воспитателей⁵⁵¹.

⁵⁴⁸ Тамбовский губернский исполнительный комитет. Краткий обзор народного хозяйства Тамбовской губернии за 1921–1922 гг. Тамбов, 1922. С. 35.

⁵⁴⁹ Вестник просвещения. 1922. № 2-3. С. 29.

⁵⁵⁰ Тамбовский губернский исполнительный комитет. Краткий обзор народного хозяйства Тамбовской губернии за 1921–1922 гг. Тамбов, 1922. С. 57.

⁵⁵¹ Там же. С. 58.

К концу 1922 года сохранялось лишь несколько форм организации детских учреждений: приемники-распределители (временного пребывания), детские дома, детские приюты для детей младшего возраста и детские колонии, как правило, для детей старших возрастов⁵⁵². В целом, в период НЭПа 98,6 % детских домов были ликвидированы. Современники однозначно негативно оценивали последствия НЭП для детских учреждений, в том числе и для домов для дефективных и аморальных детей⁵⁵³.

Спустя два года, в 1924 году, в Тамбовской губернии было 70 детских домов, где призревалось 5576 детей. Но за год число детских домов уменьшилось на 32 и количество детей в них – на 877. Причиной уменьшения числа детей в детских домах было тяжелое состояние бюджета⁵⁵⁴. Число беспризорных в Тамбовской губернии составляло 1868 человек, из которых около 300 планировалось направить в детские дома.

Региональные власти указывали, что необходимо было расширение детских домов для социально запущенных детей в Тамбове и Моршанске, так как в Тамбовской губернии числилось 149 детей-рецидивистов, для которых не хватало места в этих детских домах⁵⁵⁵.

В 1924 году работа по социально-правовой охране несовершеннолетних состояла в борьбе с детской беспризорностью и преступностью, а также оказанию юридической помощи беспризорным. Эта работа осуществлялась через комиссию о несовершеннолетних и институт детской инспекции и опеки. Всего в губернии числился 21 детский инспектор. Инспекторы за год провели работу с 2254 несо-

⁵⁵² ГАТО. Ф. Р-2379. Оп. 1. Д. 5. Л. 34.

⁵⁵³ Вестник просвещения. 1922. № 2-3. С. 30.

⁵⁵⁴ Местный бюджет Тамбовской губернии на 1924–25 гг. Тамбов, 1925. С. 44.

⁵⁵⁵ Там же. С. 45.

вершеннолетними, из которых было отправлено на родину 284 человека, в приемники – 968, учреждена опека над 1975 несовершеннолетними и отданы в частный патронат 127 человек. Всего в Тамбовской губернии имелось 4 приемника и два детских дома для социально запущенных детей в Моршанске и Тамбове.

Комиссиями о несовершеннолетних было рассмотрено 192 дела о 1178 несовершеннолетних, которых обвиняли в кражах, драках, игре в карты, гонке самогона и пр. После разбора дел несовершеннолетние были направлены: в детские дома – 97, в школы – 50, в детские учреждения дефективных – 648, под надзор школьных работников – 113, в нарсуд – 45, сделаны разъяснения и внушения – 110⁵⁵⁶.

Власти признавали, что положение в детских домах было тяжелое. Питание поставлено удовлетворительно, но с обмундированием обстояло очень плохо. Дети некоторых детских домов не могли даже выходить на свежий воздух за отсутствием обуви и одежды⁵⁵⁷. Прошло почти семь лет, как в регионе установилась советская власть, но положение детей в детских домах было бедственным, что свидетельствовало о провале максимальной заботы «пролетарского государства» о детях как «цветах жизни»...

Распределение учреждений для беспризорных детей по уездам показывают статистические таблицы, построенные на основе данных от 1 марта 1924 г.⁵⁵⁸

В целом сеть детских домов в Тамбовской губернии значительно сократилась, что являлось следствием:

1) регулярной разгрузки детских домов, имеющих родственников;

⁵⁵⁶ Год работы. Отчет Тамбовского губернского исполнительного комитета. Октябрь 1923 – октябрь 1924 г. Тамбов, 1924. С. 82.

⁵⁵⁷ Там же. С. 61.

⁵⁵⁸ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 851. Л. 11.

- 2) посылки переростков на работу, подростков на производство в броню и в техникумы на стипендии;
- 3) особо осторожного приема в детские дома.

Наименование уезда	Детских домов школьного типа				Детских домов дошкольного типа				Детских домов для дефективных детей			
	учрежд.		детей		учрежд.		детей		учрежд.		детей	
	гор.	уезд.	гор.	уезд.	гор.	уезд.	гор.	уезд.	гор.	уезд.	гор.	уезд.
Борисоглебский	2	3	180	395	3	1	260	36				
Кирсановский	4	6	241	343	2		87					
Козловский	3	3	286	170	1		62					
Лебедянский	2	1	102	31		1		113	1		25	
Липецкий	1	2	292	165	2		195					
Моршанский	5	8	258	256	2	1	85	35	1		20	
Гамбовский	12	8	1359	595	7	3	308	135	5		120	

В отчете о работе Тамбовского губернского исполнительного комитета XII созыва указывалось, что в 1924–1926 г. динамика состояния детских домов была таковой: в 1924 г. было 96 домов и 6037 детей; в 1925 г. было 63 детдома и 4990 детей; в 1926 г. имелось 56 детских домов и 4550 детей⁵⁵⁹.

Сокращение числа детей происходило и из-за разгрузки детских домов от детей, передаваемых родителям, и выпуска подростков на самостоятельную жизнь. Но никаких средств для поддержки выпускников детских домов не было. В детских домах постоянно ощущался недостаток инвентаря и белья. Питание было также недостаточным и составляло лишь 5 руб. в месяц на человека. Полный годовой расход на воспитанника составлял 138 рублей⁵⁶⁰.

В 1925 году в Тамбове параллельно с деткомиссией действовало общество «Друг детей» (ОДД).

⁵⁵⁹ Отчет о работе Тамбовского губернского исполнительного комитета XII созыва. Тамбов, 1927. С. 81.

⁵⁶⁰ Там же. С. 81.

Борьба с беспризорностью в этот период велась в следующих направлениях:

- 1) определение ребят в детские дома;
- 2) учреждение опеки;
- 3) отдача под патронат;
- 4) оказание единовременной и материальной помощи пищей, одеждой, деньгами и предоставление возможности отправления к родным;
- 5) определение в производство или к кустарям.

Однако точно учета беспризорных в Тамбовской губернии не проводилось. Велась только регистрация беспризорных, проходивших через детские социальные инспекции в городах. Через эту регистрацию прошел 2441 человек, из которых было направлено в детские дома 230 человек, отправлено на родину 1847 детей и остальным оказана материальная помощь питанием, ночлегом и обмундированием⁵⁶¹. Активно работали в этот период и детские инспекции, через которые прошло 3920 беспризорников. Для трудновоспитуемых детей и правонарушителей имелось два детдома: в Моршанске на 355 человек и в городе Тамбове на 80 человек⁵⁶².

Проблема детской беспризорности, а значит и детской преступности не снялась с повестки дня и в 1926 году. Не случайно 8 марта 1926 года СНК СССР и Президиум ВЦИК приняли положение «О мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью в РСФСР». СНК признал необходимым:

– выпустить из детдомов подростков, устроив их в крестьянские семьи, к кустарям, ремесленникам и на про-

⁵⁶¹ Отчет о работе Тамбовского губернского исполнительного комитета XII созыва. Тамбов, 1927. С. 82.

⁵⁶² Отчет о работе Тамбовского губернского исполнительного комитета XI созыва. Тамбов, 1926. С. 138.

изводство с оказанием единовременной помощи в размере 50 руб. на подростка;

– возратить из детских домов детей, нашедших родителей и родственников, оказав последним помощь на каждого ребенка 60 руб.;

– организовать и улучшить уже существующие при детучреждениях мастерские;

– организовать работу медико-педагогических учреждений для беспризорных детей эпилептиков, психопатов, наркоманов;

– организовать ночлежные пункты для беспризорных детей;

– трудовые общежития для беспризорных матерей и оказать помощь на патронирование подкидышей;

– расширить трудовые исправительные дома НКВД для трудновоспитуемых подростков;

– расширить сеть детских учреждений для беспризорных детей⁵⁶³.

По оценкам А.А. Дика, воспитанникам детских домов в Тамбовской губернии нередко удавалось восстановить связь со своими родственниками⁵⁶⁴. Так, в 1927 году около 4000 детей нашли своих родных⁵⁶⁵. Существовала особая программа по передаче детей в крестьянские семьи. За период с апреля 1926 года по июль 1927 года крестьянам в Тамбовской губернии было передано более 1000 детей⁵⁶⁶. При передаче детей родственникам выдавалось пособие в 60 руб., а на устроенных в крестьянские семьи – по 50 руб. При этом крестьян, попечительствующих над бывшими беспризорными, на три года освобождали от уплаты сельскохозяйственного налога. Кроме того, им выплачивалось

⁵⁶³ ГАТО. Ф. Р-2379. Оп. 1. Д. 9. Л. 8.

⁵⁶⁴ Дик А.А. Указ. соч. С. 115.

⁵⁶⁵ ГАТО. Ф. Р-2379. Оп. 1. Д. 9. Л. 8.

⁵⁶⁶ Там же. Л. 404.

за призреваемого ребенка от 12 до 15 руб. в месяц⁵⁶⁷. Дети, отпускаемые к новым родителям, получали одну смену нательного белья, один костюм, одно пальто, одну пару обуви и один головной убор. Пристраивая ребят, детские дома освобождали места для новых беспризорных.

В 1927 году постановление ВЦИК определило права и обязанности деткомиссии в новых условиях. Ее состав должен был определять губисполком⁵⁶⁸. В связи с изменениями территориально-административного устройства 28 июля 1928 года была образована окрдеткомиссия, которая продолжала работу по предупреждению беспризорности⁵⁶⁹. Иногда публиковались данные и том, что близко уже победа над беспризорностью, но это были все же мечтания и прожекты. Реальность была иной.

Козловский уисполком сообщал в 1928 году в губисполком о том, что беспризорные дети собирались с железнодорожных вокзалов, базаров и других мест, после чего направлялись в детский дом-приемник, который содержал детей в возрасте до 16 лет. Беспризорники с 16 лет, как правило, уже являлись рецидивистами и имели связь со взрослыми ворами и хулиганами. Эти великовозрастные беспризорники, являлись главными «заразителями» детей младшего возраста, подчиняя их своей силе, обучали скитаться, производя кражи, дебоши и набеги. «Одно время таковые задерживались и направлялись в уголовный розыск или милицию, но за неподсудностью по возрасту отпускались на волю или препровождались в «ночлежку» УОНО, где мстили, угрожая взрослым, в том числе воспитателям, и избивая менее испорченных малолетних. Небольшой процент таких «великовозрастных» имелся в детском доме-приемнике, куда они непосредственно были на-

⁵⁶⁷ ГАТО. Ф. Р-2379. Оп. 1. Д. 6. Л. 31.

⁵⁶⁸ Там же. Д. 11. Л. 2.

⁵⁶⁹ Там же. Д. 12. Л. 181.

правлены из ночлежки. Вывод, сделанный Козловским уисполкомом по результатам своей работы с беспризорными, гласил, что меры воспитания, прилагаемые к велико-возрастным беспризорным, не подходили, и эти ребята разлагали устои трудового воспитания»⁵⁷⁰.

Так что до полной ликвидации беспризорности было еще очень-очень далеко...

II.6. Охрана материнства и младенчества в 20-е гг. XX века на Тамбовщине

Самой важной проблемой призрения детей в эпоху революционных перемен 1917 года центральные и региональные власти, общественные организации, партийно-политические структуры считали охрану материнства и детства. Конечно, радикализация жизни в регионах и оглядка на столицу формировали особые умонастроения и жизненные ориентиры в провинциальном социуме, тем не менее, мечты о воспитании поколения строителей нового счастливого будущего являлись важным направлением общественных настроений. Не случайно уже в начале июня 1917 года Тамбовский «демократический женский союз» указывал, что среди важнейших забот союза есть забота о чисто женских и детских нуждах. Заботу о детских нуждах союзницы понимали «...как защиту детских интересов вообще и как способствование правильной постановке умственного, нравственного и физического развития детей – будущих граждан свободной России»⁵⁷¹. Однако серьезных перемен в организа-

⁵⁷⁰ ГАТО. Р-1. Оп. 1. Д. 1848. Л. 1.

⁵⁷¹ Тамбовский земский вестник. 1917. 10 июня.

ции призрения детей-подкидышей и заботе о новорожденных до конца 1917 года так и не случилось. Продолжал работать приют для подкидышей при губернской земской больнице, другие земские и городские учреждения по призрению детей-сирот, но в течение всего года резко сокращалось их финансирование и возможности питания и содержания детей.

Пришедшие к власти в столице большевики с первых дней советской власти придали охране материнства и младенчества государственный статус. В декабре 1917 года коллегия Народного комиссариата государственного призрения принимает решение о создании Отдела охраны материнства и младенчества, начавшего функционировать с 1 января 1918 года во главе с В.П. Лебедевой. По декрету Наркомата государственного призрения от 30 января 1918 года все учреждения, занимающиеся обслуживанием матери и ребенка, передавались в ведение этого отдела.

«23 марта 1918 года комиссариат социального обеспечения «перешел в мое заведование», – указывала в своем отчете нарком А.М. Коллонтай, – а из многочисленных прежде отделов был создан самый важный «Отдел охраны материнства и младенчества»⁵⁷². В основу работы отдела были положены следующие руководящие принципы:

1. Деторождение – социальная функция женщины, и обязанность государства поставить мать-труженицу в условия, облегчающие ей выполнение этой функции.

2. Дети – как будущие граждане Советской Социалистической Республики, с первых же дней жизни являются предметом забот социалистического государства».⁵⁷³

В столице было принято принципиальное решение о «ликвидации в Советской России всех воспитательных домов, где из-за скученности детей и отвратительных условий ухода», по мнению новых советских властей, смерт-

⁵⁷² ГАТО. Ф. 1566. Оп. 1. Д. 10. Л. 3.

⁵⁷³ Там же. Л. 3.

ность доходила до 78 % и больше. По оценкам А.М. Коллонтай, немногие выжившие питомцы владели жалкое существование, как «калеки, паралитики, изуродованные и ничему не обученные элементы, являясь вечными пенсионерами государства»⁵⁷⁴. По всей стране должны были возникнуть учреждения Охраны материнства и младенчества, а также «Дома матери и ребенка».

Ведущими и привычными лозунгами новой власти стали: «Дети – наше будущее», «Охрана детства – лозунг Советской власти», «Дети – надежда Советской России. Берегите детей» и др. 11 июля 1918 года был создан Комиссариат здравоохранения РСФСР, в ведение которого были переданы все детские учреждения для грудных детей и детей в возрасте до 3-х лет. По сути это было использование прежнего опыта императорской России по призрению подкидышей, приняты для которых открывались при уездных и губернских земских больницах.

В провинциальной России, в частности в Тамбовской губернии, процессы формирования структур по управлению охраной материнства и детства запаздывали и протекали нередко по произвольному сценарию. Все упиралось в финансы, точнее, в их наличие или отсутствие, а также в инициативность местных управленцев. Заметим все же, что особую роль в развитии региональной системы социальной защиты матери и ребенка играли женские организации, в частности женские советы.

В Тамбовской губернии только 5 июня 1918 года был образован *Подотдел материнства и детства*, который входил в отдел социального обеспечения, и он принял на баланс учреждения и дела Тамбовского губернского земства. К подотделу перешли бывший дом подкидышей, а также сельский и городской патронаты. Отделом, при помощи анкетирования, были опрошены волостные Советы, кото-

⁵⁷⁴ ГАТО. Ф. 1566. Оп. 1. Д. 10. Л. 4.

рые сообщили, что все дети, розданные на воспитание крестьянам в деревню, получили новый надел земли. В результате было принято решение прекратить денежные выплаты за воспитание детей во всей губернии. Это обосновывалось принципами социального воспитания, а также необходимостью «перехода от индивидуального семейного к социальному государственному воспитанию детей»⁵⁷⁵.

Заметим, что это решение очень сильно осложнило жизнь детей-сирот, которые были переданы на воспитание в крестьянские семьи, так как крестьяне уже привыкли к стабильной материальной поддержке за принятых воспитанников и рассчитывали на нее. Теперь же, фактически, советское местное самоуправление устранилось от всякой помощи семьям, в которые были приняты на воспитание дети-сироты. Это решение не привело к массовому возвращению детей или отказа от их содержания и воспитания, но значительно ухудшило условия жизни и питания таких воспитанников.

Впрочем, раздача подкидышей на воспитание в городские и сельские семьи все же продолжалась для тех жителей Тамбовской губернии, которые хотели усыновить младенцев. Но она производилась только после обследования и получения положительных данных о личности и семейном положении просителей. Из-за декрета об отделении церкви от государства подкинутым детям имена и фамилии стали назначаться отделами социального обеспечения. Необходимо учитывать, что усыновление не предусматривало никакой материальной поддержки детей и их усыновителей.

Бывший дом подкидышей стал называться домом социального обеспечения младенцев № 8. В него стали приниматься не только подкидыши, но и дети, чьи матери не могли кормить и воспитывать своих детей. По сути, дети часто

⁵⁷⁵ ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 861. Л. 36 об.

передавались туда матерями из-за нищеты и голода, которые царили в это время в Тамбовской губернии. Кроме того, некоторые женщины поступали вместе с детьми и становились кормилицами, получали кров и содержание, что превращало заведение в убежище для матери и ребенка⁵⁷⁶.

Губернский подотдел дошкольного воспитания был образован при губнаробразе в начале апреля 1918 года. Его задачей была координация деятельности детских садов и других дошкольных учреждений, однако, уездные представители слабо реагировали на указания из Тамбова. На разосланную для заполнения анкету откликнулись только три уезда.

Выяснилось, что только губернский Тамбов сохранил несколько работающих детских учреждений: детский сад при «Доме революции», Мариинский приют, Латышский детский сад, сад при железнодорожной колонии, еврейский очаг. Планировалось также открытие образцового губернского детского сада. Однако долгое время центр не утверждал смету. Но все же главной проблемой было полное отсутствие специалистов по дошкольному воспитанию. Губернский отдел выступил с инициативой и открыл краткосрочные курсы для *детских садовниц*. Именно так были названы работницы детских садов, которых готовили на таких курсах⁵⁷⁷.

Результаты работы по открытию в Тамбовской губернии детских садов, приютов, очагов и других учреждений показывают, что они были открыты к декабрю 1918 года и только в отдельных уездных городах: по одному детскому саду имелось в Усмани, Кирсанове, Лебедяни, Темникове и

⁵⁷⁶ Протоколы IV-го съезда Советов Тамбовской губернии 26 февраля – 1 марта 1919 года. Тамбов: Изд. губернского исполнительного комитета, 1919. С. 83.

⁵⁷⁷ Дошкольная жизнь // Вестник просвещения. 1919. № 1-2. С. 33.

Елатьме. По два детских учреждения имели Моршанск и Козлов.

Губздравотдел рекомендовал уездным отделам социального обеспечения открыть на местах дома младенца, так как перевозка новорожденных из отдаленных местностей вызывала большой процент их смертности. Также для разгрузки переполненного Дома младенцев в Тамбове вскоре было открыто второе отделение на сорок человек более старшего возраста от 1,5 до 3-х лет.

Как признавали докладчицы женоделов, именно они первыми обратили внимание «на обеспечение подкинутых детей-сирот и детей нуждающихся женщин, чтобы не было больше обездоленных младенцев, выброшенных на улицу, и были созданы условия одинакового социального воспитания, подготавливающего будущих граждан Советской Республики»⁵⁷⁸.

Подотделы социального воспитания детей должны были также вести наблюдение за воспитанием детей в приютах. Были выработаны пищевые нормы довольствия по возрастам детей, а также установлены нормы их снабжения бельем. Для изучения столичного опыта по призрению детей-сирот и содержания грудных детей в Москву на курсы для врачей по уходу за грудными детьми были направлены женщины-врачи, а также на курсы медицинских сестер – две бывших воспитанницы сиротского дома.

В ноябре 1918 года в Тамбове был открыт приют «Ясли» на 50 детей, куда принимались также дети, чьи матери занимались поденным трудом, не могли за ними следить и их воспитывать.

Всего к осени 1918 года по всей губернии, во все уездные подотделы материнства и младенчества были разосланы проекты и примерные сметы на открытие в уездах до-

⁵⁷⁸ ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 861. Л. 36 об.

мов «матери и ребенка», «яслей», женских консультаций с выдачей молока. Судя по отчетам, были организованы:

1) дома младенцев (всего 12 домов), то есть постоянные приюты для детей до 3 лет с делением детей на группы по возрасту до 1 года, полутора лет и до трех лет. Туда принимались дети-сироты или дети необеспеченных родителей, которые сами не могли их воспитывать. В последнем случае требовалось предъявить удостоверение от местных исполкомов или производство обследования;

2) ясли постоянного типа (5 учреждений). Ясли давали приют и питание детям матерей, уходящих на службу и не имеющих возможностей на кого-либо оставить своих детей;

3) дома матери и ребенка (6 учреждений), где беременные женщина и матери получали питание и отдых за 2 месяца до и 2 месяца после родов;

4) консультации (7 учреждений) для постоянного медицинского наблюдения за здоровьем детей;

5) родильные отделения (2 учреждения)⁵⁷⁹.

По мнению А. Авдеева, с самого начала функционирования отделов материнства и младенчества власти сосредоточивали усилия на развитии учреждений закрытого типа, таких, как дома матери и ребенка, дома ребенка и проч., то есть попросту – специализированных больниц. И лишь в декабре 1920 года первое совещание по охране материнства и младенчества вынесло решение о приоритете развития учреждений открытого типа, таких, как ясли, консультации, молочные кухни и проч., что можно считать победой профилактическо-воспитательного или профилактическо-образовательного направления⁵⁸⁰. Данное правило не работало в Тамбовской губернии и в этом контексте местные

⁵⁷⁹ ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 861. Л. 81.

⁵⁸⁰ Авдеев А. Младенческая смертность и история охраны материнства и детства в России и СССР // Историческая демография: сб. ст. / под ред. М.Б. Денисенко, И.А. Троицкой. М., 2010. С. 15.

власти часто импульсивно принимали необходимые решения, рассчитывая, впрочем, на инструкции и материальную поддержку из центра.

В 1919 году денег почти не выделялось, и начались катастрофические последствия для региональной системы охраны материнства и детства. Одними из первых снова забили тревогу женщины. На этот раз был подготовлен специальный доклад в комиссию женщин по пропаганде и агитации среди работниц-женщин при уездном комитете партии коммунистов-большевиков о домах социального обеспечения. Главный вывод доклада: при наблюдении за работой на местах, проводимой как в яслях, так и в детских приютах, ощущался недостаток питания и ухода за детьми. В комиссию входили врачи, которые выявили вопиющее нарушение санитарно-гигиенических правил, антисанитарию и вследствие этого высокую заболеваемость и смертность воспитанников. Вот лишь несколько выдержек из доклада:

В лазарете «Дома революции» вследствие болезни врача «сиделки сами принимали больных и размещали на тех же кроватях, на которых лежали тифозные больные, больные с коклюшем, оспой и т. п.»⁵⁸¹

В «Яслях», расположенных на улице Приютской, вообще не было изолятора для больных. Больные дети находились в одной комнате с нянями. «В доме имеется одна русская печь, которая может обслуживать семью в 5–6 человек, но не 26 детей. Не имеется куба для кипячения воды; весь дом обслуживается полуведерным самоваром... в одной воде купалось по 10–12 человек детей, и этой же водой стиралось белье, а потом мылся пол. При купании детей никто не присутствовал. Ощущается большой недостаток белья, обуви, одеял»⁵⁸².

⁵⁸¹ ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 18. Л. 15.

⁵⁸² Там же. Л. 15 об.

Сами врачи неоднократно подавали в Тамбовский губернский исполнительный комитет ходатайства о важности усиленного питания подкинутых младенцев, находящихся в доме социального обеспечения № 8. Большинство из 120 таких детей находились на искусственном вскармливании и поступали в «приют слабые и больные, часто с надорванным организмом»⁵⁸³. По декрету Совнаркома об усиленном питании на ребенка полагалось по 1 бутылке молока или 6 ведер в день на всех, но горпродотдел отпускал только половину этой нормы. Дети от 1 года до 3-х лет не получали ни молока, ни мяса, ни белого хлеба, таким образом, происходило ежедневное падение веса, и появлялись стоматиты. Однако сигналы врачей и их тревога за здоровье детей не решали проблемы, и детская смертность по-прежнему росла.

Во втором полугодии 1919 года губернский подотдел охраны материнства и младенчества ходатайствовал перед Отделом охраны материнства и младенчества Наркомсоц-обеспечения о выдаче нарядов на продукты, так как в Тамбовской губернии будут находиться на обеспечении около 1000 детей, а в продовольственных организациях отсутствовали продукты питания для детей раннего возраста: манная крупа, сахар, рис, перловая крупа, ячмень для отваров⁵⁸⁴. Однако такие запросы не могли уже быть выполнены в условиях дезинтеграции экономики, нарушения товарообмена, тотального дефицита продовольственных ресурсов.

9 марта 1920 года секции охраны материнства и детства были переданы по постановлению Совнаркома от 9 марта 1920 года в здравотделы⁵⁸⁵. Теперь не собесы отвечали за здоровье младенцев, а медицинские работники. Однако это совершенно не повлияло на положение учреждений по

⁵⁸³ ГАТО. Ф. Р-1512. Оп. 1. Д. 51. Л. 40.

⁵⁸⁴ Там же. Л. 174.

⁵⁸⁵ Там же. Д. 134.

охране материнства и младенчества. Вот что сообщал в губнаробраз 2 апреля 1920 года заведующий Лебедянским уездным отделом народного образования: «Детские приюты приняты от собеса в ужасном виде. Посещать школы, детские сады дети абсолютно не могут, так как они в буквальном смысле слова разуты и раздеты. Зимой, при очень невысокой температуре в помещении, дети ходят босые и в летних порванных платьицах. Постельного белья только одна смена. Мыла мало, вследствие чего царит грязь, и дети заболевают чесоткой»⁵⁸⁶. «Смена караула», то есть руководства не привела к увеличению финансирования детских учреждений, но медицинские работники все же более активно сигнализировали руководству о заболеваемости детей и недостатках в их содержании в детских учреждениях. Источники сохранили принципиальные позиции тамбовских врачей по важности спасения детей в «советских приютах» и не прикрывались политическими или партийными лозунгами о «победе мировой революции» и торжестве социалистических идей. Для медиков были очевидными факторы, которые разрушали здоровье детей и приводили к росту младенческой смертности.

Все же в этот период местные власти попытались смягчить положение со снабжением новорожденных детей через создание «новых», «особых» детских домов для детей до 3-х лет. Дело в том, что продукты отпускались государством только для детских домов, и перевод детских учреждений подотдела охраны материнства и детства в эту категорию немного смягчал ситуацию.

Однако еще одна опасность грозила «младенцам» и их детским учреждениям со стороны «военных». Дело в том, что под построй войскам революционной России требовались здания, и с большим «успехом» изымались помещения, в которых жили малолетние дети. Заведующий здрав-

⁵⁸⁶ ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 220. Л. 2.

отделом сообщал 21 марта 1921 года, что канцелярия моб-отдела увоенкома заняла «дом ребенка» № 11⁵⁸⁷. Волна реквизиций для Красной Армии зданий детских учреждений была столь вопиющей, что был вынужден вмешаться в «тамбовский беспредел» САМ Феликс Эдмундович. Узнав, что Особый отдел Тамбовской ЧК занял только что отремонтированный дом, а помещения для детской больницы не нашлось, Ф.Э. Дзержинский 14 апреля 1921 года отправил председателю Тамбовской губчека телеграмму: «Немедленно примите меры к полному оказанию содействия и изыскания средств для помощи губуполномоченному по улучшению жизни детей. Занятый особотделом отремонтированный дом передать под детскую больницу, а также отведенные огороды. Вопрос улучшения жизни детей – один из важнейших вопросов республики, и губчека должна идти всемерно навстречу, а не ставить препятствий. Пред Вчк Дзержинский»⁵⁸⁸. Это вмешательство главы ВЧК остановило «разорение» детских учреждений в Тамбовской губернии. Иначе военная «целесообразность» и потребности нанесли бы еще больший урон новорожденным детям Советского государства.

В регионе все же происходили неизбежные уже сокращения, говоря современным языком, непрерывные «оптимизации» детских учреждений. В отчете отдела материнства и младенчества за октябрь 1921 года указывалось, что в регионе осталось лишь 2 дома «Матери и ребенка», один «Дом младенцев» и один дом «Ясли»⁵⁸⁹.

Но власти старались и теперь «разгружать» детские дома от детей в возрасте до 3-х лет. Согласно инструкций, полученных из Центра, летом 1921 года дети дошкольного возраста из смешанных детских домов должны были быть

⁵⁸⁷ ГАТО. Ф. Р-1512. Оп. 1. Д. 251. Л. 18.

⁵⁸⁸ Цит. по: *Гладыш С.* Дети большой беды. М., 2004. С. 18.

⁵⁸⁹ Там же. С. 25.

выделены в специально-ориентированные для них дома – дома-ребенка. Но в Тамбовской губернии не хватало помещений, инвентаря, посуды, белья, и лишь к весне 1922 года закончилось выделение дошкольников из детских домов смешанного типа⁵⁹⁰.

«Дома ребенка» по-прежнему испытывали недостаток в топливе, питании, белье и обуви. Детским садам питание или совсем не отпускалось, или же отпускалось по самой минимальной норме. Источники свидетельствуют: «Санитарное состояние детучреждений было недопустимое: не хватало мыла, выгребные ямы текли и т. п. Медицинская помощь оказывалась лишь по мере возможности, так как штат врачей и сестер был сокращен.

Штаты работников как в Соцвосах, так и в детучреждениях были сокращены до крайности. Вся работа с детьми свелась практически к призору»⁵⁹¹.

О положении дел в уездных центрах весьма красноречиво свидетельствует акт обследования детских приютов, домов младенчества в г. Козлов Тамбовской губернии, проведенный 5–7 мая 1921 года: «Приют № 3 «Революция». Дом требует капитального ремонта. Нет для детей белья, имеется одна смена, то есть то, что на них. Нет достаточно кроватей, и дети спят по двое–трое на одной кровати. Острый недостаток постельных принадлежностей. Дети спят чуть на голых досках»⁵⁹². Приют № 7 «Пролетариат» 1 мая 1921 года переехал из Сурено-Машково, где был разграблен. Приют № 5 «Общежитие»: «Администрация и служащие приюта не на своем месте: например, кухарки в час дня не было, и пища для детей не начиналась готовиться. Пищу дети готовят сами и в весьма грязном

⁵⁹⁰ Цит. по: *Гладыш С.* Дети большой беды. М., 2004. С. 30.

⁵⁹¹ Там же. С. 30.

⁵⁹² ГАТО. Ф. Р-1512. Оп. 1. Д. 251. Л. 10.

виде... Спальня детей с побитыми стеклами. Постели грязи невозможной»⁵⁹³.

До лета 1921 года в Тамбовской губернии повсеместно возникали детские сады. Они активно развивались и насчитывали 216 учреждений. Но с осени 1921 года они были сняты с государственного снабжения продуктами питания и начали стихийно закрываться⁵⁹⁴. Динамика изменений в работе этого типа детских учреждений представлена в таблице:

Дата	Число садов	Число детей	Количество персонала
Июнь 1921 г.	216	10800	542
Ноябрь 1921 г.	179	10245	478
Январь 1922 г.	158	8076	398
Июль 1922 г.	37	1545	68

С июня 1921 года по июнь 1922 года число детских садов уменьшилось в шесть раз. Спасение детских садов местные власти видели только в прикреплении их к предприятиям. Всего удалось прикрепить 9 садов (в Тамбове – 4, в Моршанске – 4 и Темникове – 1). В 1922 году в Тамбовской губернии осталось только 7 детских садов и в них 330 детей⁵⁹⁵.

О состоянии дел в уездах откровенно и предельно точно сообщали местные власти. В уездном городе Моршанске на заседании комиссии по улучшению быта детей от 23 января 1922 года управздравотдела Троицкий отмечал, что в домах «Младенца», «Матери и ребенка» и яслях при железной дороге положение критическое. «Смертность в доме

⁵⁹³ ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 499. Л. 10.

⁵⁹⁴ Тамбовский губернский исполнительный комитет. Краткий обзор народного хозяйства Тамбовской губернии за 1921–1922 гг. Тамбов, 1922. С. 29.

⁵⁹⁵ Там же. С. 30.

младенца доходит до 65 процентов. Главные причины: отсутствие молока, слабость организма детей, подобранных с улицы. Так же недостаток топлива»⁵⁹⁶. Его данные были не исключением из правил, а вполне типичной картиной того, как складывались дела в детских учреждениях в годы «успешного» НЭПа.

В докладе подотдела охраны материнства и младенчества в апреле 1922 года указывалось, что в ведении губернского подотдела находилось по губернии 39 учреждений с числом обеспечиваемых в них 963 детей и 119 кормящих матерей. Их них 9 учреждений находилось в губернском центре.

Спустя месяц, в мае 1922 года разразился новый удар по учреждениям по охране материнства и младенчества: из центра пришла директива о передаче всех детских учреждений, кроме 125 коек, оставленных на гособслуживании, на содержание каких-либо хозяйственных организаций. Начались просьбы, ходатайства, мольбы. Работники просили сохранить детские учреждения в губернии хотя бы до сентября, то есть до нового урожая. К содействию и попыткам сохранения учреждений охраны материнства и младенчества были привлечены уполномоченные по улучшению жизни детей, члены женотделов. В течение двух месяцев шла непрерывная борьба за жизнь детских учреждений. К сожалению, как отмечали современники, результаты далеко не соответствовали количеству затраченной энергии: по некоторым уездам были ликвидированы почти все детские учреждения. Из трех уездов Кирсановского, Козловского и Шацкого перестали поступать сведения о судьбе детских домов и домов материнства и детства⁵⁹⁷. В Моршанском, Липецком, Борисоглебском, Спасском, Лебедянском, Елатомском и Тамбовском уездах дет-

⁵⁹⁶ ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 501. Л. 14.

⁵⁹⁷ ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 1788. Л. 7.

ские учреждения были переданы или в уисполкомы или профсоюзам, либо другим учреждениям.

Хотя все учреждения охраны материнства и младенчества продолжали состоять в ведении губздрова, но фактически они находились в полной зависимости от организаций, взявших их на свое иждивение. Однако спустя несколько недель становилось понятно, что учреждения не имели возможности содержать детей на своем бюджете. Так, организации в городе Усмань, с 1 июня 1922 года взявшие на свое обеспечение детдома, уже с 1 августа того же года отказывались их содержать⁵⁹⁸.

На государственном снабжении в г. Тамбов остались лишь несколько детских учреждений: Дом грудного ребенка (45 детей), Дом ребенка № 1 имени Бебеля (32 ребенка), Дом ребенка № 2 на Араповской улице (19 детей), Дом ребенка № 3 на Лермонтовской – имени Энгельса (28 детей), дом ребенка № 4 «Малыш» (30 детей), Ясли III Интернационала (40 детей)⁵⁹⁹.

Однако спустя несколько недель ясли III Интернационала передали на содержание Губпрофсовету ввиду того, что ясли обслуживали исключительно служащих матерей.⁶⁰⁰ Ясли нарсвязи решено было передать на содержание Союзу работников народной связи, дети которых и находились в этих яслях. Для разгрузки детских домов пересматривались списки малолетних детей, и было рекомендовано оставлять в учреждениях только круглых сирот. И такая тенденция сохранялась в течение последующих лет.

В 1923 году в Тамбовской губернии было 18 учреждений по охране материнства и младенчества: 10 домов для детей в возрасте до 3 лет на 420 детей; три дома матери и ребенка на 90 детей и 45 матерей, двое яслей постоянного

⁵⁹⁸ ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 1788. Л. 8.

⁵⁹⁹ Там же. Л. 8.

⁶⁰⁰ Там же.

типа на 65 детей и три консультации, через которые проходило по 80–90 человек в сутки. Эти консультации обслуживали беременных женщин и матерей с младенцами. В детские учреждения принимались как подкидыши, так и дети необеспеченных материально матерей. Их обслуживали врачи, сестры-воспитательницы и няни. Также летние ясли открыты были в 16 крупных волостях.

Стали модными и привлекательными дома-сады. Эти дома-сады являлись звеном в цепи учреждений социального воспитания, «ставящих опыты применения наиболее целесообразных методов воспитания. Существование этих домов-садов особенно важно потому, что дитя пролетарской революции приобретает пролетарское мировоззрение с самых ранних лет своей жизни»⁶⁰¹.

В пропагандистском издании «Красный Октябрь. Четвертая годовщина» указывалось, что в губернии имелся 191 детский сад⁶⁰², а до 1917 года было лишь «6 детских садов в городах для богатых»⁶⁰³. Отмечалось, что в «смысле организации социального воспитания проделана большая работа: выработано содержание, даны методы, установлена строжайшая преемственность по всей лестнице учреждений, воспитывающих подрастающее поколение»⁶⁰⁴.

На 1923–1924 гг. в Тамбовской губернии, судя по хозяйственному плану, имелось 2 детских сада, в которых работали 5 педагогов и находилось 45 детей. Комплектование шло по классовому признаку с предпочтением детям рабочих и крестьян⁶⁰⁵.

⁶⁰¹ Хозяйственный план с пояснительной к нему запиской на 1923–1924 гг. Тамбов, 1923. С. 41.

⁶⁰² Красный Октябрь: Четвертая годовщина. Тамбов, 1921. С. 52.

⁶⁰³ Там же. С. 53.

⁶⁰⁴ Там же. С. 52.

⁶⁰⁵ Хозяйственный план с пояснительной к нему запиской на 1923–1924 гг., составленный губернской плановой комиссией. Тамбов, 1923. С. 7.

Статистический справочник по Тамбовской губернии сообщает, что в 1924 году в Тамбовской губернии, состоявшей из шести уездов, осталось 11 детских садов и очагов, 27 воспитателей и 414 детей⁶⁰⁶.

Спустя год, в 1925 году, в Тамбовской губернии имелось 8 детских садов и очагов, 63 детских дома⁶⁰⁷. По уездам и городам данные представлены в следующей таблице.

Наименование города и уезда		Число детсадов и очагов	Число детдомов
Борисоглебский	город	1	5
	село		2
	всего	1	7
Кирсановский	город	1	5
	село		4
	всего	1	9
Козловский	город	1	5
	село		2
	всего	1	7
Липецкий	город		9
	село		1
	всего		10
Моршанский	город	1	5
	село		5
	всего	1	10
Тамбовский	город	4	10
	село		10
	всего	4	20
Всего по губернии	город	8	39
	село		24
	всего	8	63

⁶⁰⁶ Статистический справочник по Тамбовской губернии. Тамбов, 1925. С. 62.

⁶⁰⁷ Календарь и записная книжка добровольного корреспондента Тамбовской губернии за 1927 г. Тамбов, 1927.

Учреждения по охране материнства и детства были рассчитаны главным образом на распространение гигиенических сведений по вопросам вскармливания и организации детских учреждений. Он подразделялись на два типа: детские учреждения открытого типа (ясли, консультации) и закрытого типа (дома ребенка, дома матери и ребенка). В Тамбовской губернии имелось 8 детских учреждений закрытого типа и 10 открытого. Всего там было 560 детей и 35 матерей. В летнее время в наиболее крупных селах работали 22 летних яслей на 750 детей⁶⁰⁸.

К концу 20-х гг. XX века в регионе имелось явно недостаточное количество учреждений дошкольного образования. Из 14600 детей в возрасте от 3 до 7 лет дошкольными учреждениями было охвачено лишь 2548 детей, то есть лишь 17 % от общего числа детей дошкольного возраста. Всего по Тамбовскому округу имелось 12 детских садов и 53 детских площадки. Из них в 1928/1929 учебном году было открыто 4 детских сада и 50 площадок за счет кооперативных и общественных организаций. Планировалось через пять лет открыть по одному детскому саду и площадке на каждый район⁶⁰⁹.

В самом Тамбове в 1929 году учреждения охраны материнства и младенчества были представлены консультацией для детей и отдельно консультацией для матерей, двумя детскими яслями, работающими с 8 часов утра до 4 часов, и для матерей вечерней смены с 4 до 7,5 часов вечера. Эти два детских сада вполне понятно показывают, как развивалась система по охране материнства и детства в конце 20-х гг. XX века.

⁶⁰⁸ Отчет о работе Тамбовского губернского исполнительного комитета XI созыва. Тамбов, 1926. С. 147.

⁶⁰⁹ Пятилетний перспективный план развития хозяйственной и культурной жизни Тамбовского округа на 1928–1929 – 1932–1933 гг. Вып. V. Тамбов, 1929. С. 8.

Впрочем, было еще одно обстоятельство, которое несколько «сгладило» в рассматриваемый период проблему подкинутых детей и заботу об их социальной защите. На заседании съезда работниц и крестьянок – членов Советов 3–7 октября 1927 года говорилось и об улучшении положения женщин, о чем свидетельствовало уменьшение случаев подкидывания детей. Приводились данные Тамбовского дома ребенка: в 1917 году поступило 1010 подкидышей, в 1925 г. – 119, 1926 г. – 51, 1927 г. – 46⁶¹⁰. Сведения не подлежат сомнению, но надо учитывать несколько обстоятельств:

1) территория Тамбовской губернии с 1923 года подвергалась почти непрерывному «обрезанию», что приводило к фактическому сокращению учитываемого в статистике населения и изменяло сведения по подкидышам;

2) население региона за первое десятилетие советской власти подверглось невиданному физическому уничтожению и сокращению численности (репрессии революционной эпохи (1917–1918 гг.), периода «антоновщины», голодовки, притеснения «новых» «коммунистических» властей на уровне конкретных сел и городов);

3) легализация аборт, конечно же, спасала тысячи жизней женщин, которые неизбежно при необходимости пошли бы на искусственное прерывание беременности, но приводила к «убийству» тех же тысяч не рожденных детей, часть которых могла бы оказаться в советских «приютах для подкидышей». Постановлением наркоматов здравоохранения и юстиции от 16 ноября 1920 года «Об искусственном прерывании беременности» аборт в Советской России были легализованы. Отныне их можно было сделать в специальном медицинском учреждении бесплатно, а фабрично-заводские работницы пользовались преимуществом на аборт вне очереди. Семейно-брачный кодекс 1926

⁶¹⁰ ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 289. Л. 37 а.

года также утвердил право женщины на искусственное прерывание беременности⁶¹¹. В Тамбовской губернии в 1925–1926 гг. было проведено 3405 искусственных прерываний беременности⁶¹².

Деклариовавшиеся призывы о детях как «цветах жизни», обязательства государственной заботы о воспитанниках приютов, детях-подкидышах оказались пустым звуком. Ограбленная в годы Революции, Гражданской войны и НЭПа, коллективизации Тамбовщина демонстрировала полный провал эйфории и надежд на «светлое» коммунистическое будущее для советских детей. Положение детей-сирот, в частности новорожденных детей-подкидышей, было близким к катастрофе, и их выживание и здоровье зависели не от государства или местных властей, а было делом случая и стечения обстоятельств.

II.7. Нацмен и организация детских домов для детей представителей национальных меньшинств

Новая власть в Тамбовской губернии всегда старалась аккуратно и спешно реагировать на директивы из столицы. Так, 19 ноября 1918 года, согласно постановлению Совнаркома о школах для национальных меньшинств, был создан подотдел нацмен (национальных меньшинств), который должен был заниматься управлением учреждений школьного, внешкольного и дошкольного характера для нацио-

⁶¹¹ *Безгин В.Б.* Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). Москва; Тамбов, 2004. С. 279.

⁶¹² Отчет о работе Тамбовского губернского исполнительного комитета XII созыва. Тамбов, 1927. С. 87.

нальных меньшинств. Заведующим подотделом стал М.В. Бегишев, секретарем О.Г. Айнштейн, позже в подотдел были направлены представители польской диаспоры⁶¹³. В обсуждении насущных проблем участвовали также представители татарских, еврейских, латышских и украинских национальностей.

Представители нацмена намечали уточнить потребности мордовского населения в Тамбовской губернии, численность которого по переписи 1919 года составляла 123242 человека. Было принято решение о поддержке культурного развития и образования татарского населения, которое насчитывало 37000 человек. В Москву и Казань был направлен заведующий подотделом с целью покупки школьных учебников и других пособий на татарском языке. Шацкий, Темниковский, Спасский и Елатомский отделы народного образования получили предписание включить все имевшиеся в этих уездах татарские школы в общую школьную сеть.

Подотдел нацмен занимался всеми национальными образовательными и воспитательными учреждениями в Тамбовской губернии: украинскими – 3 школы, польскими – 1 школа, 1 вечерние курсы для взрослых, латышскими – 1 школа, 2 школы-приюта, 1 детский очаг, еврейскими – 4 школы, 2 очага, татарскими – 52 школы, 4 народных дома⁶¹⁴. С просьбой открыть школы с преподаванием на украинском языке обратились украинцы, проживавшие в Усманском уезде. Было решено восстановить работу Общественной еврейской школы в г. Лебедянь, которая была закрыта из-за неимения средств.

Тамбовский губнаробраз постановил 16 июня 1919 года, что, принимая во внимание недостаток кадров мусуль-

⁶¹³ Отчет о работе подотдела национальных меньшинств // Вестник просвещения. 1919. № 1-2. С. 33.

⁶¹⁴ Там же. С. 34.

манских школьных работников, слабое знание русского языка мусульманскими школьными работниками, признать необходимым командировки их на курсы, организуемые для культурных работников национальных меньшинств⁶¹⁵.

В 1920 году перепись демографических и профессиональных характеристик населения Тамбовской губернии, национального состава обучаемых не могла быть точной, так как 4 уезда: Тамбовский, Борисоглебский, Усманский и Кирсановский – «были охвачены бандитизмом»⁶¹⁶. В 1921 году активизировалась работа по просвещению национальных меньшинств в Тамбовской губернии, которые составляли 211622 человека, из них: татар – 39250, евреев – 5020, поляков 3020, латышей 1500, немцев – 500, остальных – 2500. Статистические данные о национальном составе обучающихся по Тамбовской губернии регулярно публиковались в «Бюллетенях Тамбовского губернского статистического бюро (отдела)». Эти данные являются вполне достоверными и позволяют оценить реалии этнических катастроф и личных трагедий десятков тысяч людей.

В Тамбовской губернии с его однородным по национальному составу населением никогда не было национальных конфликтов, этноконфессиональных противоречий и катаклизмов, но революционные реалии диктовали возможности национального возрождения представителей разных народов, населявших регион. Заметим, что наряду с традиционно издавна проживавшими в губернии татарами, мордвинами, поляками, украинцами и евреями, в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. и в годы Гражданской войны сюда пребывали коммунисты и члены их семей, а также беглецы из районов кровопролитных боев революционных и контрреволюционных сил. Так, с 1918 по

⁶¹⁵ Вестник просвещения. 1919. № 5-7. С. 37.

⁶¹⁶ Бюллетень Тамбовского губернского статистического бюро. № 1. 20 января 1923 г. Тамбов, 1923. С. 3.

1920 год общая численность беженцев, эвакуированных Тамбовским губэваком, составила 97935 человек⁶¹⁷. Необходимо учитывать, что в эти статистические данные не вошли лица, приехавшие самостоятельно и не зарегистрированные в официальных органах.

Власти усилили организационную работу по делам национальных меньшинств. Согласно постановлению Наркомпроса от 13 июля 1921 года № 220 был сформирован губернский совет просвещения нацмен, в который вошли представители от татарского, еврейского, мордовского, польского и латышского населения. Выяснилось, что к этому времени уже функционировало два детских дома: один для еврейских детей на 50 человек, который существовал с 1919 года, другой – для детей мордвы⁶¹⁸. Из столицы шли жесткие распоряжения о необходимости открытия польского, татарского детских домов для детей голодающего Поволжья. Однако они так и не были созданы, и тогда решено было открыть детдом для татарских детей из местного населения⁶¹⁹. Но уже в октябре 1921 года работа по организации детского дома для татар была также приостановлена в связи с изменившимся положением благодаря новой экономической политике и сокращению штатов и финансирования⁶²⁰.

Примечательно, что согласно постановлению Наркомпроса для работы в области просвещения национальных меньшинств в Тамбовской губернии необходимо было организовать Совет при нацмене, в составе которого должны были входить 10 человек: 1 – представитель от евреев, 1 – от поляков, 3 – от мордовского населения, 3 – от татарско-

⁶¹⁷ *Кривошеин Н.В.* Город Лебедянь и его уезд 1917–1921 гг. М., 2016. С. 289.

⁶¹⁸ ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 661. Л. 2.

⁶¹⁹ Там же. Л. 4.

⁶²⁰ Там же. Л. 19 об.

го и два канцелярских работника. Но уже через несколько недель, 17 ноября 1921 года, штат был сокращен до 2-х человек: председателя и канцелярского работника⁶²¹. Снова новая экономическая политика сломала планы и намерения представителей национальных меньшинств наладить работу и объединить усилия по активизации и развитию национальной идентичности.

1922 год стал переломным в развитии национальных детских домов. Несмотря на трудности с финансированием и оргработой, их развитие продолжалось. Фактически детские дома для национальных меньшинств заняли достаточно прочное место в ряду учреждений социального воспитания. В еврейском детском доме им. Розы Люксембург в феврале 1922 года воспитывалось 57 детей⁶²². 29 марта 1922 года в Тамбове был открыт детский дом национальных меньшинств, в котором нашли приют 28 детей, спустя месяц там числилось 34 ребенка, переведенных из общих русских детских домов, из которых: поляков – 4, татар – 15, немцев – 14, один чуваш⁶²³. Таким образом, в детских домах региона проводилась определенная селекция детей по национальному признаку, и они собирались в отдельные детские дома, где для них могло бы вестись обучение и воспитание на родном языке.

Все же НЭП привела к снятию детских учреждений с государственного снабжения, и национальные детские дома в Тамбовской губернии должны были искать себе «спонсоров» из национальных общественных организаций и этноконфессиональных объединений. Однако только в г. Тамбов удалось провести самообложение еврейского населения для поддержания еврейского детского сада, а еврейский детский дом им. Розы Люксембург и детский дом

⁶²¹ ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 460. Л. 22.

⁶²² Там же. Л. 28.

⁶²³ Там же. Л. 30.

национальных меньшинств находились в более сносном положении как в отношении питания, так и одежды, оборудования и пр. Ему шла существенная помощь из Москвы от Евобществкома, но второй «интернациональный» детский дом имел недостаток самых необходимых предметов обихода. Дети находились, по оценкам современников, в ужасно истощенном виде, так как это были преимущественно дети, принятые из голодающих губерний⁶²⁴. Имевшиеся в уездах Тамбовской губернии детские дома были закрыты из-за отъезда еврейского и польского населения на родину.

17 сентября 1922 года предгубсоцпроснацмен Якубовский обратился в губсоцвос с просьбой в срочном порядке подыскать и назначить в детдом № 20 воспитателей: 1 – татарина, 1 – немца и 1 – поляка, так как дети «...должны воспитываться на родном языке в духе коммунизма согласно инструкции центра»⁶²⁵. В детдом направлялись еще партии детей «нерусского происхождения» (68 мальчиков и 62 девочки), но помещений и ресурсов не хватало⁶²⁶. Так, для 10 детей-сирот польского происхождения так и не нашлось воспитательницы, знающей язык⁶²⁷.

Интересно, что в соответствии с традициями советской эпохи в детских домах развивалось детское самоуправление. Так, в протоколе № 1 от 2 мая 1922 года детского собрания детдома № 20 под председательством Шлейзс Германа и секретаря А. Красновской было постановлено:

- 1) сократить воспитательницу русского языка, уборщицу и дворника;
- 2) за воровство воспитанницу Э. Цитлер оставить без сладкого до следующего собрания, т. е. до среды (хотя бы-

⁶²⁴ ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 460. Л. 31.

⁶²⁵ ГАТО. Ф. Р-458. Л. 24.

⁶²⁶ Там же. Л. 30.

⁶²⁷ ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 460. Л. 20.

ли и другие предложения: посадить в темную комнату, не водить на праздник, не выпускать на улицу);

3) за каждый уход на базар сажать на 3 часа в карцер;

4) о разделении труда: колка дров ложится на мальчиков, а уборка всего дома на девочек с помощью няни, кухарки и прачки⁶²⁸.

Таким образом дети пытались решать насущные проблемы своей повседневной жизни и социализировались в окружающей обстановке. В известной степени они старались дублировать «вышестоящие» организации и советские органы управления.

Руководители нацмена пытались решать проблемы обеспечения национальных детских домов всем необходимым. 4 ноября 1922 года Предгубсовпроснацмен Якубовский обратился в Москву в главный комитет «Ара» в лютеранский отдел с просьбой принять на постоянное снабжение 35 детей-немцев в возрасте 5–16 лет, находящихся в детдомах Тамбовской губернии. Он просил: «...хотя выдать бы временное пособие, снабдив упомянутых детей обувью, обмундированием и продовольствием»⁶²⁹. В тот же день было направлено обращение в Москву к уполномоченной польского Красного креста Екатерине Павловне Пешковой с просьбой оказать 100 польским детям-сиротам, находящимся в тамбовском доме нацмен, временную помощь⁶³⁰.

Вскоре было получено из столицы 10000 руб., и Якубовский запрашивал у губнаробраз разрешение на половину денег купить муки, а остальные направить на покупку молока и сахара, но, во избежание лишних разговоров и пререканий, он просил организовать тройку из детей и со-

⁶²⁸ ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 460. Л. 32.

⁶²⁹ Там же. Л. 37.

⁶³⁰ Там же. Л. 38.

вместно с ними осуществлять закупку и вести строгую отчетность⁶³¹.

О ситуации в национальных детских домах в ноябре 1922 года весьма красноречиво докладывала в губнаробраз заведующая детским домом № 20 Юлия Поспелова: «Первой задачей, поставленной мною при поступлении в дет/дом «Нацмен», была борьба с грязью, второй – борьба с чесоткой, третьей – с общей распушенностью и недисциплинированностью, четвертой – борьба с базарниками и воришками, и наконец, налаживание учебных занятий и внешкольных работ. Первая задача – выполнена, вторая, можно сказать, тоже выполнена: из 27 чесоточных детей осталось 3-е, с третьей задачей почти справились, с четвертой продолжаем вести усиленную борьбу, вплоть до отправления одного воспитанника в дет/дом № 8 и, наконец, последняя работа встречает повсюду баррикады, главной из которых является холод. Дом не отапливается до сих пор. Затем отсутствие у большинства детей обуви и теплого платья, так что усадить их заниматься не представляется возможным. Следующей баррикадой представляется отсутствие немецкого и татарского воспитателей, отсутствие учебников и учебных пособий (даже русских) и, наконец, полуголодный паек для детей, от которых только и слышишь: «Скоро ли обед? Скоро ли ужин?» и голодный паек преподавателей. Разрушением этих баррикад и является улучшение быта детей и условий работы в дет/доме»⁶³². Постепенно детей распределяли по другим детским домам, так как перспектив устройства квалифицированных и знающих языки преподавателей не было, и воспитание и обучение детей, представлявших национальные меньшинства, было невозможно. Кроме того, национальные детские дома в недостаточном количестве были снабжены постель-

⁶³¹ ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 460. Л. 40.

⁶³² Там же. Л. 42.

ными и носильными принадлежностями, мастерскими. Не было ни особых программ, ни учебников, ни финансирования, ни кадров...

В 1923 и 1924 годы в Тамбовской губернии остался только один еврейский детский дом и одна татарская группа при русском детском доме. Притом, что в Тамбовской губернии насчитывалось 2200 татар, 800 человек мордвы, 800 евреев и 20000 украинцев⁶³³. Можно предположить, что часть детей из детских домов разбирали в свои семьи представители национальных меньшинств, а остальные постепенно «ассимилировались» в русских детских коллективах.

К концу 1925 года в Тамбовской губернии сохранилась лишь еврейская детская группа в русском детском доме⁶³⁴. Работники соцвеса отмечали, что по всем школам Тамбовской губернии из общего числа учащихся 99 % представляли великороссы и только 1 % падал на другие национальности. В следующем году работники наробраза уже не выделяли представителей нацменьшинств в детских домах и не высказывались о необходимости их специального обучения и воспитания. Наступил новый этап воспитания интернационалистов, когда, по мнению властей, не было необходимости выделять и культивировать этническую идентичность, а важно было формировать нового «советского человека».

⁶³³ Год работы. Отчет Тамбовского губернского исполнительного комитета. Октябрь 1923 – октябрь 1924 г. С. 84.

⁶³⁴ Отчет о работе Тамбовского губернского исполнительного комитета XI созыва. Тамбов, 1926. С. 141.

ЗАПАХИ И ЗВУКИ ДЕТСКОГО ПРИЮТА, ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

В 2007 году вышла книга моего хорошего знакомого петербургского историка В.В. Лапина «Петербург. Запахи и звуки»⁶³⁵, в которой скрупулезно и виртуозно изучены «физиология», звуки и запахи столичной повседневной жизни за 300 лет. Эта работа – прекрасный и наглядный пример того, как можно воспринимать, анализировать и реконструировать самые сложные и трудно транслируемые для научного сообщества и читающей публики страницы истории, ее загадочные или малоизвестные эпизоды. К сожалению, в своей книге я достаточно поверхностно рассматривал жизнь воспитанников приютов и детских домов до и после 1917 года сквозь призму их самоощущений и оценок. Хотя, почти повсеместно, особенно в первые годы советской власти, в отчетах врачей о проверках санитарно-гигиенических норм в детских домах были «слышны» особые запахи: «...санитарное состояние детучреждений было недопустимое: не хватало мыла, выгребные ямы текли...», «...Воздух был перенасыщен аммиачным запахом вследствие пропитывания стен мочой и калом. В качестве уборной использовались сараи во дворе»⁶³⁶. Самое страшное, что дети привыкали к жизни в таких условиях, да и не видели перспектив изменения дел к лучшему.

Конечно, были и другие, приятные, зовущие из кухонь и столовых детских учреждений, запахи приготовления пищи, на которые в первую очередь реагировали постоянно голодные дети. Недоедание являлось весьма привычным спутником повседневной жизни в детских домах, и почти

⁶³⁵ Лапин В.В. Петербург. Запахи и звуки. СПб.: «Европейский дом», 2007.

⁶³⁶ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 971. Л. 99.

все проверяющие детских приютов, домов и колонии советской поры констатировали, что продуктов выдается недостаточно, и дети испытывают страдания, часто болеют желудочно-кишечными заболеваниями. Справедливости ради необходимо признать, что жизнь горожан и сельских жителей, буквально «изнасилованной» в начале 1920-х годов коммунистическим режимом Тамбовской губернии, не очень сильно отличалась от детдомовской. Регион, который всегда считался житницей Российской империи, постепенно превращался в дотируемый и нестабильный по запасам продовольствия регион, который мог рассчитывать только на финансовые потоки из столицы и тотальный контроль над всяким проявлением инициативы и самостоятельности.

Подобная ситуация приводила к тому, что попытки столичных властей побудить жителей Тамбовщины к проявлению общественной активности наталкивались на глухое сопротивление, а сообщения местных политических элит в центр были полны констатаций, что у людей нет никаких лишних денег, что их трудно увлечь кампаниями (неделями и месячниками) по сбору средств и ресурсов для нуждающихся детей. Не случайно местные партийные и советские функционеры охотно использовали дореволюционный способ сбора почти «добровольных» пожертвований: отчисления однодневного заработка или вычитание ежемесячно определенного процента от зарплаты трудящихся.

Надеюсь все же, что историки, демографы и этнологи, которые обратятся к изучению повседневной жизни «детей беды», истории детства, гендерной проблематике, истории частной жизни, будут чаще применять методологию, предложенную В.В. Лапиным. Предполагаю, что в таких работах более убедительными и доказательными станут выводы и оценки, позволяющие воспринимать сегодня то, что ок-

ружало акторов прошлого: героев и злодеев, «обычных» детей и подростков, «простых» людей в их повседневности и социальном окружении.

Другой важный вопрос, который обязательно потребует своего разрешения и может быть постановочным для различных обобщающих, специальных или региональных работ, состоит в важности изучения будущего своих «героев», умения «заглянуть» вдаль и понять, что же случилось с «субъектами», а иногда и «объектами» проведенного исследования спустя несколько лет или десятилетий после описываемых событий. История всегда «населена» людьми, и без понимания жизненных судеб и перипетий, личных трагедий, комедий или драм очень сложно изучать или воссоздавать прошлое, разбираться в том, что же было «потом», как повлияли события и исторические явления на общее и частное, общественное и индивидуальное, простое и сложное в развитии конкретных людей, институтов, общества и государства.

В книге рассматривались в большей степени варианты частной, общественной, государственной, этноконфессиональной поддержки детей-сирот имперского и советского (до начала 30-х гг. XX века) периодов российской истории. Попытки реконструкции и оценки результативности и эффективности такой социальной помощи и попечения позволили сделать некоторые выводы и ответить на поставленные в работе вопросы. Главным из них несомненно был поиск ответа на гипотезу:

Когда же в царской или Советской России имелось, «работало» и существовало «социальное государство», в чем это проявлялось в отношении «детей беды»?

В имперский период Отечественной истории элементы «социального государства» лишь частично проявлялись в период Первой мировой войны 1914–1918 гг., когда миллионы солдатских детей и их матерей получали «государ-

ственное пособие», которое позволяло им в целом выживать в условиях тотальной кровопролитной войны. В мирные же годы в царской России вполне успешно сочетались частные инициативы купечества, дворянской корпорации, этноконфессиональных объединений и различных общественных организаций по поддержке особо нуждающихся детей и подростков. Главным же транслятором государственных интересов и потребностей являлись местные городские и земские самоуправления, которые нередко весьма успешно объединяли инициативы по поддержке детей-сирот, спасению и помещению их в сиротские дома или убежища, приюты для детей-подкидышей, финансировали другие различные программы и социальные учреждения. Но все же не стоит считать, что при «старом режиме», который с 1917 года так ненавидели большевики и их последователи, все было гладко, хорошо, эффективно и качественно в отношении детского призрения и попечения. Судя по источникам, срабатывали и компенсаторные факторы, которые сглаживали проблемы поиска поддержки для детей-сирот и других в ней нуждающихся. К таким факторам можно отнести патриархальные традиции и привычки, сложившиеся в практике повседневной городской и деревенской жизни, помогать «ближнему», кормить сирот, подавать нищему и просящему. Важную роль играли и существовавшие религиозное сознание и православные стереотипы, которые «заставляли» помогать, заботиться, сочувствовать нуждающимся в помощи детям хотя бы ради своего «спасения на небесах». «Несчастливые дети», дети-инвалиды, «просто» сироты являлись определенной «лакомой» бумажкой для проявления своего личного милосердия, добротворчества и, говоря современным языком, волонтерства. Социальное окружение, соседи и сослуживцы традиционно наблюдали за каждым проявлением доброты и ласки к детям – «ангелам божьим», и это общест-

венное мнение имело большое значение в практике оказания хотя бы разовой помощи нуждающимся детям. Более того, становление элементов гражданского общества в провинциальной России чаще всего и проходило в форме благотворительной деятельности и общественной самореализации.

В Советской России социальное государство в отношении детей-сирот частично «работало» лишь в столицах и некоторых «особых» регионах. Тамбовская же губерния была максимально «выскоблена», унижена и наказана новой властью за «антоновщину», за «непролетарское» происхождение большинства ее жителей, за тягу к традиционализму и патриархальные привычки, что приводило к катастрофическим последствиям для населения (депопуляции, голодовкам, экономическому хаосу, демографическим провалам и т. п.), общества и практически всех социальных групп и слоев. Обещание «счастливого детства» оказалось фикцией и никак не подкреплялось финансово и организационно. Рекомендация опираться на собственные ресурсы не могла быть реализована по причине масштабного изъятия из региона продовольственных и других материальных резервов. НЭП по своей сути был хуже самого тяжелого стихийного бедствия, привел к почти полному свертыванию программ социальной защиты, от которого регион так и не смог полностью оправиться до конца 20-х гг. XX века.

В работе тамбовского историка В.Л. Дьячкова справедливо указывается на возрастание в кризисные периоды способности к выживанию и поиску путей выхода из порой не разрешаемых ситуаций и событий⁶³⁷.

⁶³⁷ Дьячков В.Л. Российская демографическая модель XX в.: особенности перехода от традиции к модерну // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 20. Вып. 12 (152). С. 143-147.

«Тамбовские дети» вполне успешно демонстрировали усвоение традиций и опыта своих предков, характерных для XVII века, когда на новых, почти не заселенных, плодородных и тучных тамбовских черноземах надо было с нуля начинать обустраивать свою жизнь: строить дом, вести хозяйство, защищать свою семью и в целом малую родину от набегов кочевников, вторжения чужаков и всякой прочей опасности и угроз. Семейные традиции трудолюбия, совместного ведения хозяйства, привычки подчиняться властям и безропотно переносить тяготы и лишения были плотью и кровью жителей Тамбовской губернии. Поэтому социальные катаклизмы, стихийные бедствия (голодовки, эпидемии, пожары, засухи и пр.) не приводили к тотальным последствиям и, казалось, неотвратимому вымиранию населения рассматриваемого региона. То, что для многих европейцев было бы невыносимо и невозможно, непривычно и неразумно, для жителей Тамбовщины являлось обычной рутинной жизнью. Это было тоже особое, социокультурное и отчасти даже этно-цивилизационное различие повседневной практики выживания и адаптации к невыносимым условиям жизни населения центральных районов России по сравнению со средой обитания в других европейских странах. Находясь в условиях почти непрерывных лишений и страданий от власти, природы или «военного фактора»: нескончаемых военных конфликтов, нагрузки от мобилизации, отягощения военным постоем, военных заготовок и повинностей, жители Тамбовской губернии научились приспособливаться, вырабатывать «иммунитет» на «жизнь в постоянной катастрофе» и при тотальных недостатках продовольствия и предметов потребления.

Мне хотелось бы рассказать и о семейных историях, связанных с детьми-сиротами из рода Щербининых и Лысенкиных рассматриваемого хронологического периода, то

есть первой трети XX века. Так случилось, что оба мои дедушки, как по маминей, так и по папиной линии, с раннего детства стали круглыми сиротами. Их родители жили в соседних селах Стежки и Пупки Козловского уезда Тамбовской губернии (сегодня это Сосновский район Тамбовской области, находящийся в 60 км от города Тамбов). В 20-е гг. XX века на Тамбовщину пришла «испанка», так называли эпидемию гриппа, которая унесла до 42 миллионов человеческих жизней по всему миру. В Тамбовской губернии, которая и до этого пострадала от демографических потерь Первой мировой войны, эпидемии тифа 1918–1919 гг., «испанка» принесла новые многочисленные жертвы. Мой дедушка, Иван Игнатьевич Щербинин, 1906 года рождения, после смерти от гриппа своих родителей осиротел в возрасте 14 лет, с ним два его брата и две сестры. Но детям повезло, их взял к себе на содержание и воспитание родной брат отца, семья которого была бездетной. Так своевременно пришла помощь родственников, но никакой другой поддержки от государства или каких-либо организаций и учреждений детям-сиротам не предлагалось, да и не потребовалось. Дети получили кров, питание, а вскоре и сами стали трудиться, зарабатывать себе на хлеб насущный. Спустя несколько лет моего дедушку, тогда молодого парня, побыстрее женили и выделили часть дома для молодой семьи. Это была также возможность избавиться от необходимости продолжения его поддерживать и опекать «приемными» родителями. Действительно, все сложилось хорошо и достаточно скоро, в течение полутора десятилетий, в семье моего дедушки родилось 8 своих детей, в том числе и мой папа.

Другой мой дедушка, Гаврила Васильевич Лысенкин, рожденный в 1909 году, вместе со своими тремя сестрами и братом стал круглым сиротой в возрасте 10 лет, после смерти родителей от той же «испанки». После этого детей-сирот начала воспитывать 81-летняя родная бабушка. Тра-

диционно все мужчины в семье моего дедушки становились только кузнецами и не случайно старшие дети-подростки уже скоро стали кормить своих родных и обеспечивать их всем необходимым. Но опять ни о какой поддержке со стороны государства и других учреждений речь даже и не шла. Все дети выросли, стали работать, женились. У моего родного дедушки в семье появилось шестеро детей, но в 1941 году он ушел на фронт, пропал без вести, как и многие односельчане. Так, его собственные дети, в том числе моя мама, стали сиротами и никогда не получали никакой поддержки со стороны государства или колхозного правления. Таких сирот было полно кругом, и все должны были сами заботиться о своем выживании. Моих родственников спасала лишь корова и трудовые результаты старших детей-подростков. Правда, обе мои бабушки были очень религиозными, всегда молились, просили Бога о поддержке и считали, что выжить их детям помогло Божественное провидение и вера в Господа.

Таким образом, семейный опыт моих родных лишь подтверждает высказанную в книге гипотезу, что «социальное государство», в современном его понимании, отсутствовало на Тамбовщине, а жители региона в первой трети XX века, прежде всего, могли рассчитывать только на себя и на свои собственные силы и ресурсы. Главным принципом являлось самовыживание и самообеспечение, а демографические показатели определялись лишь естественным отбором и были во многом делом случая и складывающихся обстоятельств. Остается только надеяться, что в современном мире будет меньше «детей беды», а в России, может быть, когда-то появится эффективное и результативное «социальное государство».

Конечно, стоит признать, что мое пристальное изучение попечительства и призрения «детей беды» является лишь маленьким окошком в «сиротский мир» и повседневно-

ную жизнь таких детей. Думаю, что многие сохранившиеся в архивохранилищах источники только ждут своих исследователей. Мне попадались региональные журналы, в частности «Вестник просвещения» за 1919 год, который за без малого сто лет никто и никогда даже не открывал, а его страницы оказались неразрезанными при типографском издании. Архивные документы буквально «зовут» своих исследователей, неравнодушных историков, этнографов и демографов, которым предстоит открыть немало неизвестных, уникальных и ярких страниц российской истории в ее региональном наполнении.

Можно предложить перспективность проведения междисциплинарных и межрегиональных научных исследований, сопоставления и компаративистского осмысления отечественного и зарубежного опыта социальной поддержки и призрения «детей беды» на разных хронологических этапах развития человеческой цивилизации.

Список использованных источников и литературы

І. АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

І.1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Ф. 6787 – Министерство государственного призрения Временного Правительства

І.2. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО)

Ф. 2 – Тамбовское наместническое правление. Тамбовское губернское правление

Ф. 4 – Тамбовский наместник. Канцелярия тамбовского губернатора

Ф. 21 – Тамбовский приказ общественного призрения

Ф. 30 – Врачебное отделение тамбовского губернского правления

Ф. 158 – Козловская городская управа

Ф. 161 – Тамбовский губернский предводитель дворянства. Тамбовское губернское дворянское депутатское собрание

Ф. 181 – Тамбовская духовная консистория

І.3. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО)

Ф. 840 – Тамбовский губернский комитет ВКП (б)

ІІ. ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

1. Алфавитно-предметный указатель к своду законов Российской империи. М., 1911.

2. *Григоровский С.* О браке и разводе, о детях внебрачных, узаконении и усыновлении и о метрических документах. СПб., 1910.

3. Обзор деятельности Алексеевского Главного комитета за десятилетие 1905–1915 гг. Пг., 1915.

III.1. СТАТИСТИЧЕСКИЕ И СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ, СБОРНИКИ ДОКУМЕНТОВ

1. Адрес-календарь и справочная книжка Тамбовской губернии. Тамбов, 1914.
2. Алексеевский главный комитет по призрению детей лиц, погибших в войну с Японией. Обзор деятельности за 5 лет. СПб., 1910.
3. Бюллетень Тамбовского губернского статистического бюро. № 1. Тамбов, 1923.
4. Бюллетень Тамбовского губернского статистического отдела. № 12. Тамбов, 1927.
5. Детское движение в Тамбовском крае (1914–1945 гг.): сборник документов / под ред. А.А. Слезина. Тамбов: Грамота, 2017.
6. Календарь и записная книжка добровольного корреспондента Тамбовской губернии за 1927 г. Тамбов, 1927.
7. Памятная книжка редакции неофициального отдела Тамбовских губернских ведомостей за 1888 г. Б. м., 1888.
8. Санитарный обзор Тамбовской губернии: март–ноябрь 1903. Тамбов, 1903.
9. Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 г. Тамбов: Типография губернского правления, 1903.
10. *Воейков Л.А.* Сборник материалов для описания Тамбовской губернии. Спб., 1872.
11. Статистический ежемесячник Тамбовской городской управы. 1917. № 1 (декабрь).
12. Статистический обзор расходов и доходов Тамбовского губернского земства по общественному призрению за 1866–1887 гг. / составил Н. Романов. Тамбов, 1889.
13. Статистический справочник. Тамбовская городская управа. 1915. № 10, 11; 1916. № 1, 2, 5.
14. Статистика слепых в России по переписи 1886 г. / разраб. ред. Центр. стат. ком. В. Аленициным и А. Сырневым. Спб.: [Т-во Печатня С.П. Яковлева], 1888.
15. Статистический справочник по Тамбовской губернии. Тамбов, 1925.

16. Тамбовская губерния в новых границах (1 февраля 1923 г.): статистический обзор с картой и списком волостей. Тамбов, 1923.

III.2. Отчеты, доклады, обзоры

1. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1896 и 1897 годы. Спб., 1899.

2. Всеподданнейший отчет о деятельности главных управлений Военного министерства, вызванного войной с Японией в 1904–1905 гг. Спб., 1912.

3. Год работы. Отчет Тамбовского губернского исполнительного комитета. Октябрь 1923 – октябрь 1924 г. Тамбов, 1924.

4. Доклады Тамбовской губернской земской управы Тамбовскому губернскому земскому собранию очередной сессии 1916 г. Тамбов, 1916.

5. Доклад Тамбовского губернского комитета ВЗС губернского совещанию 9 августа 1915 г. по вопросам организации помощи беженцам. Тамбов, 1915.

6. Краткий обзор ГИК и его президиума за 1921–1922 отчетный год. Б. м., б. г.

7. Краткий обзор медико-лечебной санитарной организации в Тамбовском уезде за 1866–1926 гг. Тамбов, 1926.

8. Местный бюджет Тамбовской губернии на 1924–25 гг. Тамбов, 1925.

9. Моршанское уездное земское собрание очередной сессии 1901 г. Моршанск, 1904.

10. Моршанское уездное земское собрание XLVII очередной сессии 1911 г. Доклады управы. Моршанск, 1911.

14. Обзор деятельности Алексеевского Главного комитета за десятилетие 1905–1916 гг. Пг., 1915.

11. Обзор деятельности Алексеевского главного комитета за пять лет его существования. Пг., 1910.

12. Обзор народного хозяйства Тамбовской губернии. Тамбов, 1922.

13. Обзор Тамбовской губернии за 1886 г.: приложение ко всеподданнейшему отчету Тамбовского губернатора. Тамбов, 1887.

14. Обзор Тамбовской губернии за 1895 г.: приложение ко всеподданнейшему отчету Тамбовского губернатора. Тамбов, 1896.

15. Обзор Тамбовской губернии за 1899 год: Приложение к всеподданнейшему отчету Тамбовского губернатора. Тамбов, 1900.

16. Отчет о деятельности состоящего под августейшим Его Императорского Величества госпожи императрицы Александры Федоровны председательством Верховного Совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов, и подвластных ему учреждений с 11 августа 1914 г. по 1 января 1916 г. Пг.: Государственная типография, 1916.

17. Отчет о деятельности Тамбовского попечительного общества о яслях 1905 г. Тамбов, 1906.

18. Отчет о деятельности Тамбовского попечительного общества о яслях. За 1907 г. Тамбов, 1908.

19. Отчет о работе Тамбовского губернского исполнительного комитета XI созыва. Тамбов, 1926.

20. Отчет о работе Тамбовского губернского исполнительного комитета XII созыва. Тамбов, 1927.

21. Отчет Совету труда и обороны за период с 1 октября 1921 по 1 апреля 1922 г. Тамбов, 1922.

22. Отчет состоящего под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством общества повседневной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям за 1915 г. Пг., 1916.

23. Отчет Тамбовского губернского отдела профсоюзов (за время с 1 сентября 1921 г. по 1 ноября 1922 г.). 6-му губернскому съезду профсоюзов. Тамбов, 1922.

24. Отчет Тамбовского губкома РКП(б) XVII-й губернской партийной конференции за время с декабря 1924 г. по ноябрь 1925 г. Тамбов, 1925.

25. Отчет Тамбовского губернского экономического совещания Совету труда и обороны за период с 9 февраля 1921 по 1 октября 1921 г. Тамбов, 1921.

26. Отчет Тамбовского земского исправительно-воспитательного приюта, состоящего под высочайшим покровительст-

вом государя императора за 1910 г. Третий отчетный год. Тамбов: Земская типография, 1912.

27. Отчет Тамбовского земского ремесленно-воспитательного приюта для малолетних, состоящего под высочайшим покровительством государя императора, за 1911 г. Тамбов, 1912.

28. Отчет Тамбовского общества попечения о детях. Тамбов, 1905.

29. Протоколы IV-го съезда Советов Тамбовской губернии 26 февраля – 1 марта 1919 года. Тамбов: Изд. губернского исполнительного комитета, 1919.

30. Протокол общего собрания Тамбовского губернского учительского съезда 12 мая 1917 г. Б. м., б. д.

31. Пятилетний перспективный план развития хозяйственной и культурной жизни Тамбовского округа на 1928–1929 – 1932–1933 гг. Вып. V. Тамбов, 1929.

32. Сборник постановлений Тамбовского губернского земского собрания за 1865–1894 гг.: в 3 т. Тамбов, 1902. Т. 2.

33. Сборник постановлений Тамбовского губернского земского собрания за 1895–1906 гг. Т. 3 / составитель В.И. Маноцков. Тамбов, 1909.

34. Сборник земских известий. Вып. 1–3 / Издание Тамбовской губернской управы. Тамбов, 1868.

35. Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 г. Тамбов, 1903.

36. Смета расходов Тамбовского губернского земства на губернские повинности на 1916 г. Б. м., б. г.

37. Хозяйственный план с пояснительной к нему запиской на 1923–1924 гг. Тамбов, 1923.

IV. ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ

1. Борисоглебское эхо. Борисоглебск, 1915–1916.
2. Борисоглебский вестник. 1917.
3. Вестник просвещения. 1919, 1921, 1922.
4. Вестник общества повседневной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям. 1908.
5. Женский вестник. 1904.

6. Журнал губернского земского собрания февральской сессии 1906 года. Тамбов, 1906.

7. Журнал очередного Тамбовского уездного земского собрания сессии 1914 г. Тамбов, 1915.

8. Журнал Тамбовского губернского земского собрания февральской сессии 1906 г. Тамбов, 1906.

9. Журнал Тамбовского уездного земского собрания очередной сессии 1904 года: с приложениями. Тамбов, 1905.

10. Журнал Тамбовского уездного земского собрания очередной сессии 1915 г. Тамбов, 1916.

11. Журналы Кирсановского уездного земского собрания: чрезвычайные: 16 янв., 13 мая, 20 ноября и очередные 25–29 сент.: (Журналы собрания, сметы, доклады Управы и комиссии с прил.). Тамбов, 1909.

12. Журналы Тамбовского губернского земского собрания очередной сессии 1912 г. Тамбов, 1912.

13. Журналы Тамбовского губернского земского собрания очередной сессии 1914 г. с приложениями. Тамбов, 1915.

14. Журналы Тамбовского губернского земского собрания очередной сессии 1915 г. Тамбов, 1915.

15. Журналы Шацкого уездного земского собрания очередной сессии 1908 г. Шацк, 1909.

16. Известия Верховного Совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. Пг., 1914, 1915.

17. Известия Тамбовского Совета рабочих солдатских и крестьянских депутатов. Тамбов, 1917.

18. Известия Всероссийского Центрального исполнительного комитета Советов. 1919.

19. Известия главного комитета Всероссийского Земского Союза. Ассигнования губернских и уездных земств на нужды, вызванные войной. М., 1916.

20. Известия Тамбовского Совета рабочих, крестьянских, солдатских депутатов. 1917.

21. Козловская газета. 1904, 1914.

22. Козловская мысль. 1914.

23. Козловское уездное земское собрание. Журналы Козловского уездного земского собрания чрезвычайных заседаний 4

января и 15 марта, очередной сессии 30 сентября и 1–7 октября и чрезвычайного заседания 9 декабря 1913 года: с приложениями. Тамбов: Типография губернского земства, 1914.

24. Моршанский телеграф. 1915–1918.

25. Нива. Пг., 1915–1917.

26. Тамбовские губернские ведомости. Тамбов, 1904, 1905.

27. Тамбовский земский вестник. Тамбов, 1915–1917.

28. Тамбовский край. Тамбов, 1914–1916.

29. Народная нива. 1915.

30. Охрана материнства и младенчества. 1917.

31. Тамбовские губернские ведомости. 1871. № 50.

32. Тамбовские губернские ведомости. 1904–1905.

33. Тамбовские епархиальные ведомости. 1873, 1892, 1897, 1904, 1906, 1907, 1910, 1915.

34. Тамбовский губернский комитет помощи беженцам. Вып. III. Журнал заседания губернского совещания 3 декабря и губернского комитета 17 декабря 1915 г. Тамбов, 1916.

35. Тамбовский край. 1915–1917.

36. Тамбовские отклики. 1914.

37. Тамбовское губернское земское собрание. Журналы Тамбовского губернского земского собрания очередной сессии 1915 г. с приложениями. Тамбов, 1916.

38. Тамбовское уездное земское собрание. Журналы Тамбовского губернского земского собрания очередной сессии 1914 г. с приложениями. Тамбов, 1915.

39. Шацкий народный листок. 1917. 19 июля.

V. МЕМУАРЫ, ДНЕВНИКИ, ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

1. *Вересаев В.В.* На японской войне. Записки // Вересаев В. Собр. соч. М., 1961. Т. 3.

2. *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника / вступ. статья Н.П. Соколова и А.Д. Степанского, публ. и коммент. Н.П. Соколова. М., 2000.

3. Детская колония в Тамбовской губернии в период Гражданской войны (1918–1920). Воспоминания Т.Ю. Коробьиной. 1974 г. URL: <http://www.domarchive.ru/chronica/307>

4. История становления и развития специального обучения и воспитания детей с нарушениями слуха в Тамбовской области. Часть 1. Период 20–80 годов XX века / авт.-сост. и ред. Т.А. Николенко. Тамбов, 2009.

5. *Новиков А.* Записки земского начальника. Спб., 1899.

6. *Сомов Н.И., Костина И.Н.* О времени и о себе. Страницы жизни старого тамбовского педагога Николая Ивановича Сомова. Тамбов, 2009.

7. *Гарбарев В.Е.* Большая семья. М.: Госучпедиздательство, 1949.

VI. НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. *Абиндер А.* Новый эконо курс и народное просвещение // Вестник просвещения. 1921. № 8.

2. *Авдеев А.* Младенческая смертность и история охраны материнства и детства в России и СССР // Историческая демография: сб. статей / под ред. М.Б. Денисенко, И.А. Троицкой. М., 2010.

3. *Авербах О.И.* Законодательные акты, вызванные войной 1914 года. Вильнюс, 1915.

4. *Ануфриева О.В.* Становление системы социальной защиты детства в России в конце XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Елец, 2009.

5. *Апарина И.И.* Государственное и частное призрение детей в дореволюционной России. М., 2000.

6. *Анкаримова Е.Ю.* Церковно-приходская благотворительность на Среднем Урале во второй половине XIX – начале XX в. // Благотворительность в истории России: Новые документы и исследования. СПб.: Нестор-История, 2008.

7. *Архипов С.В.* Благотворительность русской православной церкви во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Вестник Московского областного государственного университета. Серия: история и политические науки. 2015. № 3. С. 125-133.

8. *Бадулин В.В.* Учреждения социального воспитания // Народное образование в РСФСР (по статистическим данным Наркомпроса на 1-е апреля 1923 г.) / под общ. ред. К.А. Коноваловой. М., 1923. С. 10-12.

9. *Балашов Е.М.* Школа в Российском обществе 1917–1927 гг. Становление нового человека. СПб., 2003.

10. *Баранова Е.В., Лобанова А.С., Орлова В.Д.* Пространственный фактор формирования городской культуры (на материалах Тамбова во второй половине XIX – начале XX в.): монография. Тамбов, 2015.

11. *Баратынский П.А.* Исторический очерк фельдшерской школы Тамбовского губернского земства (1868–1913 годы) / директор П.А. Баратынский. Тамбов: Тип. губернского земства, 1915.

12. *Безай О.В.* Использование концлагерей в ходе подавления Тамбовского восстания 1920–1921 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики». 2018. № 8. URL: www.gramota.net/materials/9/2018/8/3.html

13. *Безгин В.Б.* Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). Москва; Тамбов, 2004.

14. *Безгин В.Б.* Опека малолетних и сирот в русском селе (вторая половина XIX века) // Юридический мир. 2009. № 2.

15. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг.: монография. М.: АИРО-XXI, 2014.

16. Благотворительные организации Калужской губернии в годы Первой мировой войны: монографическое историко-краеведческое пособие / И.С. Писаренко и др. Калуга, 2001.

17. *Бобровников В.Г.* Социальные преобразования Временного Правительства (март–октябрь 1917 г.) // Известия Волгоградского государственного технического университета: проблемы социально-гуманитарного знания. 2014. № 5. С. 67-70.

18. *Бурцов Н.* Дом трудолюбия // Памятная книжка Тамбовской губернии за 1879 г. Тамбов: Типография губернского правления, 1879. С. 132.

19. *В. К.* Заботы о детях беженцев на Юго-Западном фронте // Призрение и благотворительность в России. 1916. № 4. С. 276.

20. *Вадковский А.* Голос сельского священника о необходимости изыскать способы к вспомоществованию бедным и сиротам духовного происхождения // Тамбовский епархиальные ведомости. 1870. № 1. С. 17-24.

21. *Васильева* Задачи социального воспитания // Вестник просвещения. 1919. № 1-2.

22. *Ватник Н.С.* Учащаяся молодежь в годы Первой мировой войны // *Номо belli – человек войны в микроистории и истории повседневности: Россия и Европа XVIII–XX вв.: материалы Российской научной конференции.* Нижний Новгород, 2000.

23. *Владимирова А.К.* Незаконнорожденные дети // Записки для чтения. 1869. № 8-12.

24. *Власов П.В.* Благотворительность и милосердие в России. М., 2001.

25. *Воейков Л.А.* Сборник материалов для описания Тамбовской губернии. Спб., 1872.

26. *Вьюнник (Мерко) Е.П.* «Нет у нас маменьки, нету тятеньки!.. Сиротки мы трое горемычные!» Система социальной помощи и поддержки детей-сирот в конце XIX – начале XX века в повседневной практике // Трансформация провинциальной повседневности в условиях модернизационного развития России во второй половине XIX – начале XX в. / отв. ред. В.А. Шаповалов, И.Т. Шатохин. Белгород: НИУ «БелГУ», ООО «ГиК», 2011. С. 299-315.

27. Воспитание-обучение трудных детей: Из опыта санатория-школы / В.П. Кашенко, С.Н. Крюков. М., 1913.

28. *Герд И.* Сиротский дом Тамбовского губернского земства // Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 г. Тамбов: Типография губернского правления, 1903. С. 121-123.

29. *Гетрелл П.* Беженцы в России в годы Первой мировой войны // Исторические записки. 2001. № 4.

30. *Гетрелл П.* Беженцы и проблемы пола в России во время Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война (материалы междунар. коллоквиума). СПб., 1999.

31. *Гладыш С.* Дети большой беды. М., 2004.

32. *Голикова С.В., Дашкевич Л.А.* Призрение детей на Урале в XVIII – начале XX в.: институциональный и социокультурный аспекты. Екатеринбург, 2013.

33. *Горбунов В.А.* Становление и развитие тюремной благотворительности в России в 19 веке // Российская юстиция. 2006.

34. *Горбунова И.А.* Становление общественного призрения на Дальнем Востоке России (1884–февраль 1917 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2003.

35. *Гордеев Г.С.* Сельское хозяйство в войне и революции. Москва; Ленинград, 1925.

36. *Горелов А.А., Шукин Ю.К.* Эммануил Дмитриевич Нарышкин (1813–1910). Жизнеописание и деятельность почетного гражданина города Тамбова, благотворителя и мецената. Тамбов, 2002.

37. *Дашкевич Л.* К Организации деревни. Выдача в деревне продовольственного пайка семьям воинов // Русская мысль. 1915. № 10.

38. *Деревягина Т.Г.* Роль и место благотворительной деятельности купца А.М. Носова в организации социальных учреждений в г. Тамбове (вторая половина XIX – начало XX века). Тамбов, 2004.

39. Дети ГУЛАГа. 1918–1956 / под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. С.С. Виленский и др. М.: МФД, 2002. URL: <http://deti-gulaga.blogspot.com/>

40. Дефективные дети школьного возраста и всеобщее обучение / В.П. Кашенко. М., 1910.

41. *Дик А.А.* Учреждения для беспризорных детей в Тамбовской губернии 20-х гг.: реалии повседневной жизни // Труды кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического университета: сб. науч. трудов. Вып. IV. СПб.: Нестор, 2006.

42. *Дик А.А.* Девиантное поведение сельской молодежи в Тамбовской губернии 1920-х гг.: причины и особенности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 5-4 (11). С. 58-61.

43. *Дик А.А., Слезин А.А.* Сельские учреждения для беспризорных детей в Тамбовской губернии 1920-х годов // Российское село в XIX–XX вв. Тамбов, 2009. С. 92-101.

44. *Дорожкина О.А.* Сиротство в России: историко-педагогический анализ. Тамбов, 2000.

45. *Дьячков В.Л.* Российская демографическая модель XX в.: особенности перехода от традиции к модерну // Вестник Там-

бовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 20. Вып. 12 (152). С. 143-147.

46. Доклад о подкидышах // Тамбовское губернское земское собрание. Журналы заседаний Тамбовского губернского земского собрания в декабре 1867 г. Тамбов, 1868. С. 2.

47. Духовенство и Тамбовской епархии и война // Тамбовские епархиальные ведомости. 1916. 30 января. С. 125-136.

48. *Журавлев С.В., Соколов А.К.* Счастливое детство // Социальная история: Ежегодник 1997. М.: РОССПЭН, 1998. С. 159-203.

49. *Елисеев В.* Дети после «Антоновщины» // Посев. 2013. № 7 (1630). С. 42-46;

50. *Елисеев В.В.* Детство за колючей проволокой // *Filo Agri-adne*. 2017. № 4.

51. *Елфимова Н.В.* Становление и развитие социальной работы с несовершеннолетними в пореформенной России, 60-е гг. XIX – начало XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.

52. Епархиальное женское училище. 1878 // Памятная книжка Тамбовской губернии за 1879 г. Тамбов: Типография губернского правления, 1879.

53. *Задворнова Е.Е.* Государственно-общественное признание на Урале (последняя треть XVIII – начало XX века): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курган, 2001.

54. *Заколотная В.М.* Организация и функционирование крестьянской опеки над сиротами в России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2010. № 4.

55. *Земцов Л.И.* Волостной суд в России 60-х – первой половины 70-х годов XIX в. (по материалам Центрального Черноземья). Воронеж, 2002.

56. *Зориков А.Н.* Возникновение и развитие благотворительно-тюремных обществ в России в XIX – начале XX века: историко-правовой аспект проблемы // Проблемы социально-политической истории России. Тверь, 2003. Вып. 3. С. 10-29.

57. *Иконников С.А.* Роль попечительств о бедных духовного звания в материальном обеспечении православного приходского духовенства Центрального Черноземья второй половины XIX – начала XX века // Исторические, философские, политические и

юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 12. Ч. 2. С. 89-91; № 12 (86). Ч. 2.

58. *Ильинский В.* Благотворительность в России. История и настоящее положение. Спб., 1908.

59. *Истомина С.Ю.* Земское здравоохранение в Тамбовской губернии (1864–1918): дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2003.

60. *Истомина С.Ю.* Развитие земской родовспомогательной службы. Тамбов, 2002.

61. Исторический опыт социальной работы в России / под общ. ред. Л.В. Бадя. М., 1994.

62. *Калинникова-Магнуссон Л.В., Магнуссон М.* Социальная политика в отношении детской «дефективности» в военно-революционный период и в первую декаду Советской власти (1914–1927 гг.) // Вестник Поморского университета. 2005. № 1.

63. *Канищев В.В., Канищев Вл.В., Шлеин М.В.* Тамбовская городская дума. Исторический очерк. Тамбов, 2009.

64. *Кароли Д.* Дети-инвалиды в дореволюционной и советской России // Малолетние подданные большой империи: Филипп Ариес и история детства в России (XVIII – начало XX века): сб. ст. М., 2012. С. 138-196.

65. *Касаткин И.* Исправительный приют для малолетних // Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 г. Тамбов: Типография губернского правления, 1903.

66. *Кащенко В.П., Мурашев Г.В.* Исключительные дети. Дети нервные, трудные и слабоодаренные. Их изучение и воспитание / пред. Н.А. Семашко. М., 1927. С. 52-53.

67. *Келли К.* Об изучении истории детства в России XIX–XX вв. // Какокея. Из истории детства в России и других странах: Сб. статей и материалов / сост. Г.В. Макаревич. Москва; Тверь: Научная книга, 2008. С. 8-46.

68. *Керзум А.П.* Алексеевский Главный комитет. URL: <http://www.encspb.ru/object/2855738415?lc=ru>

69. *Колокольникова З.У., Подлесная Н.В.* Учреждения социального воспитания для морально-дефективных детей в Приенисейской Сибири в 20–30-е годы XX века // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 1. С. 136-140.

70. Красный Октябрь: Четвертая годовщина. Тамбов, 1921.
71. Крестовоздвиженское кладбищенское братство и школа-приют слепых детей в городе Тамбове // Тамбовские епархиальные ведомости. 1907. № 49.
72. *Кривошенин Н.В.* Город Лебедин и его уезд в 1917–1921 гг. М., 2016.
73. *Крылов П.* Новатор и гуманист: [М.С. Прокофьева – первая женщина-врач в Тамбове] // Тамб. правда. 1981. 18 марта.
74. *Куропаткин А.Н.* Русско-японская война 1904–1905: Итоги войны. СПб., 2002.
75. *Кухер К.* Размышления о подходах к изучению истории детства // Малолетние подданные большой империи: Филипп Ариес и история детства в России (XVIII – начало XX века): сб. ст. М.: РГГУ, 2013. С. 76-88.
76. *Кухер К., Щербинин П.П.* Особенности призрения детей-сирот в Тамбовской губернии в XIX – начале XX в. сквозь призму общественной и частной благотворительной деятельности // Вестник ТГУ. 2017. Т. 22, вып. 6 (170). С. 179-188.
77. *Лапин В.В.* Петербург. Запахи и звуки. СПб.: «Европейский дом», 2007.
78. *Лебедев А.Г.* История борьбы с нищенством и бродяжничеством в России XIX – начала XX в.: Опыт использования пенитенциарных учреждений // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2006. № 4. С. 111-126.
79. *Лебедев В.* Тамбовское епархиальное женское училище (1863–1903) // Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 г. Тамбов, 1903.
80. *Левитина М.И. (Маро)* Беспризорные. Социология, быт, практика работы. М., 1925.
81. *Линденмайер А.* Открывая Атлантиду: тенденции и перспективы изучения истории российской благотворительности // Благотворительность в истории России: Новые документы и исследования. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 95-107.
82. *Лисюнин В.* Женское образование в Тамбовской епархии (XIX – нач. XX в.) // Монастырская культура. Тамбов, 2003.
83. *Маклаков Н.* Нарышкинский Александровский приют для арестантских детей // Сборник-календарь Тамбовской губер-

нии на 1903 г. Тамбов: Типография губернского правления, 1903.

84. *Максимов Е.Д.* Особые благотворительные учреждения в России. Спб., 1903. С. 56.

85. *Матвеева Н.Л.* Благотворительность и императорская семья в годы Первой мировой войны. М., 2004.

86. *Мерко Е.П.* Эволюция правового регулирования деятельности опекунов над несовершеннолетними сиротами в конце XIX – начале XX в. // Белгородский диалог – 2012. Проблемы российской и всеобщей истории сборник избранных научных трудов Международного научного форума молодых историков / отв. ред. С.Н. Проккопенко. Белгород, 2012. С. 130-135.

87. *Мионов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. СПб.: Изд. Дмитрий Буланин, 2003.

88. *Мионов Б.Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. 2-е изд., испр., доп. М.: Изд-во «Весь мир», 2012;

89. *Мионов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015.

90. Нарышкинский приют для арестантских детей // Памятная книжка Тамбовской губернии за 1879 г. Тамбов: Типография губернского правления, 1879.

91. *Никольский В.И.* Тамбовский уезд, статистика населения и болезненности: дис. на степ. д-ра мед. врача В.И. Никольского. Тамбов: Тип. Д.С. Семенова, 1885.

92. *Нечаева А.М.* Охрана детей-сирот в России. М., 1994.

93. *Осипова М.П.* Материальное положение малолетних опекаемых в крестьянской среде Тамбовской губернии в XIX – начале XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 3 (9): в 3 ч. Ч. 2. С. 152-157.

94. *Осипова М.П.* Правовые основы и организация опеки над малолетними в крестьянской среде во второй половине XIX – начале XX в.: по материалам Тамбовской губернии: дис. ... канд.

ист. наук: 07.00.02; [Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина]. Липецк, 2011.

95. *Остроумов С.С.* Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1980.

96. Отчет о работе подотдела национальных меньшинств // Вестник просвещения. 1919. № 1-2.

97. *Павлова И.П.* Тюрьма и благотворительность в Российской империи второй половины XIX – начала XX века // Благотворительность в России. 2002: Исторические и социально-экономические исследования. СПб., 2003. С. 319-333.

98. *Павлова И.П.* Социальное попечение в России в конце XIX – начале XX века. Красноярск, 2003.

99. *Попов Н.М.* Социальная политика городских самоуправлений Тамбовской губернии в конце XIX – начале XX веков: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. Тамбов, 2006.

100. *Попова О.Д.* Психологический климат в женских епархиальных училищах середины XIX – начала XX в. // Педагогика. 2005. № 2.

101. Приют для девочек в Тамбовском женском монастыре // Памятная книжка Тамбовской губернии за 1879 г. Тамбов: Типография губернского правления, 1879. С. 127-128.

102. *П-ий Н.* Монастыри Тамбовской епархии в деле служения государству за истекший год войны // Тамбовские епархиальные ведомости. 1915. № 38.

103. Примерно-полезная благотворительность монастыря // Тамбовские епархиальные ведомости. 1992. № 5. С. 184-185.

104. Проблемы изучения и воспитания ребенка / под ред. В.П. Кащенко. М., 1926.

105. *Рожков А.Ю.* Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие // Вопр. истории. 2000. № 11. С. 134-139.

106. *Сальникова А.А.* Российское детство в XX веке: История, теория и практика исследования. Казань, 2007.

107. *Самошкин В.В.* Антоновское восстание. М.: Русский путь, 2005.

108. *Сенников Б.В.* Тамбовское восстание 1918–1921 гг. и раскрестьянивание России 1929–1933 гг. Серия «Библиотечка россияведения». М.: Посев, 2004. Вып. 9.

109. *Синова И.В.* Дети в городском российском социуме во второй половине XIX – начале XX в. СПб., 2014.

110. Система социального воспитания // Вестник воспитания. 1921. № 8.

111. *Скопцов Г.М.* Трудовое воспитание и политехническое образование. Из опыта работы школ и детских домов Тамбовской области 1917–1961 гг. Тамбов, 1962.

112. *Слезин А.А.* «Миру крикнули громко...»: Комсомол Центрального Черноземья в духовной жизни советского общества 1921–1929 гг.: социально-политические аспекты. Тамбов: ТГТУ, 2002.

113. *Смирнова Т.М.* Дети страны Советов: от государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1940 гг. Москва; Санкт-Петербург, 2015.

114. *Смирнова Т.М.* Дети Советской России (по материалам Деткомиссии ВЦИК. 1921–1924 гг.) // Социальная история. Ежегодник. 2001–2002. М.: РОССПЭН, 2004. С. 486-528.

115. *Соколов А.Р.* Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII – конец XIX в.): научное издание. СПб.: Лики России, 2006.

116. *Сомов Н.И., Костина И.Н.* О времени и о себе. Страницы жизни старого тамбовского педагога Николая Ивановича Сомова. Тамбов, 2009.

117. *Сурин М.* Война и деревня. М., 1907.

118. Тамбовское восстание 1920–1921 гг.: исследования, документы, воспоминания / под ред. А.В. Посадского. М.: АИРО–XXI, 2018.

119. *Туманова А.С.* Общественные организации города Тамбова на рубеже XIX–XX веков. Тамбов, 1999.

120. *Туманова А.С.* Самодержавие и общественные организации в России. Тамбов, 2002.

121. *Ульянова Г.Н.* Благотворительность в Российской империи, XIX – начало XX века. М., 2005.

122. *Фроммет Б.* Борьба с «военной» психологией // Свободное воспитание. 1916–1917. № 6.

123. *Чвикалов А.И.* Социальная деятельность учреждений земского самоуправления в губерниях Центрального Черноземья: монография. Воронеж: Истоки, 2014.

124. *Чвикалов А.И.* Учреждения общественного самоуправления (земское и городское) в губерниях Центрального Черноземья России во второй половине XIX – начале XX века: организационный и социальный аспекты: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Чвикалов Алексей Иосифович; [Место защиты: Воронеж. гос. ун-т]. Воронеж, 2017.

125. *Шустер Ф.* «Дай мне хлеба, и я дам тебе девушку». Бедность, контрабанда, шпионаж и проституция во время Первой мировой войны в еврейском контексте // Мировой кризис 1914–1920 годов и судьбы восточноевропейского еврейства / отв. ред. О.В. Будницкий. М., 2005.

126. *Щербинин П.* Повседневная жизнь семей запасных чинов и их признание в годы Русско-японской войны // Семья в ракурсе социального знания. Барнаул, 2001. С. 120.

127. *Щербинин П.П.* «Антоновщина» сквозь призму восприятия детей и подростков: выбор жизненного пути и его последствия в первой четверти XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 6 (80). Ч. 2. С. 113-115.

128. *Щербинин П.П.* Солдатские девки: правовой статус и повседневная жизнь в Российской империи в XVIII–XIX вв. // Частное и общественное: гендерный аспект: материалы Четвертой межд. науч. конф. РАИДЖИ и ИЭА РАН, 20–22 октября 2011 г., Ярославль. М.: ИЭА РАН, 2011. Т. 1. С. 451-454.

129. *Щербинин П.П.* Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в.: монография. Тамбов, 2004.

130. *Щербинин П.П.* Плод страсти роковой. Солдатки и их незаконнорожденные дети в 19 – начале 20 в. // Родина. 2003. № 8. С. 47-51.

131. *Щербинин П.П.* Повседневная жизнь девочек в России в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: сб. статей / сост. Н.Л. Пушкарева. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 864 с. С. 117-154.

132. *Щербинин П.П.* Дети русско-японской, подростки Первой мировой... Этапы взросления участников революции 1917 г. и Гражданской войны // Центр и периферия. 2015. № 3. С. 18-24.

133. *Щербинин П.П.* Дети-сироты и их признание в период войн России начала XX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2013. Вып. 9 (125). С. 334-341.

134. *Щербинин П.П.* Детская повседневность в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. (особенности гендерной педагогики и размывание традиционных гендерных ролей) // VI конгресс этнографов и антропологов России, Санкт-Петербург, 28 июня – 2 июля 2005 г.: тез. докл. / отв. ред. Ю.К. Чистов. СПб.: МАЭ РАН, 2005.

135. *Щербинин П.П.* Детская повседневность в европейских государствах в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. // Малолетние подданные большой империи: Филипп Ариес и история детства в России (XVIII – начало XX века): сб. ст. М.: РГГУ, 2012. С. 197-210.

136. *Щербинин П.П.* Влияние революционных событий 1917 г. на систему социальной защиты и признание детей-сирот в провинциальной России (на материалах Тамбовской губернии) // Революция 1917 г. в судьбах мира: уроки столетия: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (31 октября 2017 г.). Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2018. С. 148-152.

137. *Щербинин П.П.* Дети-беженцы: страдания, лишения и болезни (1915 и 2015 гг.) // Национальная безопасность в условиях глобализации: средства и способы реализации: III Междунар. интернет-конф. (Тамбов, 4 июня 2015 г.). Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2015. С. 15-16.

138. *Ульянова Г.Н.* Законодательство о благотворительности в России (конец XVIII – начало XX в.) // Отечественная история. 2005. № 6. С. 17-32.

139. *Ульянова Г.Н.* Изучение истории благотворительности в России: тенденции и приоритеты (1989–2002 гг.) // Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования. СПб., 2003. С. 16-29.

140. Училища-приюты при женских монастырях // Тамбовские епархиальные ведомости. 1882. № 23.

141. *Фирсов М.В.* Социальная работа в России: теория, история, общественная практика. М., 1996.

142. *Фирсов М.* История социальной работы в России: тенденции становления // Нужда и порядок. История социальной работы в России, XX в.: сб науч. статей / под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. Саратов, 2005. С. 65-128.

143. Экономические нужды Центрально-Черноземной области. Материалы по вопросу о хозяйственном и культурном восстановлении области. Воронеж, 1925.

144. *Юстус И.В., Яшина М.А.* Система и деятельность учреждений по признанию детей в конце XIX – начале XX веков: отечественный и зарубежный опыт. Ульяновск, 2006.

VI. НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

1. *Alan Ball.* And Now My Soul is Hardened: Abandoned Children in Soviet Russia, 1918–1930. Berkeley: University of California Press, 1994.

2. *Bobkov A.S.* On the Issue of Using Asphyxiating Gas in the Suppression of the Tambov Uprising // The Journal of Slavic Military Studies. 2012. Vol. 25. № 1. P. 65-104.

3. *Clementine G.K.* Creuziger. Childhood in Russia: Representation and Reality. Lanham, Maryland: University Press of America, 1996.

4. *Frieden N.M.* Child Care: Medical Reform in a Traditionalist Culture // The family in Imperial Russia. New lines of historical research // ed. by D.L. Ransel. University of Illinois Press, 1978.

5. *Sheila Fitzpatrick.* The Commissariat of Enlightenment: Soviet Organization of Education and the Arts under Lunacharsky (October 1917–1921). Cambridge: Cambridge University Press, 1970. P. 162-203.

6. *Kaufmann F.-X.* Varianten des Wohlfahrtsstaates. Der deutsche Sozialstaat im internationalen Vergleich. Frankfurt a/M., 2003.

7. *Kelly C.* Children's World: Growing Up in Russia 1890–1991. New Haven-L.: Yale UP, 2007.

8. *Kelly C.* Riding the Magic Carpet: Children and Leader Cult in the Stalin Era // Slavic and East European Journal. Vol. 49. № 2.

9. *Lisa A. Kirschenbaum*. *Small Comrades: Revolutionizing Childhood in Soviet Russia, 1917–1932*. London: Routledge, 2003.

10. *Kuhr-Korolev C.* «Gezaemte Helden». Die Formierung der Sowjetjugend 1917–1932. Essen, 2005.

11. *Kucher K.* Die visualisierte Kindheit im Russland des 19. Jahrhunderts. Stilisierte Welten zwischen Kanonen, Birken und Schulbänken, in: *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 60. 2012. H. 4. S. 510-532.

12. *Kucher K. von Winning A.* Privates Leben und öffentliche Interessen. Adlige Familie und Kindheit in Russlands langem 19. Jahrhundert, in: *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 63. 2015. H. 2. S. 233-255.

13. *Lindenmey A.* Maternalism and Child Welfare in Late Imperial Russia // *Journal of Women's History*. 1993. Vol. 5. No. 2.

14. *Lindenmeyr A.* *Poverty Is Nota a Vice: Charity, Society and the State in Imperial Russia*. Princeton, 1996.

15. *Ransel D.L.* *Mothers of Misery. Child Abandonment in Russia*. Princeton, 1988. P. 256-293.

16. *Ransel D.* *Russia and the USSR* // N. Ray Hiner and Joseph M. Hawes (eds.). *Children in Historical and Comparative Perspective: An International Handbook and Research Guide*. New York: Greenwood Press, 1991.

17. *Ritter G.A.* *Der Sozialstaat, Entstehung und Entwicklung im internationalen Vergleich*, München 2010 (3. Aufl.)

18. *Wirtschaftler E.K.* *Soldiers Children, 1719–1856: A study of social engineering in imperial Russia* // *Forschungen zur osteuropäische Geschichte*. № 30. 1982.

19. *Wendy Z. Goldman.* *Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936*. Cambridge University Press, 1993.

Список сокращений

волисполком – исполнительный комитет волостного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов

ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)

ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет

ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляций и преступления по должности

ГАСПИТО – Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области

ГАТО – Государственный архив Тамбовской области

ГИК и гик – губернский исполнительный комитет, губисполком

горпродотдел – городской продовольственный отдел

губком – губернский комитет

губисполком – губернский исполнительный комитет

губздравотдел – губернский отдел образования

губнаробраз, губоно, гоно – Губернский отдел народного образования

губтрудсобес – губернский трудовой отдел социального обеспечения

Комонес – Комиссия по делам несовершеннолетних

деткомиссия – комиссия по улучшению жизни детей

ЖАКТ – жилищно-арендное кооперативное товарищество (кооперативно-арендное объединение, арендовавшее жилые дома у местных Советов с целью предоставления жилой площади)

женотдел – отдел по работе среди работниц и крестьянок

исполком – исполнительный комитет

МВД – министерство внутренних дел

Наркомат – народный комиссариат

Наркомпрос – народный комиссариат просвещения

Наркомздрав – народный комиссариат здравоохранения

Наркомсобес – народный комиссариат социального обеспечения

НКВД – народный комиссариат внутренних дел

НЭП – новая экономическая политика
Помголод – помощь голодающим
РЕВВОЕНСОВЕТ – революционный военный совет
РКИ – рабоче-крестьянская инспекция
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
СНК, совнарком – Совет народных комиссаров
собес – социальное обеспечение
соцвос – социальное воспитание
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
унаробраз, уоно – уездный отдел народного образования
ЦСУ – Центральное статистическое управление
ЦЧО – Центрально-Черноземная область

Научное издание

ЩЕРБИНИН Павел Петрович

«Пустите детей ко мне...»:
«дети беды» и попечительство
до и после 1917 года

Монография

Издано в авторской редакции
Дизайн обложки Г.А. Милосердова

Подписано в печать 14.10.2018 г. Формат 60×84/16.
Усл. печ. л. 21,51. Тираж 500 экз. Заказ № 18337.

Издательский дом «Державинский». 392008, г. Тамбов, ул. Советская, 190г
Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
Издательского дома «Державинский»
392008, г. Тамбов, ул. Советская, д. 190г

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК